

ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Швейцария. На берегу Женевского озера.

Фото А. Новикова.

На первой странице обложки: ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ МИЧУРИН.

Рисунок В. Климашина.

На последней странице обложки: Мичуринск. В саду Научно-исследовательского института плодоводства имени И. В. Мичурина. Одна из лучших работниц, Валентина Лаптева, на сборе фруктов.

Фото Н. Драчинского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 43 (1480) 23 ОКТЯБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДА БУДЕТ ЗЕМЛЯ ПРЕКРАСНОЙ!

Письмо профессора Чжу Си: «Мичуринское учение быстро распространяется в Китае...»

«Чем дальше, тем глубже сознают в нашей стране, что Мичурин открыл новую эпоху в сельскохозяйственной науке». Это пишет инженер — доктор Оскар Малиш, Чехословакия. И он рассказывает о центре народных новаторов-мичуринцев в Праге, о 489 кружках с 7 тысячами молодых мичуринцев, о резких изменениях в географии полевых культур страны. Доктор Малиш считает, что все это «больше, чем можно себе представить... в стране, где жил и пропагандировал свои взгляды монах Грегор Мендель».

«...перед сельским хозяйством открылись новые перспективы, более широкие, чем когда-либо прежде»,— утверждает Александр Квесада из государственного сельскохозяйственного института в Мексике.

«Идеи и методы Ивана Владимировича Мичурина распространились в Бельгии», — заявляет Ш. Сиронваль, доктор ботаники, президент общества «Бельгийские друзья Мичурина».

Аллан Г. Мортон (Англия) говорит о новых перспективах для практики, о целом неизвестном прежде направлении исследований, о «мичуринской биологии».

«...в любой изданной в нашей стране книге по генетике растений или по лесоводству мы находим упоминания имени Мичурина». Это из Италии, доктор Феличе Ланца.

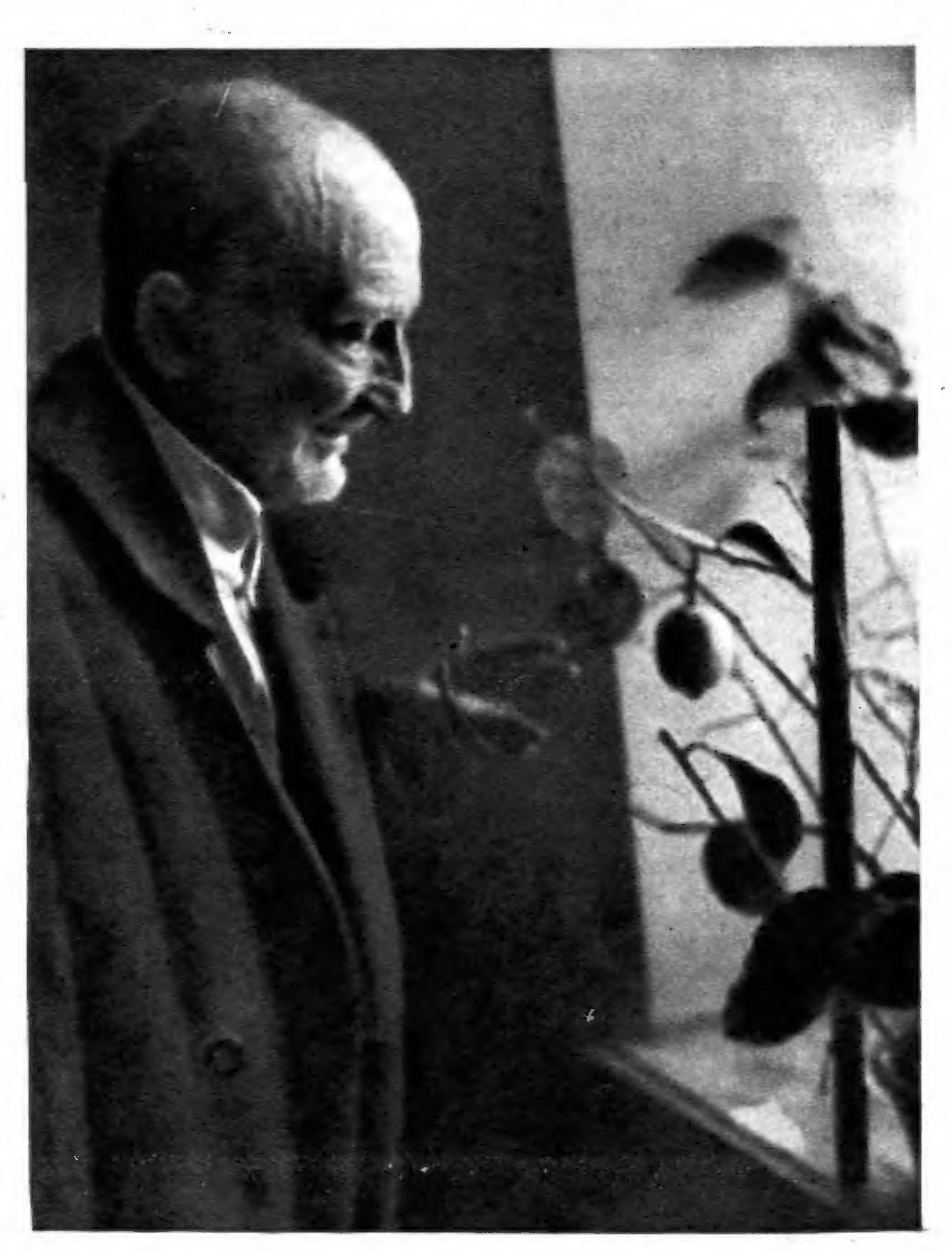
«Дарвинизм приобрел новое творческое значение благодаря огромной плодотворной работе Ивана Владимировича Мичурина...»— отмечает Дж. Дж. Чиной (Индия, университет в Дели).

Ф. Обердорф (ГДР) имеет право сказать: «В каждой стране, в которой сельское хозяйство играет важную роль, а сельскохозяйственная наука усиленно занимается вопросами возделывания и селекции растений, имя Мичурина стало символом».

Все эти сообщения мы находим в специальном номере «Агробиологии» — толстом, на 400 страниц, томе с лицом немолодого человека на обложке. Где же, в какой части нашей планеты не знакомо теперь это лицо, умное, немного суровое, с живым, пристальным, настойчивым взглядом чуть прищуренных глаз — в нем жесткость и властность, никакой размягченности, неукротимая воля! Взгляд человека, который умел не отступать, идти до конца по неслыханно трудной дороге.

И вот то, что он сделал, что создал, что начал, растет и ширится, переступает границы стран, шагает через высочайшие на земле горы, через океаны и служит миллионам и миллионам людей.

В нашей стране дело его стало всенародным — это та народная наука, которая грезилась некогда К. А. Тимирязеву как истинная наука будущего.

И. В. Мичурин у себя в комнате.
Фото А. Пархоменко (неопубликованный снимок).

Так кто же этот человек, какую дорогу прошел он, что за учение нам завещал?

...Уездная глушь. Время Александра II. Недавно сказано поэтом, «печальником горя народного»:

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России,—
Там вековая тишина.

Худенький подросток, явно некрепкого здоровья, почти мальчик, целый день сгибается над конторскими книгами. Он не знал детства. В семье нищета. Наступает вечер. Спускаются сумерки. А он с самозабвенной страстностью все еще работает — только теперь не в товарной конторе станции Козлов, а в крошечном палисаднике.

Таков его «рабочий день» в течение десятилетий. Годы спустя, когда у него уже появилась семья, дети, Маша и Коля, природный день кажется ему слишком короток. На ветку подвешивают «летучую мышь». А потом еще и в комнате отец со своими маленькими помощниками заканчивает дневной урок упражнениями в прививках на ивовых прутьях.

Нужда была неотступной спутницей его. Только в 45 лет он приобрел наконец тот пустошный клочок земли, на котором и был создан затем замечательный сад. Но переселяться — за версты! — пришлось пешком, все растения — на загорбке; в кармане оставалось семь рублей. Месяцы, годы впроголодь. Накануне шестидесятилетия, когда «годы ушли и силы истощены», он все еще отмечает: «на старость не иметь для себя никакого обеспечения...»

Это было в 1914 году. А через три года, когда грянула Великая Октябрьская социалистическая революция, железная воля Мичурина дала ему силы победить старость, прожить вторую жизнь — и какую! — совершить новый творческий и трудовой подвиг.

Беспримерны те задачи, которые совершенно сознательно с самого начала в своей уездной глуши ставил перед собой нищий садовод. Он решил ни более ни менее, как не мириться с «печальной картиной былого русского садоводства», «переделать все это», в частности — легко сказать! — «передвинуть границу произрастания южных культур далеко на север».

Он понимал, что для этого требовалось по меньшей мере «поиному воздействовать на природу растений». Понимал, отлично зная (его статьи, письма, дневниковые записи той поры не оставляют в этом сомнения), что, по категорическому приговору тогдашней господствующей науки, самая постановка вопроса о произвольном воздействии на природу живых организмов бессмысленна. «Чиновники из департамента кричали на меня: «Не сметь!» Казенные ученые объявляли мои гибриды «незаконнорожденными»...».

Какой же силой надо было обладать, чтобы начать сражение и одержать победу **вопреки всему**! Представим же себе ясно это «вопреки всему»: это хоть сколько-нибудь подскажет нам меру совершенного Мичуриным.

Сам о себе Мичурин говорил, что он был «незаметным отшельником экспериментального садоводства в царской России». Но гигантская практическая власть над живой природой, какой он добился, не могла оставаться незамеченной. Да и дело его вовсе не начиналось с «ничего», с пустого места. Сам из рода страстных садоводов, он кровно был связан с традициями садоводства, с работой людей, своими руками пересоздававших природу вокруг человека. Напомним, что именно человеческая практика, опыт садоводов-оригинаторов, полеводов, животноводов подсказали самую великую биологическую теорию девятнадцатого века ее творцу. Со смелостью еще небывалой, Мичурин двинулся дальше по дороге, указанной Чарльзом Дарвином. И та наука, которую он создавал,— наиболее могучее ма-

териалистическое знание о живой природе — была новым этапом в развитии всей биологии вообще.

Да, о Мичурине и тогда знали, письма к нему приходили сотнями (он печатно извинялся, что нет у него времени и сил сразу отвечать на все), его зазывали за океан, прельщая положением американского селекционера Бербанка (очень незавидным, как мы знаем теперь, положением), но в самое тяжелое для себя время, когда он боялся гибели своего дела, Мичурин отказался без колебаний: жизнь и работа для него значили только одно — жизнь и работу для Родины.

Сад в Козлове казался сказочным всем, кто побывал в нем (а приезжали и из-за тысячи верст). Десятки безвестных корреспондентов запрашивали: когда же будет издано полное описание этих поразительных опытов, чтобы не погибли они бесследно?

Но так непроницаемо было мертвое, пренебрежительное молчание всей казенной науки, что даже передовые ученые России не имели возможности что-либо узнать о Мичурине.

Его дело спасла Советская власть. Только в советскую эпоху оно, получив «невиданный размах» (слова Мичурина), стало таким, каким мы его знаем. В судьбу Мичурина лично вмешался Ленин. В этом году И. И. Презентом в «Вопросах философии» опубликованы интересные подробности первого знакомства Владимира Ильича с трудами преобразователя природы. Со своей несравненной зоркостью Ленин увидел вопрос исключительной важности в коротком сообщении И. Ф. Франца, заведующего Тамбовским губземотделом, о мичуринском питомнике. И. Ф. Франц не мог рассказать много. «...Я тогда не понимал всей значимости этого вопроса и мои объяснения вертелись вокруг сладкой рябины и особо вкусных груш и крупных вишен», — вспоминает он. Но Ленин тут же дал указание послать в Козлов «вполне компетентную комиссию».

Мы не знаем имен ездивших. Несомненно, это были специалисты той самой кабинетной науки, против которой непримиримо была направлена вся жизнь, вся работа Мичурина. Они разглядели в Козлове только чудака, мечтающего «выращивать на вербе груши». Что же? Весь вопрос можно предать забвению?

Но не забыл Ленин. Он приказал представить ему все, что касается Мичурина. «Только мне непосредственно, лично». И не согласился со слепцами или клеветниками. И. Ф. Францу он сказал: «...вы думали и хлопотали о садовнике Мичурине, а не поставили перед собой весь вопрос в целом. Это вас отвлекло от сути дела. Теперь я это в сути возьму на себя...»

К Мичурину поехал М. И. Калинин. И в дни между двумя последними своими выступлениями (13 ноября 1922 года — на конгрессе Коминтерна и 20 ноября — на пленуме Моссовета) Владимир Ильич направляет телеграмму Тамбовскому губисполкому, копия Мичурину. Телеграмма эта печаталась в десятках книг. Но до сих пор неточно указывался ее адрес, из книги в книгу переходили некоторые ошибки в тексте, телеграмма датировалась 18 февраля вместо правильного 18 ноября 1922 года. «Опыты по получению новых культур растений имеют громадное государственное значение», — подчеркивалось в этой телеграмме. Это было начало нового отношения государства к науке о преобразовании живой природы. И это стало истинным открытием Мичурина для Родины, для науки, для человечества.

Он один создал целый мирок растений, целую не существовавшую до него флору. «Ни один селекционер в мире во все времена не может похвастать столькими сортами, сколько может предъявить Иван Владимирович», — сказал еще при жизни Мичурина американец профессор Ганзен. Больше трехсот сортов! Но уместно ли тут даже это привычное — «сорта»? Так властно и резко изменены во многих из них свойства растений, что ботаник, встретившись с ними в дикой природе, отнес бы их к новым видам, а то и родам!

Мичурин предпринимал как бы полную перестройку некоторых культур. Он создал, например, вишню, крона которой напоминает литой шар, вишне-черешневое дерево с гроздьями, похожими на виноградные, вишню, плоды которой созревают все сразу.

Казались ошеломляющими отдаленные скрещивания Мичурина: вишни с черемухой, груши с рябиной, малины с земляникой (он применял подобные скрещивания, чтобы расшатать наследственность, сбить организм с «проторенной колеи» и затем взять его в руки). По неуловимым признакам (вроде формы семечек, «посадки листовых пластин» сеянца) он предугадывал все особенности будущих растений — вплоть до времени созревания, размера, вкуса и окраски плодов! Часто это было настоящее ботаническое ясновидение. Такая почти фантастическая власть над природой опиралась на новое знание, на еще небывалое проникновение в биологические законы.

Свой отказ признать возможным произвольное изменение природы организмов господствующая домичуринская биология обосновывала логическими рассуждениями, которые долго казались безупречными ссылками на факты и опыты, самое число которых, повидимому, устраняло сомнения в их правильности. Работа молотобойца развивает мощные бицепсы. Но, спрашивали нас, как могут они передаться его детям?

Я помню, что в то время, когда я учился биологии — в двадцатых годах, — риторический этот вопрос представлялся многим из нас исполненным сокрушающей силы. И немедленно влек за собой ряд удивительных следствий. Живая жизнь оказывалась рассеченной, разъятой на части. Тело (которое отныне именовалось только греческим словом «сома») начисто отсекалось от зародышевых клеток. Сам организм так отрывался от земли, воздуха, окружающей среды, вскормившей, взрастившей его, точно между ними зияло межзвездное пространство.

Сущность эволюции, независимой от любых материальных воздействий, становилась тогда непостижимой. Мичурин на деле показал, что **можно** и **как** можно управлять эволюцией. Вся шестидесятилетняя работа его — непрерывное доказательство, что организм неотрывен от своей среды. При непрестанном участии внешних материальных воздействий формируется он, так же, как в ряду поколений, в ходе эволюции формировались его наследственные свойства. Нет, они вовсе не остаются неизменными, изумительно тонкие нити связывают живую жизнь с бесконечно многообразным миром вокруг нее.

Наследственность, «сила» ее меняется уже в течение жизни организма. Не одинаковы, например, по своей природе сеянцы, выросшие из плодов, снятых со старых и молодых ветвей дерева. Свойства у старого растения вообладают при скрещивании над свойствами молодого, у местного — над свойствами привозного, стародавние — над вновь приобретенными.

Еще в первом периоде своей деятельности, еще молодым человеком, Мичурин восстал против разрыва единого живого тела на «сому» и таинственное «наследственное вещество». В сущности, он не спорил. Он просто продемонстрировал непреложными опытами, что прививка, приращивание друг к другу двух организмов, двух тел, с обменом соками, питательными веществами, безо всякого скрещивания может вести к истинной гибридизации. Следовательно, нет никакой пропасти между процессами воспроизведения и другими жизненными процессами в организме. Мост через пропасть перекинут. Половой процесс стал в ряд с такими, как питание, ассимиляция. Для Мичурина (и в этом тоже одна из важнейших особенностей его учения) теория и практика неразрывны. Открытие сразу сделалось для него рабочим приемом. Знаменитый мичуринский метод ментора состоял именно в том, что неустоявшаяся еще природа молодого гибридного сорта изменялась прививкой к растению-«воспитателю». А метод этот знаменовал революционный переворот не только в мировой практике селекции, но и в самой философии биологических явлений!

Мичурин работал с растениями; но как чисто, прекрасно, в самом высоком смысле человечно все его учение! Он работал для того, чтобы дары природы, лучшие плоды — роскошь богачей — стали доступны, как хлеб, для каждого трудящегося человека. Он хотел, чтобы Родина его стала «цветущим садом».

И, перечитывая записки, «помологические характеристики», встречая посреди деловой статьи вдруг крылатые строки, страстно устремленные к будущему и пришлые его, снова убеждаешься, какое могучее чувство красоты и поэзии носил в себе этот внешне суровый человек.

Мы подчас даже не отдаем себе отчета, как глубоко вошло в нашу жизнь, в плоть и кровь сегодняшней науки дело Мичурина, его мысли, идеи, учение. Он дал толчок гигантскому в нашей стране народному движению мичуринцев, преобразователей природы — от ученого до колхозника.

Вот я читаю, что в Мичуринске, в мичуринском саду сроки созревания новых сортов (вместе с дозреванием в лежке особо выведенных плодов) теперь уже заполняют все месяцы года. Круглый год — с января по декабрь! Задача, поставленная И. В. Мичуриным, выполнена.

Яблоня в Сибири, стелющаяся, положенная человеком на землю, превращенная в «стланец», по-мичурински переделанная, чтобы шагнуть на сибирские просторы, за много тысяч километров от той границы, где еще на нашей памяти только и считались возможными яблоневые сады...

Черешня под Ленинградом! Какое же это «осеверение»? Тысячи на две километров!

В изумительные дни необыкновенной московской осени этого года мы прочли и не удивились: начался сбор подмосковного винограда. Мичуринского винограда!

В совхозе «Сад-гигант», в Краснодарском крае, в очень большом саде в стране — площадь его 2 152 гектара — ноша плодов на отдельных деревьях превышает тонну. Мичуринским урожаем называют это в бригадах совхоза.

Сады в царской России занимали всего 655 тысяч гектаров — площадь наших садов достигла почти 2,5 миллиона гектаров. Петрозаводск, Великий Устюг, Тобольск вошли в черту садоводства. Но и много выше, севернее, «очаги» садов: Мурманск, Кировск, Архангельск. Сады на Урале, на Камчатке, на Сахалине.

Жители сотен городов едят плоды, созданные Мичуриным. Передо мной данные о распространении свыше чем полусотни мичуринских сортов. «Антоновка полуторафунтовая» вошла в «стандарт» в 11 областях. Слива «Ренклод колхозный» — в 24. Знаменитая вишня «Плодородная Мичурина», которая не вымерзла в Канаде в жестокую зиму 1898 года, когда погибли все другие вишни, сейчас районирована в 49 областях. «Бельфлер-китайка» — в 50. «Пепин шафранный» — в 51, яблоня «Славянка» — в 54.

Громадное дело, которое осуществляется сейчас в нашей стране, — грандиозный «северный поход» кукурузы — это дело в традициях Мичурина.

Без отдаленных мичуринских скрещиваний не существовало бы пшенично-пырейных гибридов.

Все нынешнее полеводство, животноводство, учение о сохранении сортов и пород, улучшении старых, выведении новых нельзя мыслить иначе, как на мичуринских путях. Откройте любой научный журнал, посвященный селекции, — над какими бы (бесконечно разнообразными) объектами ни работал селекционер, он работает не так, как работал бы в домичуринскую пору. Всю его работу — в целях ее, в «темах», в способах — как бы насквозь проникает и властно направляет тот факт, что жил, что творил Мичурин, столетие со дня рождения которого отмечает ныне все прогрессивное человечество.

«Ведь мы мичуринцы», — говорят о себе создатели «караваевского стада».

Яровизация, летние посадки картофеля, нынешние новаторские предложения о применении органо-минеральных удобрений стали возможны только потому, что ряд новых глав вписан в старую биологическую науку и главы эти касаются самой сердцевины ее — учения о развитии, об эволюции, вооружая новым могуществом человека — властителя природы.

Да будет земля прекрасной!

В. САФОНОВ

Эмиль Гилельс и дирижер Филадельфийского оркестра Евгений Орманди.

На концерте Э. Гилельса

(Письмо из Нью-Йорка)

Свой первый концерт в Нью-Йорке советский пианист Эмиль Гилельс давал в Карнеги-холле с Филадельфийским оркестром под управлением Евгения Орманди. Этим концертом открывался нью-йоркский музыкальный сезон 1955—1956 года.

У входа в концертный зал мы увидели необычную для Нью-Йорка, но хорошо знакомую москвичам картину: каждого прибывающего встречали вопросом: «Нет ли лишнего билета?».

Билеты на все концерты Гилельса были проданы еще до того, как советский пианист прибыл в Соединенные Штаты.

Среди людей, переполнивших зал, было немало профессиональных музыкантов.

...На эстраде появился Эмиль Гилельс. Партер вежливо молчал. Аплодировала главным образом галерка. Впрочем, завсегдатаи Карнеги-холла не щедры на авансы. Но вот прозвучали последние аккорды концерта, несколько секунд в зале стояла тишина, а потом люди бросились к эстраде.

Четвертый, пятый и шестой раз советский пианист выходит на эстраду, а зал продолжает греметь аплодисментами. Нарушая старую традицию Карнеги-холла, где не приняты выступления на бис, дирижер Орманди приглашает Эмиля Гилельса к роялю. Советский пианист играет прелюдию Баха, затем скерцо Мендельсона. Снова буря аплодисментов.

Лишь когда в зале вторично зажгли свет, а служащие начали выносить пюпитры, публика направилась к выходам.

Я пошла за кулисы, но на лестнице, ведущей в артистическую, уже толпилась большая очередь: всем хотелось пожать руку советскому пианисту, высказать ему свою признательность. Мне так и не удалось протиснуться к Гилельсу. Он был окружен стеной людей, которые просили автографы, пожимали ему руку, обнимали его...

На следующий день после концерта почти вся нью-йоркская печать писала о «феноменальном мастерстве советского пианиста». Одна газета назвала приезд Эмиля Гилельса в Соединенные Штаты первым крупным «культурным дивидендом» от улучшения советско-американских отношений после Женевы. «Если это называется сосуществованием,— добавила другая газета,— то пусть его будет больше».

Л. ТЮРИНА

Большой телевизионный центр Москвы

В столице начинается строительство большого телевизионного центра. В юго-западном районе Москвы, где уже высятся башни телецентра, вырастет другая башня-гигант высотой не менее 300 метров. У ее основания разместятся 11 студий и аппаратных, склады и базы.

Прежде всего будут построены две студии, необходимые для передачи второй телевизионной программы. Уже в будущем году москвичи смогут выбирать по своему усмотрению программы: не понравится, предположим, концерт, можно повернуть ручку на телевизоре и посмотреть репортаж со стадиона. Кроме двух черно-белых программ, телецентр будет вести передачи и цветной телевизионной программы.

— Большой московский телецентр будет оборудован по последнему слову техники,— рассказывает директор центральной студии телевидения В. Н. Шароева.— Мы получим совершенную съемочную и передающую аппаратуру, специальные передвижные телестанции. Эти телепередвижки расширят внестудийные передачи с заводов и площадей Москвы, из подмосковных колхозов и совхозов, со строек, из садов и парков, с аэродромов и стадионов.

Представляет интерес и аппаратура для киносъемки телевизионных изображений с приемной трубки экрана. Это позволит сохранить наиболее интересные телепередачи, повторить их и разослать для других телецентров страны. Помимо этого, создается кинобаза телевизионного центра, своеобразный «Телефильм». Мы будем снимать спектакли, концерты, спортивные состязания, событийные сюжеты и демонстрировать их по телевидению.

Строительство большого телевизионного центра в Москве — крупное событие в культурной жизни столицы. Две черно-белые и цветная телевизионные передачи помогут москвичам полнее и шире знакомиться с крупными общественными событиями, с достижениями науки и техники, с жизнью промышленных предприятий, стройками и новыми театральными постановками.

Е. КАРПАЧЕВ

ДЕКАДА ТУРКМЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА В МОСКВЕ

Трудящиеся столицы проявляют большой интерес к искусству и литературе туркменского народа. Гости выступают в театрах, на предприятиях, в клубах Москвы. Тепло и сердечно был встречен на заводе «Фрезер» коллектив туркменского оркестра народных инструментов.

На снимке: участники декады после выступления беседуют с рабочими завода.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Встреча с французскими киноактерами

На открытии «Недели французского фильма». Слева направо: итальянский режиссер Де Сантис, Жерар Филип, г-жа Филип, г-жа Клер, Рене Клер и Даниель Даррье.

Фото Е. Умнова.

Вечером 17 октября около подъезда московского Дома кино царило особенное оживление. Яркий свет прожекторов освещал два государственных флага — СССР и Франции. В этот день здесь торжественно отмечалось начало «Недели французского фильма», которая проходит в Москве и Ленинграде.

Тепло встретили собравшиеся появление за столом президиума гостей из Франции — известных французских актеров, режиссеров, сценаристов, кинопредпринимателей.

Выступившие на вечере глава делегации киноработников Франции Ги Дессон, генеральный директор Национальной кинематографии Франции Жак Фло и Чрезвычайный и Полномочный посол Франции г-н Луи Жокс благодарили за прием, который оказывается не только артистам, но и всем французам, приезжающим в Советский Союз.

Затем был показан фильм «Большие маневры». Поставил его Рене Клер, главную роль исполняет Жерар Филип — оба они члены делегации киноработников Франции. После просмотра зрители тепло приветствовали создателей фильма.

Крейсер «Александр Суворов» подходит к стенке Портсмутской гавани.

ВИЗИТЫ

С БАЛТИЙЦАМИ В АНГЛИИ

К. НЕПОМНЯЩИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

Туман рассеялся, и мы увидели Англию. Поднявшийся первым на борт крейсера «Свердлов» британский офицер — это был капитан-лейтенант Олфорд — на прекрасном русском языке обратился к советским морякам:

— Весь остров ждет вас, господа!

Накануне британские радиовещательные компании в каждом выпуске последних новостей сообщали о приближении отряда советских кораблей, вышедших из балтийских портов в Портсмут под флагом адмирала Арсения Григорьевича Головко.

Поход был трудным. Мы миновали берега Польши и Германии при хорошей погоде, но у датских островов попали в сплошной туман. Тем не менее, когда отряд советских кораблей вошел в пролив Большой Бельт, адмирал Головко, несмотря на отсутствие всякой видимости, приказал идти со скоростью 12 узлов. Экипажи крейсеров «Свердлов» и «Александр Суворов» и четырех эсминцев показали, что они могут успешно справляться с любой трудной задачей в любых условиях.

Но вот позади остались 1 300 морских миль. Сначала эсминцы, а затем крейсеры проходят узкое горлышко Портсмутской бухты и втягиваются в гавань. Множество людей, вышедших на катерах в море и собравшихся на берегу, сердечно приветствует советских моряков.

Сотни объективов фото- и кинокамер были устремлены на советские корабли, и часа через полтора мы уже держали в руках экстренный выпуск портсмутской газеты «Ивнинг ньюс». Здесь были напечатаны первые снимки, сделанные на берегу, а также с самолетов, геликоптеров и катеров, встречавших нас на рейде. Через всю полосу на шесть колонок шли заголовки: «История сегодня делается в Портсмуте», «Русские уже здесь и наши — в Ленинграде».

На верхней палубе «Свердлова» я вижу двух рядовых моряков, русского и английского. Засняв их, я записываю лаконичный и выразительный диалог:

Роберт Камберленд: «Вы к нам с попутным ветром, я надеюсь?»

Федор Макаров: «Да, с попутным, а если быть более точным, то лучше сказать — с женевским ветром».

Хорошая мысль! Именно женевский ветер привел с дружеским визитом отряд советских военных кораблей в английские воды. Об этом говорили советские и английские офицеры во время приема на авианосце «Бульварк», устроенного адмиралом флота сэром Георгом Кризи. На этом приеме было немало офицеров британского флота, моряков и летчиков, которые плечом к плечу с советскими воинами сражались на Севере против фашизма.

В огромном, празднично украшенном зале авианосца мы встретили капитан-лейтенанта Р. У. Армитаджа, воевавшего на Севере. С разных сторон слышалась фраза, обращенная к Армитаджу: «Лаки мэн» (удачливый, счастливый человек). Я спросил капитана Армитаджа, чем вызвано такое оживление.

— О, очень просто! — отвечал он.— Сегодня из моего экипажа пригласили двух офицеров на встречу с офицерами «Свердлова». Так как хотели пойти все, то пришлось устроить чуть ли не тайное голосование. Я был избран большинством голосов, и друзья поэтому называют меня счастливчиком.

Советские моряки и граждане Портсмута на борту парусного корабля «Виктория».
Фото К. Непомнящего.

В первый день пребывания советских кораблей в Портсмуте адмирал Головко устроил на борту крейсера «Свердлов» пресс-конференцию для английских и иностранных корреспондентов. Прибыло около 70 журналистов, представители крупнейших агентств и газет.

— Туман — враг всех моряков, в том числе и русских. Поэтому мы с некоторым опозданием открываем пресс-конференцию,— начал А. Г. Головко.— Я хотел бы прежде всего воспользоваться благоприятным случаем и через вас передать сердечный привет жителям Англии и особенно жителям Портсмута и поблагодарить их за теплый прием. Мы, советские люди, надеемся, что визит советских военных кораблей в Англию и английских — в СССР укрепит дружественные связи между нашими народами. Он даст нам возможность установить дружеский контакт с британскими моряками.

Роберт Камберленд и Федор Макаров.

Посыпались вопросы. Они следовали один за другим, касались разных сторон жизни и быта советских моряков.

— Не думаете ли вы, адмирал,— спросил один из корреспондентов,— что отвечать на наши вопросы вам будет труднее, чем пройти через английские туманы?

— Посмотрим, какие будут вопросы,— отвечал Головко.

— Будет ли разрешено советским морякам сойти на берег?

— Безусловно.

— Можно ли фотографировать советских моряков?

— Конечно. Фотографируйте на здоровье.

Слова адмирала вызывают одобрительный смех.

Расходясь, корреспонденты тепло благодарили адмирала за беседу.

На следующий день начались экскурсии по

ДРУЖБЫ

Портсмуту и Лондону, встречи с английскими моряками и гражданскими лицами. Шел оживленный обмен адресами. С огромным успехом в казармах английских матросов выступал Ансамбль песни и пляски Балтийского флота. Популярные советские и английские песни пели вместе с артистами ансамбля многие зрители. Хозяин зала, в котором выступали наши моряки, сказал мне:

— Оставьте ансамбль на некоторое время, и я наконец поправлю свои дела...

В советском посольстве, на приеме, который был дан в честь адмирала Головко и его офицеров, адмирал флота сэр Георг Кризи сказал корреспонденту «Огонька»:

— Ваши корабли вызвали большое восхищение английских моряков. Эти корабли вполне современны. Их боевые качества весьма высоки. Они приятно ласкают глаз моряка. Я очень рад был встретить в Англии адмирала Арсения Головко. У него много друзей среди моих сослуживцев с тех времен, когда мы воевали плечом к плечу на Севере. Что касается меня, я с вашими моряками знаком с 1953 года, когда в Англию приходил крейсер «Свердлов». Ваши моряки молоды, они прекрасно выглядят и очень жизнерадостны.

16 октября на «Свердлове» был дан прощальный обед для руководителей британского флота. В гости к советским морякам прибыли адмиралы, генералы и высшие офицеры Портсмутской военной базы во главе с морским министром Англии, первым лордом Адмиралтейства Томасом. Это была сердечная и дружеская встреча.

Морской министр Англии, подводя итоги визита военных кораблей, заявил корреспонденту «Огонька», что этот визит прошел со стопроцентным успехом.

— Я уверен,— сказал министр,— что так было и в Ленинграде, где в течение пяти дней гостили британские моряки. Скромность мешает мне заявить о том, как высоко советские друзья оценивают прием, который мы оказали им в Англии. Надеюсь,— продолжал министр,— что визиты принесли удовольствие как нам, так и вам.

— Не могли ли бы вы сказать несколько слов о значении подобных визитов?

— Я считаю,— отвечал министр,— что эти визиты будут иметь большое значение для дела мира во всем мире. Очень важно, чтобы наши народы возможно больше знали друг о друге. Нет, по-моему, лучших послов, чем флоты наших обеих стран. Как я в своей последней речи заявил, моя единственная надежда и молитва состоит в том, чтобы соединительная цепь дружбы была выкована между народами так же успешно, как она явно выкована между нашими флотами.

На следующий день, в 12 часов дня по Гринвичу, сопровождаемые добрыми напутствиями, советские корабли вышли из Портсмутской бухты.

И, может быть, самым приятным для советских моряков было то, что множество англичан, собравшихся на набережных, кричали: «До скорой встречи, друзья! До свидания!»

Адмирал А. Г. Головко и адмирал сэр Г. Кризи.

Вечером на Неве. Авианосец «Триумф».
Фото Н. Ананьева.

В ГОСТЯХ У ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Далеко на горизонте, там, где море сливается с небом, возникают очертания большого корабля. Еще несколько минут — и мы отчетливо видим все английские военные корабли, пришедшие в Советский Союз. Впереди, высоко возвышаясь над водой, авианосец «Триумф». На нем флаг командующего флотом метрополии адмирала сэра Майкла Денни.

Балтика оглашается залпами корабельной артиллерии. Это советский эсминец по морскому обычаю приветствует гостей салютом. На подходе к Кронштадту с борта «Триумфа» раздается 21 выстрел «Салюта наций», ему отвечают батареи фортов.

На гранитных набережных Невы, куда вошли английские корабли, собрались толпы ленинградцев. «Триумф» встал «на бочку» ниже моста лейтенанта Шмидта. Несколько дальше, за мостом, бросили якори другие английские военные корабли. И с этого момента интерес города переместился сюда — к берегам Невы.

Как только на берег сошли первые английские матросы и офицеры, они сразу же оказались в окружении радушных хозяев. Быстро происходили знакомства. Новые друзья обменивались автографами, монетами и другими сувенирами.

Между берегом и кораблями непрерывно курсируют катера. От набережных отходят автобусы. В них английские матросы отправляются в экскурсию по городу. Перед гостями открыты двери музеев, клубов, дворцов культуры, театров, кино. Гости побывали в Центральном военно-морском музее. Побывал в музее и командующий флотом метрополии адмирал Майкл Денни.

На улицах и набережных, в матросском клубе, в театрах — всюду в эти дни звучала английская речь. Гости выезжали в Петродворец, побывали в Русском музее, на легендарном крейсере «Аврора», на стадионе имени С. М. Кирова.

В воскресный день авианосец «Триумф» «атаковала» ленинградская детвора. На огромной палубе их ждало много интересного. Адмирал Майкл Денни и его супруга устроили веселый праздник для 400 ленинградских школьников.

...Незаметно прошли пять дней. Многое увидели английские матросы и офицеры. Но они сожалеют, что приходится так скоро сниматься с якорей.

Первым покинул Неву авианосец «Триумф». Несмотря на сильный ветер и проливной дождь, тысячи ленинградцев провожали гостей.

К. ЧЕРЕВКОВ

Матросы Джемс Грин иФерешт Брайн оставляют свои автографы школьникам.

Группа английских морских офицеров из личного состава отряда британских военных кораблей, прибывших в Советский Союз с дружественным визитом, посетила Москву. Заместитель Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР адмирал С. Г. Горшков дал обед в честь командующего флотом метрополии адмирала сэра Майкла Денни и прибывших с ним английских морских офицеров.

На снимке: в Центральном Доме Советской Армии на обеде у адмирала С. Г. Горшкова. Справа налево: Чрезвычайный и Полномочный Посол Великобритании в СССР сэр У. Хэйтер, адмирал С. Г. Горшков, сэр Майкл Денни.

Фото Я. Рюмкина.

Из лирики

А. ТВАРДОВСКИЙ

* * *

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла,
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу — света и тепла.

И сказок в трепетную память,
И песен стороны родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.

И в захолустье, потрясенном
Всемирным чудом новых дней,
Старинных зим с певучим стоном
Далеких — за лесом — саней.

И весен в дружном развороте,
Морей и речек на дворе,
Икры лягушечьей в болоте,
Смолы у сосен на коре.

И летних гроз, грибов и ягод,
Росистых троп в траве глухой,
Пастушьих радостей и тягот,
И слез над книгой дорогой.

И ранней горечи и боли,
И детской мстительной мечты,
И дней, не высиженных в школе,
И босоты, и наготы.

Всего — и скудости унылой
В потемках отчего угла...

Нет, жизнь меня не обделила,
Ничем в ряду не обошла.

Ни щедрой выдачей здоровья
И сил надолго про запас.
Ни первой дружбой и любовью,
Что во второй не встретишь раз.

Ни славы замыслом зеленым —
Отравой сладкой строк и слов,
Ни кружкой с дымным самогоном
В кругу певцов и мудрецов,

Тихонь и спорщиков до страсти,
Чей толк не прост и речь остра
Насчет былой и новой власти,
Насчет добра и недобра...

Чтоб жил и был всегда с народом,
Чтоб ведал все, что станет с ним,
Не обошла тридцатым годом,
И сорок первым, и иным...

И столько в сердце поместила,
Что диву даться до поры,
Какие резкие под силу
Ему ознобы и жары.

И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю, это счастье —
Не мимоходом жизнь пройти.

Не мимоездом стороною
Ее увидеть без хлопот,
Но знать горбом и всей спиною
Ее крутой и жесткий пот.

И будто дело молодое —
Все, что затеял и слепил,
Считать одной ничтожной долей
Того, что людям должен был.

Зато порукой обоюдной
Любая скрашена страда.

Еще и впредь мне будет трудно,
Но чтобы страшно — никогда.

* * *

Час рассветный подъема,
Час мой ранний люблю.
Ни в дороге, ни дома
Никогда не просплю.

Для меня в этом часе
Суток лучшая часть:
Непочатый в запасе
День, а жизнь началась.

Все под силу задачи,
Всех яснее одна.
Я хитер, я богаче
Тех, что спят допоздна.

Но грустнее начало
Дня уже самого.
Мне все кажется: мало
Остается его.

Он поспешно убудет,
Вот и на-бок пора.
Это молодость любит
Подлинней вечера.

А потом, хоть из пушки
Громыхай под окном,
Со слюной на подушке
Спать готова и днем.

Что, мол, счастье дневное —
Не уйдет, подождет.
Наше дело иное,
Наш скупее расчет.

И другой распорядок
Тех же суток у нас.
Так он дорог, так сладок,
Ранней бодрости час.

* * *

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока:
Моя задолженность меня
Преследует жестоко.

У стольких душ людских в долгу,
Живу, бедой объятый:
А вдруг сквитаться не смогу
За все, что было взято!

За то добро, за то тепло,
Участье и пристрастье,
Что в душу мне от них вошло,
Дало изведать счастье.

Сдается часом: заплачу,
Покрою все до строчки;
А часом: нет, не по плечу,
И вновь прошу отсрочки.

И вновь становятся в черед
Сомненье, сил упадок.
Беда! А выйду на народ:
— Ну, как! — Бодрюсь: — Порядок...

И устаю от той игры,
От горького секрета,
Как будто еду до поры
В вагоне без билета.

Как будто я какой злодей,
Под страхом постоянным,
Как будто лучших я друзей
К себе привлек обманом.

От мысли той невмоготу,
И тяжелей усталость.
Вот подведут они черту,
И — вдруг — один останусь!

И буду, сам себе ровня,
Один, в тоске глубокой.

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока.

За что же мне такой удел,
Вся жизнь — из суток в сутки!..

...А что ж ты, собственно, хотел!
Ты думал: счастье — шутки!

* * *

Не много надобно труда,
Уменья и отваги,
Чтоб строчки в рифму, хоть куда,
Составить на бумаге.

То в виде елочки густой,
Хотя и однобокой,
То в виде лесенки крутой,
Хотя и невысокой.

Но бьешься, бьешься так и сяк —
Им не сойти с бумаги.
Как говорит старик Маршак:
— Голубчик, мало тяги.

Дрова как будто и сухи,
Да не играет печка.
Стихи как будто и стихи,
Да правды — ни словечка.—

Пеняешь ты на неуспех,
На козни в этом мире:
— Чем не стихи! Не хуже тех
Стихов, что в «Новом мире».

Но совесть, та исподтишка
Тебе подскажет вскоре:
Не хуже — честь невелика,
Не лучше — вот что горе!

Покамест молод — малый спрос:
Играй. Но бог избави,
Чтоб до седых дожить волос,
Служа пустой забаве.

* * *

Снега потемнеют синие
Вдоль загородных дорог,
И воды зайдут низинами
В прозрачный еще лесок.

Недвижной гладью прикинутся,
И разом — в сырой ночи
В поход отовсюду ринутся,
Из русел выбив ручьи.

И сонная, талая,
Земля обвянет едва,
Листву прошивая старую,
Пойдет строчить трава.

И с ветром нежнозеленая
Ольховая пыльца,
Из детских лет донесенная,
Как тень, коснется лица.

И сердце почует зáново,
Что свежесть поры любой
Не только была да канула,
А есть и будет с тобой.

* * *

Ты — дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной пустотой,
А мы условились, что будем
И за твоею жить чертой.

И за твоею мглой безгласной,
Мы — здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны,
Иного смерти не дано.

И, нашей связаны порукой,
Мы вместе знаем чудеса:
Мы слышим в вечности друг друга
И различаем голоса.

И нам, живущим ныне людям,
Не оставаться без родни:
Все с нами те, кого мы любим,
Мы не одни, как и они.

И как бы ни был провод тонок,
Между своими связь жива.

Ты это слышишь, друг-потомок!
Ты повторишь мои слова!..

* * *

Спасибо, моя родная
Земля, мой отчий дом,
За все, что от жизни знаю,
Что в сердце ношу своем.

За время, за век огромный,
Что выпал и мне с тобой,
За все, что люблю и помню,
За радость мою и боль.

За горечь мою и муку,
Что не миновал в пути.
За добрую науку,
С которой вперед идти.

За то, что бессменно, верно
Тебе служить хочу
И труд мне любой безмерный
Еще как раз по плечу.

И дерзкий порыв по нраву,
И сил не занимать,
И свято на подвиг право
Во имя твое, во славу
И счастье, отчизна-мать.

Рисунки
В. ВЫСОЦКОГО.

ПЕВЕЦ РУССКОЙ ПРИРОДЫ

К 80-летию со дня рождения К. Ф. Юона

В. БАКШЕЕВ,
народный художник РСФСР,
действительный член Академии художеств СССР

Писать о творчестве Константина Федоровича Юона вдвойне приятно: и оттого, что это выдающийся современный живописец, и потому, что с ним, младшим представителем художников моего поколения, связаны дорогие для меня воспоминания.

Мы оба москвичи, оба учились, хотя и в разное время, в московском училище живописи, ваяния и зодчества. В одну и ту же эпоху вступили мы на самостоятельную и трудную дорогу профессионала-художника. Мы объединены не только общностью интересов, вкусов, но, мне кажется, и верностью традициям русского передового реалистического искусства.

Учителями К. Юона были большие художники, люди высоких моральных качеств, оказавшие на вдумчивого юношу благоприятное воздействие,— К. А. Савицкий, А. Е. Архипов, знаменитый портретист В. А. Серов.

У Константина Федоровича Юона рано проявилась ставшая его отличительной чертой творческая самобытность. Благодаря этой особенности, укрепившейся и хорошим педагогическим руководством, Юон сумел избежать модернистско-упадочнического поветрия, которым было заражено русское искусство в конце минувшего и начале нового века. Именно в эти годы складывалось здоровое, прогрессивное мировоззрение молодого художника, решительно отвергнувшего модные тогда реакционные теории «чистого искусства», «искусства ради искусства».

Константин Федорович скоро добивается признания, становится постоянным и популярным участником художественных выставок, где одно за другим появляются незабываемые юоновские полотна.

Отличный рисовальщик, тонкий колорист, подлинный поэт-лирик и вместе с тем последовательный реалист и мыслитель — таким представляется нам К. Ф. Юон. Подобно своим замечательным предшественникам - пейзажистам Ф. А. Васильеву, А. К. Саврасову, И. И. Шишкину, В. Д. Поленову, И. И. Левитану, Юон превыше всего ставит русскую природу, которую так же глубоко чувствует, постигает. И так же, как они, Юон правдиво, без прикрас, с подкупающей поэтической свежестью, с большой эмоциональной силой рассказывает в своих многочисленных произведениях о любимом, часто виденном. С одинаковым вниманием относится художник и к главному и к характерным деталям, обобщая свои впечатления в сильном живописном образе пейзажа-картины. Так же, как его предшественники и старшие современники, К. Юон вдохновенно воспевает любимое с детства Подмосковье и среднюю полосу России.

К. Юон — неподражаемый певец русской зимы, создавший множество чудесных вариантов зимнего пейзажа в разном освещении, в разные дни. Пленительны юоновские заснеженные просторы, искрящиеся на солнце голубоватым перламутром, с чернеющими продрогшими перелесками, с резко очерченными на светлом фоне легкими фигурами лыжников, схваченных в движении. Или, словно в сказке, дремлющие поля в пушистом серебряном уборе, когда пылает закат или близится бледный еще рассвет.

Излюбленный художником зимний пейзаж присутствует и в ряде интересных полотен, написанных на волнующие темы советской действительности или навеянных историческими событиями Великого Октября. Можно указать хотя бы на «Утро индустриальной Москвы» или «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года». Последняя картина с ее сумрачно холодным колоритом ранней суровой зимы, величественно строгими архитектурными очертаниями площади воспринимается созвучно с настроением участников парада, с их предельной внутренней собранностью — с тем душевным состоянием, которое переживал весь наш народ в грозную военную пору...

С горячей увлеченностью работает К. Юон и над летними и весенними пейзажами, пронизанными теплом и светом, также покоряющими четкостью рисунка, чистотой красок, свойственным художнику жизнерадостным мироощущением.

Мастерски пишет Константин Федорович зимою и летом старое русское захолустье с его тихими речушками, небольшими пристанями, запущенными садами, с нехитрыми, но людными базарами, обветшалыми домишками.

Глубоко интересуясь историческим прошлым России и основательно его изучив, в частности, старорусскую архитектуру, К. Юон великолепно воссоздает в красках целые архитектурные ансамбли Загорска (Троице - Сергиевской лавры), Москвы, Новгорода, Пскова, Ростова Великого, Углича. В работах такого рода художник чужд стилизаторства, подделки под старину, эстетского ею любования.

Разнообразные по духу и мотивам юоновские пейзажи — лирические, эпические, архитектурные, индустриальные — насыщены оптимизмом, любовью к человеку, живым движением, красочными штрихами из народного быта. Пейзажи-картины К. Юона, созданные на протяжении почти шестидесяти лет, помогают и раскрытию социального содержания русской народной жизни определенного периода и, безусловно, имеют историко-познавательное значение.

Пейзажист по преимуществу, Константин Федорович с неизменным успехом работает и в других жанрах. Разносторонность художника красноречиво подтверждают его портреты, многофигурные композиции, превосходные работы в области театрально-декорационного искусства и кино, монументальные стенные росписи. Много и продуктивно работает К. Ф. Юон и как педагог; известна его литературная и общественная деятельность.

Достойный продолжатель и активный пропагандист классических традиций русской реалистической школы пейзажной живописи, Константин Федорович всегда стойко боролся против ремесленничества и равнодушия в искусстве, так же как и против его бессодержательности, внешней эффектности — всего того, что характерно для узкоэстетских, антинародных тенденций.

Нашей смене есть чему поучиться у Константина Федоровича — и не только отменному мастерству, но и беззаветной преданности искусству, самоотверженности в труде, принципиальности. Юон, бесспорно, внес значительный вклад в сокровищницу русской живописи, сыграв немаловажную роль в деле развития нашей художественной культуры.

Произведения К. Юона обращены к широким массам и оттого ими по-настоящему любимы. О популярности юоновского творчества свидетельствует тот факт, что картины художника украшают пятьдесят советских музеев.

Долгий творческий путь, пройденный К. Юоном,— это славный путь большого, многогранного и плодовитого мастера, с особенной проникновенностью воспевающего природу своей Родины.

К. Ф. Юон. УТРО ИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОСКВЫ.

К. Ф. Юон. МАРТОВСКОЕ СОЛНЦЕ. 1915 год.

Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек». 1955.

К. Ф. Юон. СЕЛЬСКИЙ ПРАЗДНИК. Тверская губерния. 1910 год.

Государственная Третьяковская галерея.

ТРОЕ В ТАЙГЕ

Рассказ

Станислав МЕЛЕШИН

Рисунки А. ВАСИНА.

I

Утром Олана вызвала Никиту из юрты и попросила его пойти с ней в тайгу отнести продукты и патроны старому Багыру — ее отцу, охотнику-одиночке.

— Идти далеко, а одна боюсь,— сказала Олана.

Никита обрадовался и согласился. Наконец-то он скажет ей о своей любви и подарит песца, которого берег для нее...

— На лыжах пойдем, а хочешь, поедем на оленях! Со мной не бойся! Карабин возьму, мешок с едой сам понесу!

Олана ласково провела рукой по его щеке.

...Слепящий простор уходил к холодным, синим Уральским горам; солнце будто плавилось в снегу, и над ним стелился пар; лучи поблескивали в воздухе, они таяли в дрожащем мареве горизонта. Кругом ни кустика, ни камня — только снег и синий купол неба.

Лыжи не скользили, приходилось напрягаться. Олана шла впереди. Никите было неудобно отставать от нее. Тяжелый рюкзак с едой и патронами давил плечи, карабин болтался за спиной, кольца на поясе позвякивали, когда Никита поправлял снаряжение. Он часто останавливался: было тяжело и жарко. Глубоко вздыхая, он мысленно ругался: ничего хорошего в этой прогулке теперь не видел. Олана даже не оглядывается. К отцу торопится! Соскучилась!

Никита охотился с бригадой и знал, что старый Багыр не любит людей и редко бывает в Суевате. Догадывался и о причине: кто-то, наверное, крепко обидел хорошего охотника — не сдает пушнину и мясо заготовителю в артели, а ездит в Ивдель на городскую базу. Жадный, копит припасы и деньги, мечтает поселиться с семьей в тайге. Но бабушка Оланы не соглашается жить там, вдали от многочисленных родственников, да и Олана тоже... Когда умерла мать Оланы, ни одна вдова из стойбища не пошла замуж за Багыра, опасаясь его крутого нрава... Только свою красивую дочь Олану любит он. Да и на нее разгневался Багыр, когда, окончив семилетку, она стала работать избачом. Но потом старик простил дочь. Олана жалела отца, волновалась, если он долго не возвращался с охоты. Никита понимал, что она не боится его. А вот сам он не любил Багыра и боялся хитрых, угрюмых его глаз и широкой, тяжелой спины.

Никита вспомнил, как ночью приснилась ему Олана, проснулся — захотелось увидеть ее наяву. Пришел к юрте Багыровых, постучал в дверь: думал, отца нет дома. Вышла Олана, накинув малицу на плечи, сказала тихо:

— Отец спит. Давай постоим.

Не заметили, как хмурый Багыр стал перед Никитой и глухо приказал:

— Иди! Я тебя не люблю, и моя дочь никогда не будет твоей женой!

А ее взял за руку, как маленькую, и увел в юрту. Никита обиделся и рассердился тогда на Багыра. Хотелось крикнуть: «Она будет моей невестой! Пусть со мной стоит, говорить хочу!», — но сдержался и больше к юрте не приходил: встречался с Оланой в избе-читальне.

И вот сейчас они одни. Снег и небо. Олана впереди черной точкой. Почему Олана так торопится?

— Олана!— крикнул Никита.

Остановилась, машет рукой. Никита догнал Олану, поровнялся — пошла медленно.

— О чем ты думаешь? Скажи мне.

Олана усмехнулась, покачала головой:

— Угадай!

И больше ничего не сказала.

Никита не стал гадать и заговорил о том, что они прошли уже почти полпути и что к вечеру доберутся до тайги.

Кругом снег и снег... Скучно. Небо побледнело, подернулось серым цветом. Только вдали, у горизонта, оставалась яркосиняя полоса. Там садилось солнце.

— Устал, да?— Олана похлопала Никиту по плечу.— Отдохнем.

«Словно мать сказала!»— подумал Никита. Вот она смотрит ему в глаза как-то осторожно и грустно, и он никак не может справиться с волнением. Перед ним Олана, которую он любит... Какая она красивая в чистой бело-голубой малице с черным капюшоном, откинутым назад! Густые темные волосы, матовый большой лоб, глаза живые, черные, лучистые...

Он сам хоть и некрасивый, но «симпатичный» — ведь Олана сказала ему так однажды. Только вот шрам прорезал левую скулу — это провел лапой медведь, когда ходил Никита с дедом Кимаем в тайгу на охоту. Пусть и некрасивый Никита, он знает, что любит Олану, и ничего больше не надо ему на свете!

Никите казалось, что если он сейчас откроется ей в этом, Олана обрадуется и скажет, что она и сама не спит по ночам, все думает о нем. Но говорить о любви было боязно: вставало перед глазами широкое лицо Багыра с угрюмой усмешкой.

«Ну, раз любишь, так что ж молчишь?!»— упрекнул сам себя Никита. А кто-то словно подсказывает тихо: «Скажи ей, она будет знать». А-а-а! Это сердце так стучит: скажи, скажи!

«И скажу!— ответил Никита своему сердцу и почувствовал себя смелым.— Она будет моей!»

Он схватил ее за плечо. Олана присела, вскрикнула, и Никита смутился. Он вздохнул, отступил в сторону, поправил карабин на плече... Олана сжала губы сердечком, холодно прищурила глаза. Дышала она тяжело, пугаясь строгого лица Никиты, его вздрагивающих ноздрей. «Я самый младший рода Бахтиаровых. По обычаю могу принимать решение как старший»,— успокоил он себя.

Там вдали синяя тайга. А здесь только он и солнце, желтые снега, небо и красивая, родная Олана. Торопливо в груди стучит сердце, к горлу подступает теплая волна. Жарко. Сейчас! Сейчас! Слушай!

— Пришла пора любить нам. Я люблю.

Никита отдышался, вытер лоб рукавом. «Наверно, тихо сказал — не услышала»,— решил он и с трудом улыбнулся. Ему показалось, что ее большой белый лоб стал белее, а пушистые черные ресницы длиннее. Приблизив лицо, она удивленно посмотрела на Никиту Бахтиарова, словно не понимая или обдумывая что-то. Вот сейчас можно ее поцеловать или погладить щеку... Олана улыбалась. Он догадался: каждой девушке приятно, когда ей говорят о любви. Смелея от этой мысли, Никита крикнул громко:

— А ты любишь? — И протянул руки навстречу Олане, зажмурив глаза.

Олана стояла, встревоженная, закинув голову, косы ее распустились.

— А-а?— пропела она, спрашивая, и хитро подмигнула: — Догоняй!

Догонять Никита не стал. Сейчас он чувствовал себя взрослым и умным мужчиной, который сделал какое-то очень большое, ответственное дело, и бегать за девчонкой с его стороны было бы глупостью.

Олана остановилась, повернулась на лыжах — никто не бежит! Раскинула руки, просительно растянула:

— Ну-у, догоняй!

Ее щеки залил румянец. Она зло сжала губы — нарочно, чтобы Никита увидел, как она сердится на него.

— Жених, эй!— рассмеялась... И оборвала смех, поняв, что сделала ему больно.

Олана присмирела, заметив печаль на лице Никиты. Лицо его было сейчас какое-то доброе, родное, красивое. Они шли рядом, слушая шелест лыж, думая каждый о том, что есть любовь и с ней нужно что-то делать. Шли молча, тяжело, присмирев; очевидно, оба поняли, что с этим шутить нельзя.

Небо посерело еще больше, опустилось ниже. Дохнуло прохладой. Яркая зелень тайги встала перед глазами. Белые углы сугробов поднялись вверх, закрыли тайгу. Громадные, на лыжах не пройти — увязнешь!

По перелеску в широком логу гулял ветерок, тонко свистел, полируя сугробы. Там, за сугробами, соснами и кедрами, зимняя стоянка Багыра.

Никита заметил, что Олана погрустнела, и вот теперь с сожалением ощутил, что не сказал ей что-то еще... главное. Вот она уйдет к отцу, станет опять дочерью старого Багыра, а он, Никита, будет просто Никитой Бахтиаровым, провожающим, спутником — хе! — жителем одного и того же стойбища...

Сугробы обошли. Первая сосна, вторая... Тонкая, голая березка под кедрачом. Олана рядом, идет к отцу! Тихо. Надо говорить. А то так, незаметно она может совсем уйти...

Они остановились отдохнуть. Никита нечаянно задел ее плечом.

— Вот я тебе воротник песцовый принес. Бери, обо мне каждый день думай...

Олана взяла на ладонь — песцовая шкурка заискрилась, как снег, заголубела полоской лунного света. Прижала мех к губам и опять наклонила голову к лицу Никиты, как раньше, когда он сказал ей: «Я люблю». Подняла голову — глаза в глаза смотрят, губы близко-близко. Он услышал, как она дышит. Брови в инее. Губы пунцовые, блестят, с морщинкой. Голос грудной, ласковый:

— Сердце убежит — торопится! Вот у меня как стучит... громко! — Обняла за плечи.— Помолчим...

Никита стоял, не шевелясь: боялся, что она уберет руку с плеча. Подумалось: «Как брата обняла». Согласился:

— Помолчим,— и пожалел, что и сейчас поцеловать ее нельзя: обидится.

«Надо знать, когда целовать,— упрекнул он сам себя.— Эх, ты!»

— Олана! Я поцелую в щеку, ладно?— сказал он, чувствуя, как краснеет.

— Хитрый... А зачем?

Такого вопроса Никита никак не ожидал и растерялся. Ничего не сказал в ответ. «Да, зачем?»— спросил он сам себя, и ему стало почему-то очень стыдно.

«Чужая... Невестой будет. Чьей?»

Вспомнил, как приезжал из Пелыма на стойбище толстый манси, в юрту Оланы заходил. Важный такой! Секретарь сельсовета он на Пелыме! Приедет еще раз с подарками к бабушке — увезет Олану с собой!

Никита схватил ее за руку. Она испугалась, вскрикнула:

— Что?

Глаза ее, черные, красивые, стали печальными. Никогда она не видела Никиту таким злым.

— Метель,— хрипло произнес он, нахмурившись.— Ветер гудит, слышишь? Бурелом будет...

Ветер гудел там, в ложбинах, где стояли у камней голые березы, а здесь, в глубине тайги, начиналась снежная кутерьма. Стало пасмурно от белой крупы, сыпавшейся откуда-то сверху: там качались верхушки сосен, ветер падал упруго на ветви, сдувал пласты слоеного куржака. Они шлепались глухо вниз, обдавая спутников серебристой колючей пылью. Слышался треск: ломались старые, сухие ветки, тонко звенели льдинки, камнями прошивая сугробы. С каменной гряды доносилось гулкое: «Дан-бам-крык!» Это лобастые катыши-камни скатывались по ребрам скал, ударяясь друг о друга. Когда пальба стихала, воздух долго еще дрожал от гуда, будто где-то там, за зеленым дымом тайги, сдвигались глыбы гранита, оседая медленно-медленно...

Никита и Олана молча дошли до оврага с разбросанными каменными плитами. У обрыва густо кудрявились молоденькие зелено-дымчатые елочки, а в овраге щетинились кусты боярышника; здесь рассыпались снега, пороша ветки, и ветер летал над кустами, продувая верхи.

— Если люди вместе, вот как мы с тобой сейчас, им ничего не страшно,— вдруг сказала Олана.

— И если любишь,— добавил Никита громко и радостно.

Стало тихо, и оба они услышали тишину; из бурелома выдирался лось, желтой глыбой переваливаясь по сугробам, вскидывая копыта, фыркал от падающих на его спину пластов тяжелого слоеного снега. Остановился у черного кедра под голубыми ветками, опушенными снегом, обнял шеей ствол, почесался, пуская из ноздрей по облачку, стал тереться боком о кору. Кедр загудел. С вершины посыпалась снежная крупка. Сухо хрустнула ветка. Метнулась чья-то тень.

Лось вздрогнул, вытянул большую голову рогами вперед и замер, как изваянный из камня.

Никита, только сейчас вспомнив, что он, Никита Бахтиаров, охотник, завозился, часто дыша, снимая карабин с плеча. Мешали рукавицы... Пальцы ожглись о железо, сдвинули затвор. Дуло направилось на лося. Лось прикрыл глаза, совсем оцепенел.

— Сейчас богатой станешь!— прошептал Никита Олане.

Олана вдруг остро возненавидела его широкие плечи, надутые щеки, прищуренный глаз и ударила по руке.

— Дурак парень! Смотри, как красиво. Ах, стоит — не дышит...

Никита передернул плечами, обидчиво поджал губы.

— Жалко? Не мешай! Не твое дело... Я метко стреляю!

Олана грустно засмеялась. Ей стало больно оттого, что Никита не послушался. Взглянула на поляну. Лось не двигался. Никита снова приложился щекой к карабину, снова прищурил левый глаз — вот-вот выстрелит! Сердце будто упало: не слушается.

— Не надо, Никита, ну, милый... Хах! — обхватила его сзади за плечи, опрокинула на себя, захохотала от радости, что дуло вскинулось к небу. Выстрел прогремел, цокнуло эхо. Затрещали ветки, послышался топот, а сверху повалил хлопьями снег, как дымом, окутывая их обоих. Голова у Никиты тяжелая, да и сам он тяжелый, а глаза раскрылись, стали большими, красивыми, с огоньком. Щеки горячие, лицо мягкое... Терлась щекой — искала губы. Теплые, теплые! Дыхания не слышно. Разняли руки — лежат рядом на снегу, молодые, счастливые, немного стыдно обоим от охватившей их радости.

Над ними опрокинулось равнодушное белое небо и тихие зеленые ветви сосны. Пахнет снегом и сосной, и никуда не хочется уходить.

Лежал бы Никита вот так долго-долго, а Олана любила бы его, целовала...

«Это она просто так поцеловала меня... Играла,— с сожалением подумал он.— А кто ее знает? А может быть...» — и взглянул на Олану.

Олана задумчиво смотрела в небо.

— Ланка!— позвал Никита.— Что я тебе скажу...

— Молчи. Не говори ничего. Мне хорошо. Послушай, как сердце поет...

— Это ты меня любишь, Олана.

— Не знаю, Никита.

— Полюбишь.

Встал.

— Давай руку!

Не взяла — сама встала. Отряхнулась от снега. Лицо у Оланы строгое.

— Не отставай от меня, Никитка...

Не отстанет он, не отстанет! Навстречу березы, кедры, высокие тощие ели. Поляна за поляной. Овраг за оврагом, кусты, сосны, камни... Поет он песню о дереве, которое листьями пьет дождевые капли, дышит прохладой вечерней, греется зноем, шумит ветвями от ветра, шепчется, шепчется с ним, осенью засыпает и спит зимой в снеговой постели...

Под разлапистыми тяжелыми кедрами встала темным срубом изба. Здесь жил Багыр.

— Ну, вот и все. Пришли,— вздохнул Никита.— Я обратно уйду.

Олана отрицательно покачала головой.

— М-м, не уходи...

— Отец твой — враг мне.

— М-м, нет-нет...

— Ссора будет.

Олана схватила за руку Никиту, прошептала:

— Не уходи, Никитка,— будто что-то обещая, и Никита поймал себя на мысли, что она любит его. Любит!

...Изба молчала. Дверь закрыта. Не встречали лаем собаки. Огонь не горел в окне, дыма над крышей не видно... И эта пустота сжала сердце Никиты тревожной болью.

II

В избе никого, темно и холодно. Олана прибрала на полу и, когда Никита наколол дров, затопила чувал[1] и подвесила к потолку лампу. Стало теплее и уютнее.

Оба они думали о Багыре. Никита сказал:

— Наверное, он проверяет капканы и сетки после бури...

— О-о!.. К утру не вернется!— загрустила Олана.

Сели на топчан. Олана прилегла на раскинутой шкуре лося, думая о чем-то, слушая веселый шепот Никиты:

— Земля большая! На земле живет много-много людей... А мы сейчас одни. И никто про нас не знает. Не знают, что есть Олана Багырова и Никита Бахтиаров! Не знают, что мы здесь, в тайге, и что я тебя люблю...

Олана грустно засмеялась.

— Почему люди не все живут в одном большом городе, а одни — там, другие — там... вот как мы в своем маленьком Суевате.

— Молчи...— просила Олана, трогая Никиту за руку.

— Говорить хочется, — шептал Никита. — Мы уйдем в тайгу и будем жить с тобой в нашей юрте... Появится на земле новая юрта! Дети у нас будут, вырастут — у каждого будет жена, у каждого — юрта... Целое стойбище! Внуки пойдут — город большой будет! А? Ланка?

— Ты дурак, Никита...

Прищурив глаза, смеясь, поправил:

— Умный дурак!

Олана толкнула его в бок:

— Весело с тобой, Никита. Твоей жене весело всю жизнь будет.

Никита вздохнул, прилег и задумался. Перед глазами встал тонкорогий, широкоспинный олень, запряженный в писаные резные нарты. Это Никита прямо со свадьбы едет с Оланой в Ивдель за подарками...

— Олана, скоро я тебя сватать буду.

— Зачем торопиться?..

Никита погладил пальцем морщинку на ее лбу.

— У нас тоже дети будут?!— рассмеялась Олана.

Никита подумал и ответил:

— У других есть — у нас будут!

Помолчали. Олана, широко раскрыв глаза, лежала на толстой бурой лосиной шкуре, родная и чужая: любимая Никиты и дочь Багыра...

— Раньше я думал — тебя еще не любил,— кто у меня будет женой? Какая? А теперь

[1] Очаг.

знаю — ты! Ты жена... Другой не надо. Вот умру, а добьюсь этого!

— Ты хороший, Никита. Для другой, которую полюбишь. Обо мне забудь.— Глаза Оланы подернулись грустью.— Отец отдает меня в жены на Пелым Оське Анямову. Таков закон старших.

— Глупый закон! Пусть они оставят его для себя. У молодых свои законы. А ты... сама, как?

Олана ничего не ответила. Никита стал жадно целовать ее. По стенам метались тени от огня. Звенел воздух. О стекла окна билась одинокая ветка кедра.

— Спи, Никита... Ночь уже.

...Медленно приходил сон. Обнялись — щека к щеке. Уснули, забыв обо всем на свете.

III

Утром пришел Багыр. Дверь надсадно заскрипела, когда он толкнул ее плечом, бухнула, разломав лед меж петель. Освежеванную тушу медведя он оставил под навесом на нартах, где стерегли оленей умные собаки-лайки. В избе еще было темно, пахло паленой березой, и Багыр понял, что кто-то разводил огонь в чувале. Сбросил с плеча задубевшую от мороза медвежью шкуру в угол, стоя посередине избы, медленно обвел все глазами. Взглянул на синие стекла окна и увидел пришедших гостей, спавших на топчане.

— Хэ, хэ!— поднял Багыр брови, выпятил нижнюю губу, заторопился, доставая из-за пазухи соболей, разложил на лавке, воровато прикрыл оленьей выделкой.

В чувале тлели уголья. Никита и Олана спали, обнявшись, щека к щеке.

Багыр встал над ними, опершись на косяк, подглядывая чужой сон.

Вот дочь его лежит рядом с мужчиной. Вчера пришли. Парень смелый — не боится Багыра, и руку ей на плечо положил, как хозяин. Улыбка и румянец у Оланы: целовал ее крепко!

Багыр сжал скулы, закрыл глаза. Прирезать, как оленя, выбросить волкам!..

Он тупо уставился на руку Никиты, лежавшую на плече дочери. Рука молодая, крепкая, с ссадинами...

Что с ней делать? Рука сама не уберется с плеча дочери! Рука не боится злых взглядов Багыра! Вай-вай! Подошел ближе, сбросил руку с плеча, она мягко шлепнулась на шкуру. Никита пошевелился...

«Не буди спящего, он сам проснется»,— успел подумать Багыр; рука снова легла на плечо Оланы.

— Хм! Торелойка! Медведь!— выругался шепотом Багыр и вдруг почувствовал, что он боится спящего, а спящий не боится его — спящему все равно: он не видит и не слышит Багыра. Усмехнулся с досады, в груди стало жарко, задышал тяжело от злобы. Проходя мимо, не удержался, пнул ногой, чтобы пинком разбудить спящего.

— Теперь не боюсь...

Никита проснулся, поднялся на локоть, не понимая... Олана! Рядом спит. Он в тайге, в избе ее отца. Уже утро. Ага, и Багыр пришел! Вот он видит согнутую спину Багыра, склонившегося над чувалом. Что это он там делает? Строгает ножом лучину. В чувале будет гореть огонь. Нож острый, сверкает меж пальцев Багыра, отливает синевой.

Олана спит, на щеках сонный розовый румянец. Не хочется ее будить.

Никита тихо заговорил:

— Паче рума, ачи! Здравствуй, отец Багыр! Это мы, Олана и Никита Бахтиаров. Пришли к тебе вместе вчера. Олана боялась одна... Вот ждали...

Багыр не повернулся, не ответил на приветствие. Шея старика стала красной. Волосы на макушке сбились, торчит смешной хохолок. Спина широкая, тяжелая. Молчит Багыр.

«Не ответил на приветствие, значит, не хочет говорить со мной. Неловко... Надо уходить... Олана спит — останется здесь».

Никите стало обидно оттого, что он здесь чужой, оттого, что Багыр не хочет говорить, а Олана спит и, тоже равнодушная, молчит.

Ожидая, Багыр оглянулся и пытливо посмотрел на Никиту, как бы спрашивая: «Ты еще не ушел, парень? Ты разве почетный гость в моей избе?»

«А если я не уйду? Он меня не выгонит: я

пришел с Оланой. Вместе и уйдем! Борьба будет, пусть!»— подумал Никита.

Багыр вложил нож в футляр на поясе, поднялся, задел рукавом пустой жестяной чайник. Жесть сухо загремела, ударившись об пол.

Олана открыла глаза.

Никита заметил испуг на ее лице, робкое и нежное выражение глаз, когда она взглянула на отца. Сейчас она была чужой, далекой и особенно красивой. Олана не сразу нашлась, что сказать отцу, забыла поздороваться, вздохнув и прищурясь, спросила:

— Как охота, отец?

Багыр почмокал губами.

— Э-э! — И махнул рукой.— Одна старая белка.

Угрюмо скользнув взглядом по двери, отвернулся, убрал с порога сосновые поленья и жестко приказал:

— Вставай, Ланка. Еду готовь... для отца!

Загородил собой лавку, на которой что-то лежало, укрытое оленьей выделкой.

Никита увидел под шкурой собольи хвосты — черные, белые, серые; они свисали до пола, искрились, переливаясь, поблескивая... Он усмехнулся, вспомнив: «Одна старая белка».

Ему теперь не страшен скользящий, туманный взгляд Багыра. Олана ставит в чувал варить мясо. Пусть Багыр стоит спиной все время. Пусть молчит: «Уйди! Ты лишний».

«Уйти? Как бы не так! Багыр сам по себе, Олана сама по себе! Я с ней вместе пришел. К ней пришел».

Олана разговаривала с отцом:

— В тайге бурелом. Нам было не страшно с Никитой.

В этом прозвучало: «Улов богатый будет. Вы можете вместе поставить капканы».

«Нет, не уйду. Олана моя!» — обрадовался Никита.

Багыр крикнул:

— Соболь от меня не уйдет... Сетка не пустит!— Ему стало весело, он набил трубку табаком, сморщился, прикуривая, и оглядел Никиту с ног до головы.— Молодой олень спотыкается, если идет впереди стада.

Никита подумал: «Как бы не так!» — и, смелея, взял за руку Олану.

— Пойдем!

Рука задрожала, холодная...

— Так невесту берут, когда старшие согласны,— проговорил Багыр и рассмеялся.

Трубка горит хорошо! Дым клубится вкусный! Заволакивает прищуренные глаза... Желтые зубы у Багыра. Ох, как смеется Багыр над парнем! Багыру почет! Багыр — умный промысловик. Весь Ивдель знает Багыра. Дочь Олана будет богатой невестой.

Никита обнял Олану за плечи.

— Багыр хочет жениха купить?! Поймать — капканов не хватит.

Олана тихо засмеялась.

Багыр закрыл глаза, постукал трубкой о косяк двери. Пепел просыпался на унты. Подошел и ударил Никиту по щеке. Треснул огонь в чувале, задымился. В окне совсем светло, и видны черные ветки кедра. Никита побледнел, сжал плечи.

Олана подавила крик, спряталась за спину Никиты. Увидела: схватились за ножи, остановились: испугались оба. Стоят, зло и настороженно смотрят друг другу в глаза. Подергивается скула у Багыра. Горит щека у Никиты — выпрямился. Больно сердцу. Ах!

Никита бросился вперед. Багыр отскочил в сторону, ударился боком о стену, сжался, поняв, что это серьезно и опасно.

Громко вскрикнула Олана:

— Ой!

Никита остановился.

Багыр медленно стал приближаться. Злая усмешка на его лице. Небритый. Щетина на щеках и на шее. Глубокие складки морщин. Подрагивают, позвякивая, кольца на поясе, как колокольчики на праздничных нартах.

Багыр ступает осторожно, вздрагивает.

«Я же убью Багыра...— думает Никита, и ему становится больно и обидно.— Но он отец Оланы! Как же так?.. Даже пусть не отец, я не хочу убивать человека. Я только охотник и люблю Олану!»

Отступает Никита. Багыр заметил это — замедлил шаги. Никита грустно усмехнулся. Взгляд у Багыра веселый, не угрюмый, и лицо у него доброе, а нож острый...

Отступает Никита... Стена! Горячая! Строгое лицо у Багыра. Нож... Зачем заплакала Олана?! Зачем замахнулся Багыр?! Замахнулся... подбросил нож вверх, как игрушку, ловко поймал. Взглянул Никите в глаза.

— Щенок!

И захохотал, довольный. Протянули друг другу ножи, поменялись по обычаю.

В чувале трещит огонь. Мечется пламя, гудит. Пар поднимается вверх. Пламя сушит пар. Раскраснелись щеки у Оланы, а испуганные ее глаза мечутся по избе. Вот она зачем-то сунула в чувал два сосновых полена. Там ведь много огня. Как хочется Никите поцеловать Олану: она стала еще роднее! Он не боится Багыра, нет, не боится. Олана будет его женой!

Встал перед нею, произнес устало:

— Идем, Олана!

Она не подняла головы, будто не расслышала, незаметно кивнула. Было ли это согласием, или Никите показалось, что она кивнула... Устал он и ушел бы сейчас в тайгу подышать, поесть снегу. Отец ее не враг ему теперь. Они померялись силой: Никита нарочно отступил, и Багыр хорошо знает об этом и еще знает, что виноват перед молодым: первый ударил его по щеке.

Никита равнодушно оглядел избу, сказал Багыру:

— Эх, отец Багыр! Олана все равно будет моей женой! Ты не веришь? Это только дочь твоя! А человек она сама по себе!

Багыр вздрогнул: правду говорит Бахтиаров!

— Еда готова... Садись, отец! И ты, Никита, садись,— тихо проговорила Олана, как хозяйка, и в ее приглашении послышалось Никите: «Люблю... да».

— Садись, парень. Мясо есть будем,— разрешил Багыр.

Вежливо сказал, раскинул оттаявшую, шкуру медведя, сел, вздохнув: видно, устал тоже.

Олана и Никита, переглянувшись, улыбнулись друг другу, и, заметив это, Багыр понял: все, что произошло между ними, серьезно, на всю жизнь,— и с уважением посмотрел на Никиту. От этого ему стало не по себе, у него была тайна, известная только ему, и он начал спокойно и устало произносить слова, которые подбадривали его:

— Э... парень. Жалко мне тебя. Опоздал ты маленько. Олана сосватана давно. Я слово человеку давал. Она замуж пойдет... Жених не чета тебе: большой начальник—манси на Пелыме. Хорошая пара он с Оланой!

— Мы жить лучше будем,— сказал Никита,— любовь у нас.

Багыр насмешливо поклонился обоим.

— Бахтиаровым почет! Жениху Оланы почет! Любовь у них! Кормить жену чем будешь?.. Любовью? Целовать будешь?..

Олана опустила голову, побледнела. Багыр погладил ее ладонью по голове.

— У дочери сердце отца... Дочь — умная женщина: знает, по какой дороге оленям путь открыт. Сама знает!

Стало тихо. И тогда неожиданно громко, с болью в голосе, прерывисто заговорила Олана. Оба, Багыр и Никита, удивленно подняли головы.

— Я не хочу на Пелым! Сосватана... Меня сначала спросить надо! Женихов много и у нас в Суевате. Но никто из них не приходил ко мне ночью в юрту, никто из-за меня не менялся с тобой ножами...

Багыр растерялся.

— Твоя правда, дочь...

— Почему не любишь Никиту? Что плохого он сделал тебе? Молодой! Соболей у Никиты нет? И не надо! Он любит меня! Честно, хорошо любит!

Багыр прикрикнул на Олану:

— Пустые это слова! Умнее отца хочешь быть?! Двух мужей хочешь иметь?! Один уж есть на Пелыме. Отец тебе нашел! Багыровы на Пелым уедут жить. Я договорился...

Он кинулся к двери, распахнул ее, приказал Никите:

— Иди!

Никита обнял Олану, поцеловал крепко в губы.

— Любишь?

— Да!

Подал руку. Олана взяла руку Никиты, встала.

Багыр загородил дверь, закричал:

— Куда?!

Кинулся к лавке, сбросил оленью выделку: запушились, заискрились на лавке, как живые, соболья меха.

— Смотри, это тебе!

Лицо у Багыра красное, глаза раскрылись, блестят; схватил соболей, споткнулся, как будто они тяжелые...

Олана рукой отвела отца от двери.

— Не хочу на Пелым.

— Олана, дочь, постой!..

...В тайге катятся белые волны снега. Начинается вьюга, будет гулять она, свободная и шумливая, по оврагам, полянам, меж стволов и ветвей...

Заплакала Олана, остановилась.

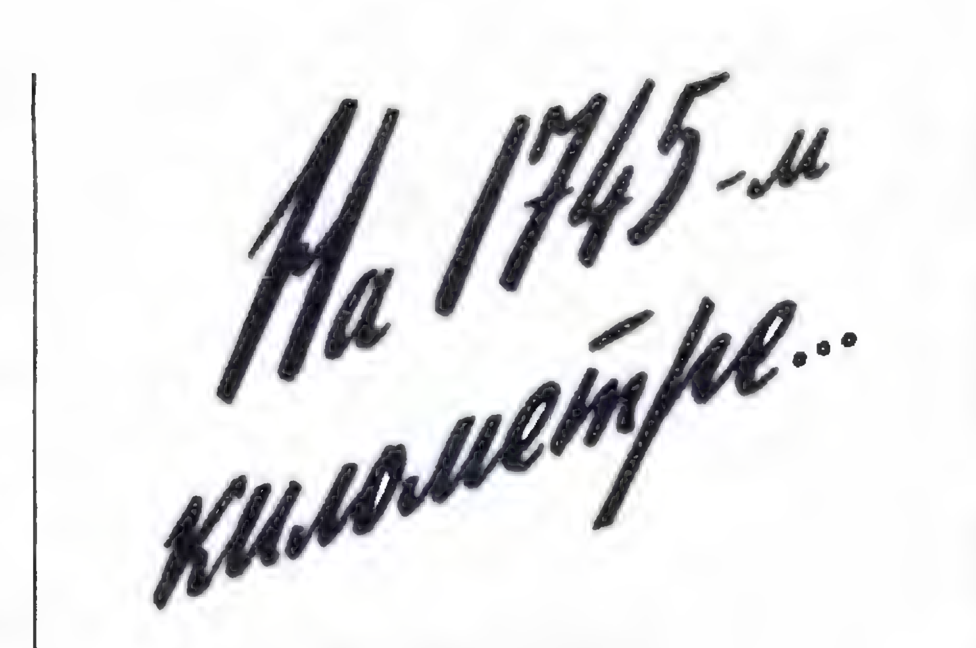
Никита ушел вперед. Лыжи хорошо скользят! Оглянулся — услышал хриплый голос Багыра: «Лан-ка-а! Верни-ись!»

Ветер заглушает голос Багыра. Смотрит Олана на отца: стоит, увешанный соболями, в снегу и у раскрытой двери избы машет руками. Лают, бегая вокруг него, умные собаки — лайки. Олени нюхают ветер.

«Один остался отец!» — горько подумала Олана.

А впереди идет на лыжах упрямо, навстречу ветру Никита Бахтиаров — ее муж, милый, хороший человек.

Догнала — пошли рядом.

Ир. ИЛЬИЧЕВА

Фото Галины Санько.

Раннее утро. Над Уральским хребтом всходит солнце. Оно освещает скалистые горы, леса по их склонам, раскинувшийся у самой реки городок на колесах. В тупике на железнодорожных рельсах стоят, образуя три прямые улицы, сто вагонов. Здесь живут рабочие — ремонтники путевой машинной станции № 49.

Несмотря на ранний час, на улицах передвижного городка оживленно: женщины на временных печках готовят завтрак, матери несут малышей в ясли, открываются двери вагона-магазина.

Без четверти шесть со станции Миньяр уходит ремонтный поезд. За паровозом следует длинный состав: вагоны с рабочими, путеразборочный и путеукладочный краны, электробалластер, платформы с заранее заготовленными звеньями новой путевой решетки.

Сегодня на 1745-м километре от Москвы, на участке Вавилово — Миньяр, ведется реконструкция пути. Южный Урал здесь весьма живописен, но для реконструкции этот рельеф труден: сплошь повороты, подъемы, спуски. По графику в шесть часов утра начинается работа на перегоне. Путеразборочный кран легко поднимает лебедками с пути и складывает на платформы трехтонные звенья старой, отслужившей свой век путевой решетки — рельсы с пришитыми к ним шпалами.

За краном идет трактор со специальным планировщиком. Он ровняет щебеночную постель.

Сразу за трактором следует путеукладчик. За одну — полторы минуты он укладывает двенадцать с половиной метров рельсов со шпалами. Новая путевая решетка значительно массивнее старой: по этим рельсам могут идти на больших скоростях тяжеловесные составы.

Почти все остальные трудоемкие работы — подъемка на щебень, подбивка шпал, отделка профиля — также полностью механизированы.

Базовая путевая машинная станция № 49 уже двадцать лет ремонтирует и реконструирует, или, как выражаются железнодорожники, «оздоровляет», стальные магистрали нашей Родины. Под Воронежем и в Забайкалье, на Крайнем Севере и на Урале стоял этот городок на колесах. Во время войны под бомбежками и снарядами восстанавливали ремонтники железные дороги. Только за последние годы на Урале путевые машинные станции реконструировали свыше трехсот километров железнодорожной двухпутной линии.

Встречались ли вам ясли и школа в вагоне, баня, кинотеатр и клуб на колесах? Они обычны в каждой путевой машинной станции.

Крайняя к реке улица городка на колесах носит название «Деловая». Здесь в вагонах столярная и слесарная мастерские, электростанция, бухгалтерия, контора, кабинеты инженеров и механиков.

В конце улицы стоят три новых вагона с широкими и пологими лестницами — это детские ясли. Пока отцы и матери ремонтируют пути, двадцать шесть самых юных «путейцев» в возрасте от четырех месяцев до трех лет находятся под присмотром опытных воспитательниц. В этом году будет открыт также детский сад на тридцать человек, а в первый класс начальной школы поступило еще десять мальчиков и девочек.

База находится в Миньяре второй год. Почти около каждого вагона разбиты садик и огород. Под вагонами привязаны собаки, многие рабочие держат кур и уток, а многосемейные — даже коз и поросят. Наиболее изобретательные хозяева пристроили к лестницам вагонов разборные терраски и балконы. Заботливые отцы устроили песочницы, горки для ребят.

— Как же вы перевозите с собой хозяйство?

— Очень просто,— объясняет старший путевой рабочий Михаил Никитич Черных.— Все разбираем — и в вагон. Кур, уток — в клетки и тоже с собой. Собаки у нас ученые, путевые: как услышат гудки, сами бегут по лестнице. А то как же? С хозяйством жить веселее, способнее. Тут тебе и молочко парное и овощи со своего огорода.

Двадцать лет работают в ПМС № 49 А. Н Дорохов и М. Н. Черных. Они пришли сюда шестнадцатилетними подростками без всякой квалификации. «В пути и дорогах», как говорят старые ремонтники, миновали юность и молодость. Восемнадцать лет назад в Чите друзья праздновали свадьбу у Дороховых, а в Забайкалье радовались рождению Наташи Дороховой.

Из различных мест, где стояла база, уезжали рабочие на курсы механизаторов, шоферов, мастеров. Их биографии — это частица истории самой станции, ее роста и механизации.

...В вагоне-кабинете главного инженера зажигается свет. Сюда собираются командиры: путейцы, начальники колонн и цехов. Они подводят итоги дня, составляют график работы на завтра

— Итак, сегодня закончена реконструкция 1745-го километра от Москвы,— говорит начальник станции В. М. Карпов.— Мы перевыполнили задание, заменив за один день полтора километра пути. Завтра начнем работу на соседнем участке.

У маленьких «путейцев» есть настоящие ясли.

Путеукладчик за работой.

ЧЕЛОВЕК В САДУ

Василий Михайлович Костин.

З. ХИРЕН

Фото В. Кругликова.

В числе колхозных садоводов, приехавших этой осенью в деревню Дружба, Мензелинского района, повидаться с Василием Михайловичем Костиным, была и Фазиля Одеева. Говорят, у нее уже трое сыновей и дочурка, а поглядите, как мало она изменилась с тех пор, как девчонкой впервые прибежала сюда, в этот самый сад, за саженцами для своего колхоза «Алга».

Да, Фазиля все такая же. Из-под косынки свисают тонкие косички, завязанные темно-зелеными лентами. Быстрая, задорная, она уже успела осмотреть весь сад, побывать на плотине, откуда вода по трубам подается в дождевальную установку, заглянуть в питомник, что-то очень интересное обнаружить в школе сеянцев. И вот сейчас, зажмурив и без того узкие глаза, волнуясь, она рассказывает обо всем Костину.

Недаром говорят, что садовника сад молодит. Василий Михайлович тоже мало изменился, он все такой же молодцеватый, у него все та же веселая походка и наметанный глаз. Конечно, жена его Анна Васильевна, маленькая, худенькая старушка, властная и энергичная, та сразу напомнит, что дело обстоит иначе, что пришел Василий Михайлович в сад не с седым ежиком под картузом, а с русым чубом, что усы были не в молоке, как сейчас, а в золоте. Но все это внешние приметы. Что бы там старушка ни говорила, все видят, что хотя Костину за шестьдесят, а он молод, здоров, к врачам не обращается, правда, сам иногда прибегает к их терминам. Окулировку, например, называет «чистой хирургией» и говорит, что нож при этом должен быть стерильным, изготовляет же эти ножи колхозный кузнец из старых кос. Яблоко упадет с дерева, волнуется.

— Видите,— скажет,— синяк, ушиблось, и никакая медицина тут уж не поможет.

В Мензелинск Василий Михайлович попал почти четверть века назад. Привели его сюда скорее невзгоды, чем страсть к садоводству, хотя страсть эта действительно владела им с малых лет. Юношей он побывал у Мичурина. В начале тридцатых годов Костин, оставив родную рязанскую деревню, ушел в Москву на заработки. Устроиться там ему не удалось, но вот пришло письмо от приятеля из Татарии. Он работал в Мензелинском районе плотником в лесничестве и туда же звал Костина. Размышлять было некогда, и Василий Михайлович собрался в далекий и незнакомый край. Поступив в лесничество колесником, поселился в деревне Дружба. И вот за окном своей новой квартиры увидел он небольшой, сильно запущенный садик.

— Мать, гляди-ка, садик! — обратился он к жене.

Анна Васильевна знала страсть мужа к садам и боялась, как бы опять не проснулось это увлечение. Признаться, и Василий Михайлович направился в сад нерешительно. Повстречал он там высокого худощавого человека, назвавшегося Петром Алексеевичем Железковым. Разговорились. Железков вкратце рассказал, почему и деревня и колхоз имеют одно название. Дело в том, что в двадцатых годах съехалось сюда несколько десятков семей бывших батраков и безземельных крестьян. Были тут и русские, и татары, и чуваши, и удмурты.

Узнав, что Василий Михайлович неравнодушен к садоводству, новый знакомый тут же предложил ему оставить лесничество и вступить в их артель, взяв на себя уход за садиком.

Словом, получилось то, чего больше всего боялась жена Василия Михайловича, когда утром услышала из уст мужа слово «садик». Однако Василий Михайлович не торопился с ответом. Как всегда, отправился в лесничество и, лишь вернувшись вечером домой, очень осторожно возобновил с женой разговор о переходе на работу в сад. Анна Васильевна своего согласия на переход в сад так и не дала, считая эту работу «ненадежной».

Василий Михайлович не оставил своего намерения: каждое утро перед работой отправлялся он в сад, приходил туда и по вечерам, расчищал тропинки, уничтожал сорняки, окапывал приствольные круги, обрезал веточки. И все это под видом помощи Железкову. Железков, один из организаторов артели, хорошо знал, какими различными путями люди приходят в колхоз. Он не сомневался в том, что вступит к ним в артель и Костин, надо было только подождать. Железков не ошибся: пришел день, когда Василий Михайлович сказал, что теперь он готов вступить в артель и что на это как будто согласна и жена Анна Васильевна. Насчет жены он сильно преувеличивал, потому что она попрежнему упорствовала. Но, возможно, именно это упорство и ускорило решение Костина.

— Да,— говорил он Железкову.— Это — дело решенное. В артель к вам я вступаю, но условие ставлю: к этому садику нам надо прибавить еще с десяток гектаров. Мы должны иметь у себя настоящий, большой сад.

Железков ответил, что это — дело вполне возможное, что земли у них в артели хватает. Но выделили все же бросовую землю, с пнями.

Все считали, что выкорчевывать пни — дело серьезное и нужное, но как только Костин принялся за сад, начались волнения.

— Зачем дрова разводить, когда вокруг лесу сколько хочешь? — твердили все в один голос.

Дровами называли саженцы.

— Дрова-то дрова,— отвечал в тон своим противникам Костин,— да жаркие, таких никто из вас не видывал.

— А зачем они нам, хотя бы и жаркие? — стояли на своем крестьяне.

Костина поддержали коммунисты артели «Дружба», их было там немало, а первым его защитником стал Петр Алексеевич Железков.

Защищать-то защищали, но не трудно представить себе, с какой тревогой приходилось работать. Ведь, по сути дела, Костину просто не верили, просто никто не признавал ни его, ни его идеи. И всю энергию приходилось тратить на то, чтобы доказать людям свою правоту. Много пришлось пережить. Но вот получили первые яблоки. Костин победил!

...Я все еще нахожусь под впечатлением рассказа о том, как Василию Михайловичу Костину пришлось вторично выкорчевывать пни на той самой земле, где сейчас ветви яблонь сгибаются под тяжестью плодов и со всех концов сада идут и идут навстречу нам женщины с коромыслами, на которых поскрипывают плетеные столбушки, доверху наполненные яблоками. Из растворенных ворот плодохранилищ так сильно пахнет яблоками, что непрерывно ощущаешь во рту оскомину. Сторожа сада не успевают открывать ворота автомашинам, прибывающим за яблоками нового урожая.

Среди всего этого богатства шагает невысокого роста человек с густыми белыми усами, шагает весело, бойко, окруженный толпой учеников, чьи сады раскинулись на десятки, а может быть, и на сотни километров от маленькой деревушки Дружба.

С чего же началась слава этого человека и этого колхоза? Именно с подвига Василия Михайловича. Рассказывая мне всю эту историю, он ни разу не пытался подчеркнуть отчаянность тогдашнего своего положения, а положение было больше чем отчаянное. Тому, кто десять лет жизни отдал саду, к которому большая часть колхозников относилась насмешливо, тому, кто дождался плодов от этого сада и полного признания, в один страшный день пришлось занести топор на свое детище, на свой сад. Пилить, вырубать, выкорчевывать корни тех самых яблонь, которые еще так недавно принесли ему столько огорчений и столько счастья.

Лютые морозы 1942 года погубили сад. Костин резал ветку за веткой, но все было мертво. Сперва спиливали кроны, потом стволы.... Потом наступило время выкорчевывать пни. Но Костин все еще верил, что сад оживет.

И вот Костин вновь стоял на пустынной

Ветераны колхоза «Дружба» (слева направо): В. М. Костин, П. А. Железков и его сын — председатель колхоза Е. П. Железков.

Начался сбор яблок.

земле. Шла война. Всякому было понятно, что теперь нужен не сад, а картошка и что землю эту нужно занять под картошку. И тут вновь возобновилась отчаянная борьба. Костин должен был доказать, что надо эту землю занять под сад, а не под огороды. Каким-то чудом в маленьком питомничке уцелели саженцы, мороз их пощадил. И эти саженцы он перенес на освобожденную от пней землю. На этот раз он был не один. У него были сторонники. Рядом с ним — двадцать пять женщин, которые все эти годы ухаживали за садом. Садоводы отстояли землю.

Теперь тут часто говорят: молодой сад. Молодым, пожалуй, не назовешь его. На его доходах держится весь колхоз. Он приносит более миллиона, а все остальные отрасли и трехсот тысяч рублей не дают. Станете ли вы знакомиться со строительством ферм, электрификацией, системой орошения, с планами будущего культурного строительства колхоза, всегда вы услышите: «Это на доходы, полученные от сада», «Это мы купили на деньги, полученные от сада». И так все время.

...За рекою Вяткой, за рекою Камой, в трехстах километрах от Казани, стоит районный центр Мензелинск. С некоторых пор здесь стали считать его татарским Мичуринском. Оснований для этого немало. Начать хотя бы с того, что сады района дают теперь в пятнадцать — шестнадцать раз больше плодов, чем до войны. Мензелинск оставил позади себя знаменитые в прошлом своими садами южные районы Татарии, которые отправляли яблоки на баржах по Каме на Урал. Но мы нисколько не погрешим против истины, если скажем, что известность Мензелинску создал маленький колхоз «Дружба», затерявшийся меж лесами на северо-востоке Татарии. И не кто иной, как Василий Михайлович Костин, был зачинателем всей этой замечательной истории.

Осень в Мензелинске выдалась отменная: тепло, ярко светит солнце, сухо. На землю еще не упал ни один желтый листочек, под ногами мягко от стружек. В такую погоду можно не торопиться со сбором урожая, и Василий Михайлович не торопится. Конечно, особенно затягивать сбор тоже не следует, а дать возможность яблоку достигнуть нормального размера и окраски необходимо. Но в то же время надо следить за тем, чтобы яблоки не перезревали. В прошлую ночь сильно падал анис. С земли собрать его куда легче и быстрее, чем с дерева, и заработок будет больший, но так делать нельзя. Не сравнишь упавшее яблоко с тем, что снято с ветки.

Надо все время находиться в саду. И Василий Михайлович почти не отлучается, если не считать то время, когда он уходит домой обедать, а заодно и подоить корову. Анна Васильевна хворает. Достается ему от нее, бранит за то, что плохо смотрит за своим садом на приусадебном участке. Но куда там! Ночь на дворе, а он уже карманный фонарик зажигает и на часы смотрит.

— Ты бы уж и кровать в сад к себе перенес,— говорит ему Анна Васильевна.

...Пришло приглашение из Москвы, со Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Просят прочитать лекцию об опыте ежегодного получения устойчивых урожаев яблок. Но как можно в такой момент сад бросить? Ко всем заботам прибавилась еще одна. Подошло время осенних посадок, и к Костину все чаще приезжают люди из районов. Я заметил, что когда он хочет подчеркнуть остроту создавшегося положения, сложность ли во взаимоотношениях с людьми, свои личные тревоги, он неизменно прибегает к одному и тому же слову. Например, когда рассказывал о гибели сада, сказал: «Я резко растерялся»; когда объяснил, как стал восстанавливать сад, сказал: «Я резко надеялся». И вот теперь, держа в руках письмо из Москвы и объясняя мне, что ему никак нельзя отлучиться и что вот я сам вижу, сколько народу прибыло к нему, он произносит:

— Я резко не могу.

Ни на одно собрание люди не являются с такой пунктуальностью, как на сборы в сад к Костину. Все едут к нему, надеясь почерпнуть новое. Официально считается, что к Костину приезжают за агротехническими советами и за саженцами. Но только ли за этим?

Его собственный пример, борьба, неудачи — все, что он пережил, как бы каждому напоминает: «Не унывай, не бойся! Костину тоже нелегко было, а видишь, какой сад вырастил! Только не сдавайся, упорствуй».

Недаром говорят, что у Василия Михайловича два сада. Один — в котором сейчас собрались гости, а второй — сами гости: садоводы, которых много лет тому назад Костин снабдил первыми саженцами, и эти саженцы давно превратились в прекрасные сады. «Второй сад» — это та же Фазиля Одеева, которая шестнадцать с лишним лет тому назад девчонкой прибежала к Костину за саженцами, затем создала сад в колхозе «Алга», а другой — в колхозе «Алмаз».

Василия Михайловича Фазиля посвящает во все свои дела. Когда стало известно, что Фазиля выходит замуж за парня из «Алмаза», председатель «Алги» отправился к родителям Фазили и, переступив порог, произнес:

— Патриоты вы своего колхоза «Алга» или нет?

— Патриоты, патриоты! — в один голос ответили старики.

— Как же вы, будучи патриотами, решились оставить наш родной колхоз без опытного садовода?

В декабре справили свадьбу, и Фазиля, помахав в последний раз платочком саду и подругам, уехала к мужу в «Алмаз». Чего только не наобещает жених невесте перед свадьбой! Сказал, что в «Алмазе» сад не хуже, а лучше, чем в «Алге». А солгал. Ей надо было все начинать сначала.

— Ну, я уж тебя проучу! — сказала в шутку она ему.

Муж работал конюхом, а она заставила его возить удобрения, окапывать приствольные круги. Нуждался сад в ограде — тут уж, казалось, муж Фазили ничем не поможет. А помог. Прежде, бывало, нигде его не услышишь, а тут как заседание правления — первый является. Не успеют еще прения открыть, а он уже руку тянет, просит высказаться... А речь у него всегда одна и та же: сад нужно огородить...

— О, с таким помощником, как мой муж, я, Василий Михайлович, своего добьюсь, да вот правление тормозит, — говорит Фазиля, когда приезжает к Костину.

Костин ласково смотрит на свою ученицу. Вот такие, как она, и составляют «второй сад» Василия Михайловича Костина. Такие, как она, создают в районе атмосферу, пропитанную страстью к садоводству. Что это значит? Сын отделился от отца, собирается строить себе дом. У него еще нет ни бревен, ни дверей, ни окон, ни стекол, ни черепицы, но первым долгом будущий строитель направляется к Костину. Он приходит за саженцами. Прежде чем заложить фундамент дома, надо закладывать сад. Пока дом будет строиться, деревья будут расти. Если бы кому-нибудь захотелось нарисовать деревню Дружба, то картина эта приблизительно выглядела бы так: один большой сад, а вокруг него шестьдесят маленьких приусадебных садов. Я видел старуху, которой пошел восьмой десяток. Она торжественно несла к себе во двор саженцы. Соседка, такая же старая, как и она, спросила ее:

— Зачем тебе эти палки? Ведь тебе не дожить, пока они станут яблоки давать.

— Дудки, — ответила старуха, — когда я вот те деревья сажала,— и она показала на несколько яблонь с ветками, отяжелевшими от плодов, — ты говорила мне: зачем тебе эти саженцы, ведь не доживешь! А я дожила. Доживу и теперь!

...Осенний день кончается. Гости, приехавшие к садоводу, собираются в обратный путь, и Василий Михайлович каждому дает в руки не больше трех яблок. Это даже нельзя назвать скупостью. Последней уезжала Фазиля Одеева. Всего при людях не скажешь, а ей обязательно хотелось пожаловаться Костину, что у них в «Алмазе» все еще плохо относятся к садоводству, все еще не верят, что сад может поднять весь колхоз. И вот у нее идея — устроить точно такую же экскурсию к нему, Костину, в сад, только привезти не садоводов, а противников садоводства. Она начинает перечислять тех, кто мешает ей дома работать.

— Они должны увидеть ваш сад,— говорит она.— Это их вылечит, а то ведь бывают у меня трудные минуты... Того нет, другого нет, а правление молчит.

— Что ж,— смеется Василий Михайлович, взявшись за картуз,— присылай неверящих ко мне в сад. Примем и неверящих...

Щепотка соли

Петер РУФФИ,

венгерский журналист

— Как там это... насчет соли? Я повторяю:

— Один русский журналист говорил мне: только тогда я начинаю писать о ком-нибудь, когда съем с ним пуд соли да воз хлеба и выпью вместе бочку вина.

— Тогда давайте начнем,— шутит Гергэ Вираг и кладет передо мной на стол хлеб и сало.

Мы сидим в доме председателя аткарского кооператива имени Мичурина близ венгерского города Дьендьеш. На дворе прекрасный осенний день.

Деревня Аткар, расположенная в северной Венгрии, велика и красива; далеко в окрестностях славится ее производственный кооператив имени Мичурина. Мы приехали сюда в канун столетия со дня рождения великого русского ученого, чтобы познакомиться с идущей в гору крестьянской жизнью и нарисовать портрет председателя кооператива дяди Вирага.

Рядом с салом, солью и хлебом на стол ставится и вино. Мы чокаемся, и потихоньку начинается разговор.

...Прежде всего — кооператив имени Мичурина. Имя Мичурина срослось уже с этим краем, как и старые отроги Матры. Даже у председателя своего имени не сохранилось. Далеко окрест все зовут его «товарищ Мичурин», «господин Мичурин» или «дядя Мичурин». Почему? Он тоже стар, как и тот, русский ученый... Он так же трудолюбив, так же любит природу, свой народ и тоже всегда, всегда учится.

— Земля,— любит говорить Вираг,— похожа на суп. Нехорошо, если она несолена. Но нехорошо, если и пересолена! Нужно угадать точно, чего она хочет...

И члены кооператива имени Мичурина изучают, что такое земля и ее дары. Они купили прибор для исследования почвы, рассмотрели структуру земли, точно рассчитали, сколько суперфосфата и калийных солей нужно одному хольду. И когда из других мест приезжали люди посмотреть владения мичуринцев, то земли они не видели: такими высокими и густыми были хлеба, бочку вина, кормовые, сахарный тростник, суданское сорго.

Единоличники-старики поговаривали: в этой земле хорошие пшеничные семена все равно не уродят. Не стоит-де нарушать старые обычаи. Вираг отвечал им:

— Добиться от природы можно всего. Этому учил Мичурин.

Старый Вираг — человек костистый, худощавый и упорный. Уже более шести десятков лет топчет он трудные дороги жизни, но и сейчас еще подвижен и боек. Говорят, что легче руками схватить форель в водах реки Матры, чем в рабочую пору поймать старика Вирага на улице. Вот только что он был тут, а теперь уже на велосипеде мчится к сельсовету или обходит стотридцатихольдный виноградник кооператива. Встает он в пять, ложится в десять, и когда часов в пять пополудни жена хочет заставить его съесть что-нибудь, старик говорит ей:

— Принеси... позавтракать.

У Вирага есть враги. Враги эти — люди хитрые и изворотливые. Кулаки. Ниточки, за которые они дергают, невидимы. Открыто они не нападают. Они лишь подстрекнут своих жен, а те — зятьев, работающих в кооперативе, и так через запутанные узы родства иногда вмешиваются в жизнь кооператива. В прошлом году они поколебали даже Пала Лойчика, одного из основателей кооператива, и десять других семей. Одиннадцать человек ушли из кооператива. Через несколько месяцев, смущаясь, вернулись. Вместе с ними пришло еще тридцать семей.

Тогда кулаки сказали семидесятилетнему Юхасу:

— А что будет, если ты вовсе состаришься? Пока ты еще в силах работать — да! Но стариков кооператив выбросит на свалку.

Старик Юхас не поверил им. Но поверила жена. Она пригрозила мужу, что на старости лет разведется, если он не уйдет из кооператива.

Гергэ Вираг ответил своим врагам не словами — делами. После уборки первую пшеницу он приказал отправить в дома стариков. Дядя Юхас через плетень крикнул кулакам:

— Вот она, пенсия, собачьи дети!

Гергэ Вираг собрал общее собрание, на котором кооператив проголосовал за его предложение: отныне два процента от всех полученных денежных доходов и всего убранного урожая принадлежат престарелым членам кооператива.

...Мы выпили уже целый литр, съели полбуханки хлеба. Вечереет. Тетя Вираг — седовласая маленькая женщина — вяжет в углу комнаты. Дети далеко. В гнезде остались лишь старики.

У Гергэ Вирага две замужние дочери и два сына. Один сын учится на инженера-механика в Будапеште, другой служит старшим лейтенантом в Пече.

— Одна я осталась,— шепчет тетя Вираг.— Улетели из гнезда мои птенчики.

Ее взгляд падает на стол, где Гергэ Вираг подсчитывает предполагаемое число трудодней каждого члена кооператива. В прошлом году на трудодень приходилось сорок три форинта, в этом — около семидесяти. У Пала Лойчика к концу ноября будут все восемьсот трудодней. Он принесет домой что-то около пятидесяти шести тысяч форинтов.

— Какой это Лойчик?

— Да тот, который в прошлом году уходил из кооператива.

В полночь, когда, готовый в путь, я встаю из-за накрытого стола, старик говорит:

— Да ведь ее было всего пятьдесят граммов!

— Чего?

— Да соли, сынок.

Однако после такой щепотки соли я все же осмелился описать старика «Мичурина».

Гергэ Вираг и Андраш Кандра Юхас (справа).

В Японии чтут Мичурина

ミチューリン農業

ふゆの花

一九五五年度運動方針案

ミチューリン
生誕百年祭の年を迎えて
運動のあらたな発展のために

Газета «Мичуринское сельское хозяйство», издающаяся в Японии.

Огромной популярностью в японской деревне пользуется фильм «Сеятели». Небольшие залы, где он демонстрируется, обычно бывают заполнены до отказа.

Первые кадры знакомят нас с небольшой деревушкой в Центральной Японии. Называется она — Иная. Перед зрителем мелкие наделы крестьянских полей, а вдали горы. Меняется кадр за кадром, и мы узнаем, что здесь в 1951 году, впервые в Японии, крестьяне высеяли на своих полях яровизированную озимую пшеницу и ячмень, то есть использовали методы советской агробиологии. Крестьяне получили тут урожай значительно выше обычного, и этот первый успех окрылил их. Так начинается фильм «Сеятели», посвященный развитию мичуринского движения в Японии.

По примеру жителей деревни Иная и в других районах страны стали обращаться к передовым приемам советской агробиологической науки. Крестьяне стали объединяться в кружки для проведения опытов и практического применения мичуринской науки. На помощь пришли прогрессивные ученые и некоторые специалисты с опытных станций. Количество мичуринских кружков быстро увеличивалось, и уже в феврале 1954 года был созван учредительный съезд Всеяпонского мичуринского общества.

Несмотря на то, что мичуринское движение в Японии еще очень молодо, число его сторонников все увеличивается и увеличивается. Как недавно сообщил президент Всеяпонского мичуринского общества профессор Хоккайдоского университета Х. Мацуура, число членов общества, применяющих мичуринские методы ведения хозяйства, достигает 200 тысяч человек. И это в условиях японской деревни, где пережитки феодализма наиболее сильны.

Издающаяся многотысячным тиражом в Японии газета «Мичуринское сельское хозяйство» рассказывает, каких трудов стоит убедить некоторых крестьян в преимуществе методов, предложенных русским ученым. Так, в одной из деревень префектуры Сайтама молодому крестьянину Муто никак не удавалось уговорить своего отца перейти на мичуринские методы выращивания пшеницы. Тогда Муто потихоньку от отца посеял на небольшом поле рядом яровизированную и обыкновенную пшеницу. Прошло примерно два месяца. «Что-то странное происходит на поле,— сказал отец Муто.— Такое впечатление, как будто бы половину поля засеяли пшеницей другого сорта. Как резко отличаются всходы на одной стороне от тех, что на другой!» Услышав это, Муто ответил: «Да, действительно. Одна половина поля засеяна яровизированной пшеницей». Отец остался доволен яровизацией и с тех пор сам стал активно участвовать в работе мичуринского кружка.

В феврале нынешнего года состоялся второй съезд Всеяпонского мичуринского общества. Вместе с крестьянами и учеными в нем приняли участие представители рабочих, преподаватели, работники опытных станций. На съезде было принято решение широко отметить в Японии 100-летие со дня рождения Мичурина. Этот призыв с радостью восприняли японские крестьяне. Вот что, например, пишет крестьянин Васима из префектуры Нагано в своем письме, адресованном московскому радио:

«В этом году в вашей стране широко отмечается столетие со дня рождения Мичурина. Крестьяне всего мира глубоко чтут память этого ученого и надеются, что его учение послужит дальнейшему развитию сельского хозяйства. В Японии очень многие люди изучают мичуринскую науку и на ее основе ведут яровизацию сельскохозяйственных культур.

Этой осенью японские ученые, специалисты, крестьяне, студенты, школьники и рабочие намерены торжественно отпраздновать 100-летие со дня рождения Мичурина и превратить этот день в Праздник урожая».

П. ВЫГОННЫЙ

СТОЛИЦА САДОВОДОВ

Николай ДРАЧИНСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

На окраине города Мичуринска, за рекой, стоит небольшой дом, крепко сложенный из красного кирпича. Здесь всегда много народу: каждый, побывавший в городе, непременно посетит место, где жил и работал Иван Владимирович Мичурин. Среди экскурсантов пионеры и педагоги, председатели колхозов и агрономы, студенты из Китая, Польши, Кореи, Чехословакии. Внимательно осматривают они скромную рабочую комнату Мичурина. На столе инструменты, лупа, пишущая машинка. Барометр, который он сделал сам. На полках книги на русском, французском, английском и немецком языках. В углу красивый шкафчик с надписью: «Большому мастеру новых видов растений И. В. Мичурину. М. Калинин. 1933 г.».

А за окнами дома шумит чудесный сад, выращенный Мичуриным на месте бывшей городской свалки. В нем около ста тысяч деревьев. Этот свой знаменитый питомник Иван Владимирович называл мастерской, где выводятся новые сорта, новые виды растений. Работа в этой мастерской и сейчас идет полным ходом. Заведует основным питомником ученый Павел Никанорович Яковлев.

Памятник И. В. Мичурину в Мичуринске.

Впервые он попал в этот сад давно и несколько необычным путем. Тогда это был не ученый Павел Никанорович, а босоногий Пашка из уездного города Козлова. Однажды со своими товарищами он забрался в сад за рекой полакомиться яблоками, вкуснее которых не было во всей округе. При поспешном бегстве из сада Пашка запутался в колючей проволоке, и его настигли злые песик собачонки. Появившийся хозяин прогнал собак, отцепил штаны злополучного охотника до чужих яблок, сделал строгое внушение, сам нарвал ему плодов и отпустил домой.

Так двенадцатилетний Пашка впервые увидел Мичурина. А много позже, закончив в 1920 году Тамбовское земледельческое училище, волостной техник П. Н. Яковлев вошел в мичуринский сад через калитку и с тех пор стал одним из ближайших учеников и последователей великого естествоиспытателя.

Нынче осенью мы встретили П. Н. Яковлева на дальнем участке сада, перед еще небольшим, но кряжистым деревцем. Меж густых темнозеленых листьев висели крупные румяные груши — плоды не только дерева, но и труда ученого. Селекционер работает каждый день, а результаты своего труда ожидает многие годы. Десять лет назад, весной, когда цвел сад, Павел Никанорович опылил цветок дикой зимостойкой груши пыльцой с дерева, которое растет на далеком юге и дает вкусные, сочные плоды, но не выносит сурового климата. К осени на этой ветке, защищенной марлевым мешочком, созрели плоды. Они не отличались ни видом, ни вкусом от остальных, но семя у них было уже другое. Из этого семечка выросло дерево. И только теперь, когда оно дало плоды, можно узнать, был ли заключенный «брак» растений удачным или нет.

Плоды, созревшие на этом неприхотливом и закаленном деревце, оказались сочными и вкусными. Это подтвердила и отведавшая их здесь же в саду Александра Семеновна Тихонова. Близкая родственница Мичурина, она с десяти лет жила в его доме, помогала ему в трудах и сейчас продолжает его дело.

Первый хороший урожай далеко не конец работы. Селекционер еще долго будет трудиться, проверять, по-мичурински воспитывать растение, прежде чем оно станет законченным сортом плодового сада. Поэтому Павел Никанорович пока осторожно называет новую грушу «перспективной».

Мичуринская «мастерская» давно уже превратилась в настоящую фабрику по выведению новых видов растений. Этот питомник — теперь лишь составная часть Центральной генетической лаборатории, носящей имя своего основателя. В обширных садах и на опытных участках испытывается около 600 новых сортов растений, выведенных Мичуриным и его учениками. Каждую весну в пору цветения здесь производятся сотни скрещиваний различных видов, поиски более совершенных форм плодовых и ягодных культур.

Рядом с Центральной генетической лабораторией раскинулись сады Научно-исследовательского института плодоводства. Здесь растут и изучаются разнообразные сорта плодово-ягодных культур со всего света. Институт, основанный по инициативе Мичурина в 1931 году, имеет свои опытные станции в Мурманске, Астрахани, Якутске, Хабаровске и многих других городах Российской Федерации.

В садах Мичуринска вы встретите много практикантов из сельскохозяйственных вузов. «Не побывать в Мичуринске — все равно, что год недоучиться»,— говорят студенты сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Город Мичурина стал настоящей столицей садоводов.

Большие отряды специалистов-мичуринцев ежегодно выпускает здешний плодовоовощной институт. С одним из выпускников этого вуза мы познакомились в саду Центральной генетической лаборатории. Высокий старик с седыми запорожскими усами быстро, даже как-то порывисто ходил по аллеям. Иногда у какого-нибудь дерева он надолго останавливался. И по выражению его лица казалось, будто он разговаривает с деревом на особом, только им двоим — человеку и растению — понятном языке. Профессор Семен Федорович Черненко — известный селекционер и друг Мичурина — обходил свой участок.

Крестьянский сын С. Ф. Черненко начал опыты по гибридизации шестьдесят лет назад в селе на Черниговщине, когда закончил начальную земледельческую школу. Случайно он познакомился с работами Мичурина, они открыли глаза на многие неудачи Черненко. Украинец послал письмо Ивану Владимировичу, и между ними завязалась переписка. Она продолжалась восемнадцать лет. «Мечтаю поработать у Вас»,— писал Черненко в одном из писем к Мичурину.

Эта мечта осуществилась в 1926 году. Семен Федорович переехал в Козлов, к своему учителю и наставнику.

Черненко шел пятьдесят третий год, когда в городе открылся плодово-овощной институт. Это было в 1930 году. Семена Федоровича, уже известного селекционера-практика, пригласили в институт читать лекции по садоводству. А Мичурин посоветовал ему поступить туда учиться. Преподаватель стал одновременно и студентом. Окончил институт Семен Федорович в один год со своей дочерью: она — дневное отделение, он — вечернее.

Последнее время С. Ф. Черненко много трудится над созданием своеобразного «яблочного календаря». Он хочет, чтобы население средней полосы нашей страны круглый год получало свежие плоды.

— Видите вон ту яблоньку? — говорит Семен Федорович.— Она называется «июльская» — ее плоды созревают уже в июле. А вот это дерево — «суворовец». Эти яблоки дозревают в лежке к февралю и хранятся до самой весны.

Селекционер создал замечательные сорта яблок — «июльские», «победа», «богатырь», «успех», «розовое превосходное», «брат победы», «память Шевченко» и другие. Выведенные сорта уже сейчас дают возможность иметь свежие фрукты десять месяцев в году. Сама идея поработать над «яблочным календарем» была подсказана ему И. В. Мичуриным.

В Мичуринске не только ученые-специалисты выводят новые сорта прекрасных плодов. Когда мы пришли в дом Леонида Михайловича Ульянихина, хозяин собирался в Москву. Рабочий паровозоремонтного завода утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В годы гражданской войны вернулся с фронта в родной дом демобилизованный по болезни красноармеец Леонид Ульянихин. Лечиться было негде, и надоумили его люди обратиться к Мичурину.

— Я тебя, слесарь, вылечу,— сказал Иван Владимирович.— Только ты поправь мне садовый инструмент. Совершенно нечем работать.

С тех пор Ульянихин часто бывал в мичуринском саду. Рабочие помнят телефонные звонки Мичурина к их товарищу: «Леша, приходи чай пить». Сам слесарь тоже завел сад и увлекся мичуринскими опытами. Сейчас у домика Ульянихина растут абрикосы, яблони, груши, вишни и даже грецкий орех. А недавно Ульянихин получил копию постановления, в котором сказано, что саженцы выведенных им груш и абрикоса приняты в государственное сортоиспытание по Тамбовской и Воронежской областям.

Но разве Ульянихин один? Полторы тысячи рабочих паровозоремонтного завода занимаются плодоводством на своих приусадебных участках. Растет и коллективный сад, объединяющий более ста любителей.

В городе Мичурина много садов. Они прекрасны и в пору буйного цветения и в дни осени, когда налившиеся плоды гнут долу отягощенные ветви. Но особенно хочется сказать о садах, которые выращивают юные земляки великого ученого. Здесь вместе с яблоньками и вишнями растет их любовь к родной природе, расширяются познания о мире растений. Здесь они постигают азбуку мичуринской науки.

Растет новое поколение мичуринцев, которое продолжит и приумножит дело И. В. Мичурина, подарившего человечеству ключ к преобразованию зеленого мира нашей планеты.

— Дедушка! Мы пришли вам помогать! — говорят Юра и Лида профессору Семену Федоровичу Черненко.

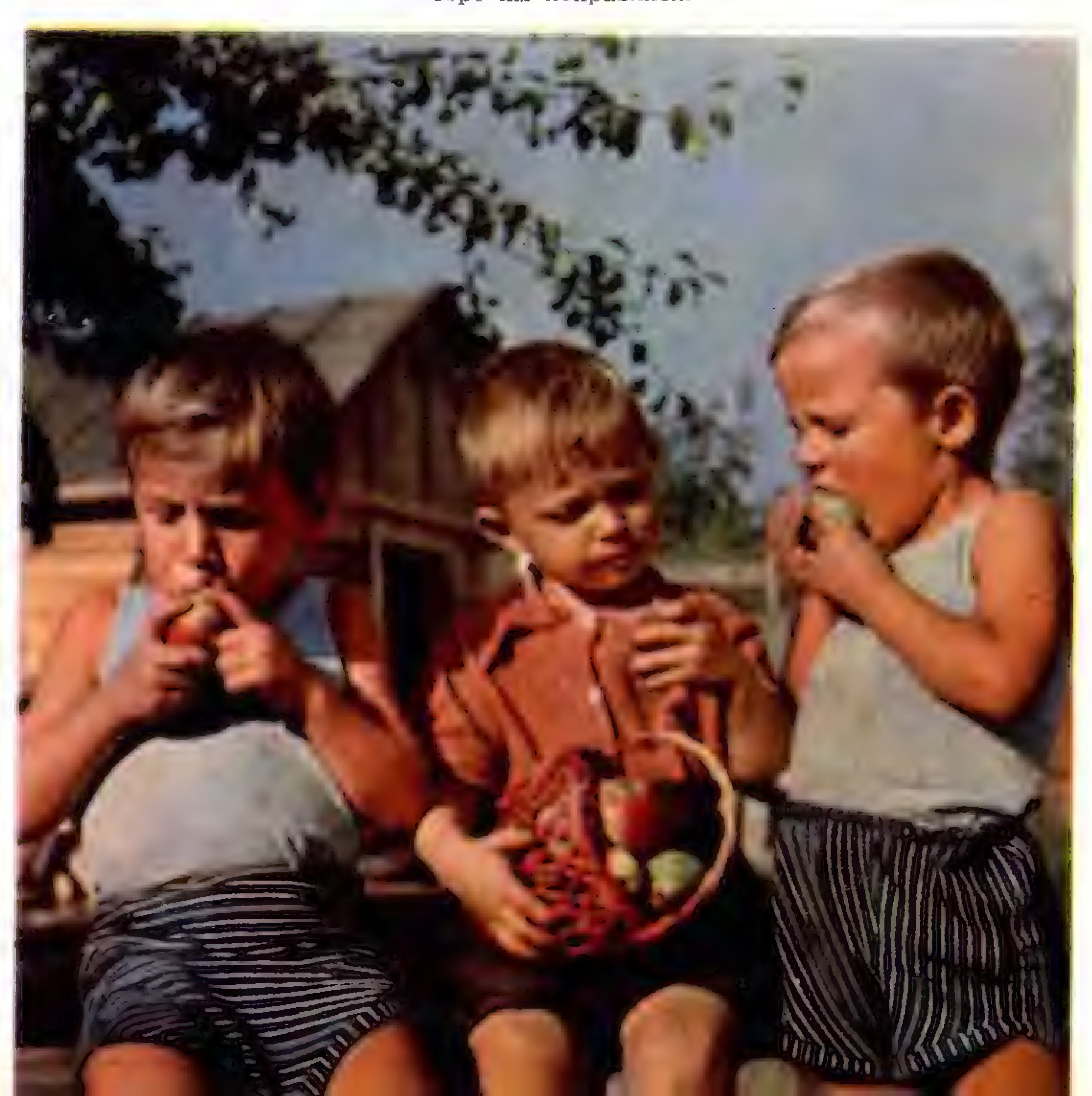
Сады научных учреждений Мичуринска — это исследовательская лаборатория. Студентка Воронежского университета Зоя Назина, проходящая здесь практику, отбирает мичуринские яблоки для исследования.

←
В садах созрел богатый урожай. Комсомолки Клава Курьянова и Тося Миронова собирают яблоки в саду Центральной генетической лаборатории имени Мичурина.

Котельщик мичуринского паровозоремонтного завода Л. М. Ульянихин все свободное время трудится в своем саду, выводит новые сорта плодовых деревьев. В этом ему помогает вся семья (снимок слева внизу)

Осенью, когда созревает урожай, часто заседают помологические комиссии — собрание ученых-знатоков, определяющих качества нового сорта. В саду Л. М. Ульянихина мы увидели тоже «помологическую комиссию». Это были внук Витя и его приятели Игорь и Женя. Судя по всему, новый дедушкин сорт им понравился.

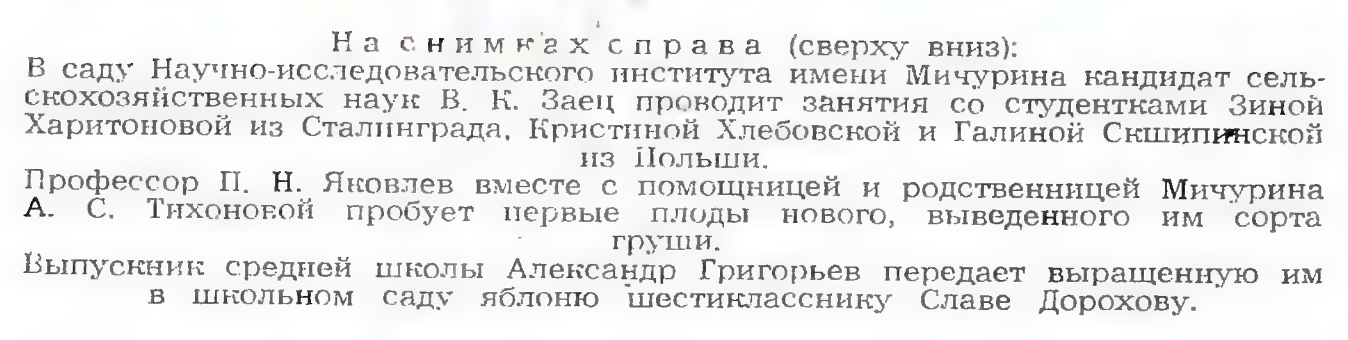
Необычайно пышно цвели сады в Мичуринске нынешней весной.

На снимках слева: Дом, где жил и трудился Иван Владимирович Мичурин. Уголок питомника, выращенного Мичуриным. На этой скамейке он часто отдыхал. Здесь он беседовал с М. И. Калининым.

Всегда много посетителей в Доме-музее. Экскурсовод Людмила Курсакова показывает ребятам рабочую комнату И. В. Мичурина.

На снимках справа (сверху вниз):

В саду Научно-исследовательского института имени Мичурина кандидат сельскохозяйственных наук В. К. Заец проводит занятия со студентками Зиной Харитоновой из Сталинграда, Кристиной Хлебовской и Галиной Скшипинской из Польши.

Профессор П. Н. Яковлев вместе с помощницей и родственницей Мичурина А. С. Тихоновой пробует первые плоды нового, выведенного им сорта груши.

Выпускник средней школы Александр Григорьев передает выращенную им в школьном саду яблоню шестикласснику Славе Дорохову.

Студентка А. Бурцева за опылением яблони.

«КОПЕТ-ДАГ»

Москва радушно принимает литераторов Советской Туркмении. В писательских организациях, рабочих клубах и студенческих аудиториях обсуждаются романы и повести, стихотворения и пьесы писателей братской республики. Они привезли в Москву, на декаду, немало произведений прозы, поэзии, драматургии.

В сборнике «Копет-Даг», изданном в Ашхабаде, нет крупных прозаических произведений. Раздел прозы включает лишь рассказы и очерки. Но и по ним можно судить о некоторых сильных и слабых сторонах туркменской прозы.

На первый взгляд, в рассказе А. Каушутова «Женитьба Елли Оде» мало интересного. Традиционный на Востоке скряга-старик Ханкули хочет выдать дочь замуж за богатого жениха. Елли Оде, вор и пропойца, посылает невесте в подарок двух баранов, но бараны колхозные. Свадьба расстраивается. А бараны уже варятся в казанах. Приходится Ханкули возвращать колхозу собственных баранов.

Ата Каушутов, чуткий к малейшим оттенкам слова, последним мазком дорисовывает образ старого скряги:

«Он вошел в хлев, долго приглядывался к баранам, наконец, выбрал двух — самых тощих — и погнал их за ворота». Правдивость психологических деталей и определяет успех произведения.

Запоминается рассказ молодого писателя Байрама Курбанова «Вода». На пяти страницах ему удалось передать и страхи молодого подпаска, искавшего отару в пустыне, и радость старого чабана Чары, приведшего овец к новому каналу, в котором «вода получше, чем в колодце «Зэкли».

Заметный вклад в туркменскую прозу вносят русские писатели, живущие в Туркмении. Вдумчиво работает над словом Павел Карпов, опубликовавший серию очерков «В Пальварте». Ему удаются образы сильных, смелых, настойчивых людей, как бульдозерист-«подводник» Агзам Худайбердыев, молодой агроном Джума Буриев, инженер МТС Иван Пшеницын и другие.

Читая «Письма Сюльгюн» Рухи Алиева, рассказы Б. Пурлиева, «Сур» Александра Аборского, видишь недостатки туркменской прозы. Жизненный материал, личный опыт писателей не всегда освещен большой мыслью, не обобщен. Иногда для обобщения не хватает и личного опыта.

В поэзии Туркменистана звучат сильные, запоминающиеся голоса.

Успешно работают в жанре эпической поэмы Н. Помма, К. Сейтлиев. Образ деда Аба, рискующего жизнью ради того, чтобы доставить изыскателям карту орошения, обрисован в поэме Н. Помма точными, взволнованными словами. О судьбе иранского мальчика повествует зрелая, интересная поэма К. Сейтлиева «Кемал». Лирические стихи Р. Сейдова, Б. Кербабаева, А. Мергенова, объединенные в одной книге со стихами А. Ковусова, А. Атаджанова и самых молодых поэтов Ш. Борджакова и А. Омаровой, хорошо представляют поэзию современной Туркмении. К сожалению, некоторые стихи туркменских поэтов излишне прозаичны.

В. ВОРОНОВ

«Копет-Даг». Стихи и проза писателей Советского Туркменистана. Туркменгосиздат. Ашхабад. 1955. 332 стр.

Путешествие в тропики

Знаете ли вы, что может дать растущая в тропиках пальма? Пальма асаи дает масло и вкусные овощи — пальмито. С листьев пальмы карнаубы собирают растительный воск. Листья карнаубы используются для производства шляп, корзин, цыновок, мешков. Они же служат для покрытия жилищ и плетения стен. Стволы этой пальмы — недурной строительный материал; из корней карнаубы изготовляются питательные продукты и лекарства. В лесах Бразилии есть пальмы, из которых добывается вино. Такова бурити. Ее так и называют — винное дерево. В тропических лесах Бразилии можно насчитать до тысячи разных видов пальм.

Обо всем этом подробно рассказано в книге ученого-ботаника Л. Родина «Путешествие в тропики». Много в ней интересного и о других полезных растениях. Дыня-мамон содержит вещество папаин, которое вылечивает язву желудка и другие желудочно-кишечные заболевания. Замечено, что плоды этого дерева быстро восстанавливают силы истощенных болезнью и переутомленных людей.

Книга знакомит нас с многими видами бразильской флоры. Любуясь красотами сказочной тропической природы, Л. Родин в то же время описывает вопиющие контрасты, которые можно наблюдать в жизни Бразилии и Аргентины. В этом благодатном крае немало умирающих с голоду людей. В стране, где так много растений, богатых ценнейшими витаминами, многие страдают авитаминозом. Книга в основном представляет собой сочетание научного описания растений Бразилии и Аргентины с хроникальным изложением интересного путешествия в тропики. И оттого, что книгой охвачен чрезвычайно разнообразный круг явлений, она с интересом читается с начала и до конца. Обильные иллюстрации дают наглядное представление не только о растениях, но и о быте местного населения.

О. ЛЮБОМИРСКИЙ

Л. Родин. Путешествие в тропики. Детгиз. Ленинград. 1955. 223 стр.

ЗВЕЗДЫ ЭГЕРА

На книге венгерского классика Гезы Гардони «Звезды Эгера» марка Детгиза. Но издание этого превосходного романа — подарок не только юношеству. Он из тех счастливых книг, которые читают люди всех возрастов.

Это книга о мужестве, о любви к родине, о страстных и благородных людях. В то же время роман Гардони захватывает читателя острым сюжетом, трогает возвышенным лиризмом и заставляет смеяться над полными тонкой иронии сатирическими эпизодами.

«Звезды Эгера» — роман исторический. Действие его относится к середине XVI столетия. То было «смутное время» Венгрии. Выражаясь образным языком Гардони, «в стране происходило то, что изображалось на гербах, где разгневанные грифы тянутся за качающейся между ними короной».

В Венгрию вторглась несметная турецкая армия. Одна за другой падали крепости. Небольшая кучка защитников родины заперлась в крепости Эгер, поклявшись не сдавать ее. Они не получили помощи ни от короля Фердинанда, ни от могущественного архиепископа эгерского.

Начинается осада и вместе с ней наиболее увлекательные страницы романа. Следует приступ за приступом. Две тысячи храбрецов выдержали натиск стотысячной турецкой армии. Изрядно потрепанный противник снял осаду и отступил. Крепость отстояли простые крестьяне и ремесленники, трудовой народ.

В этом большой смысл «Звезд Эгера». Геза Гардони со скрупулезной точностью воспроизвел события, исторические лица и материальный быт Венгрии XVI века. Но его книга явилась выражением национально-освободительных стремлений венгерского народа в конце XIX века (роман написан в 1901 году).

Действие романа протекает на протяжении двух десятилетий. Мы знакомимся с главным героем Гергеем Борнемисса, еще семилетним мальчиком, а прощаемся в финале с опытным воином, искусным полководцем.

Интересный и сильный образ — капитан Иштван Добо, комендант крепости Эгер. Это эпическая фигура, точно высеченная из камня. Таковы же при всем разнообразии характеров и судеб и другие венгерские витязи. Их сила не только в воинской доблести. Это рыцари справедливости, паладины добра. Их религия — любовь к родному народу, их правда — независимость отчизны.

В «Звездах Эгера» десятки эпизодических лиц. Каждое отмечено запоминающимися индивидуальными чертами. Здесь Цецен, безногий старый воин с деревянной рукой, балагур Шаркези, отважный и непоколебимый Балинт Терек. Одним — двумя мастерскими штрихами Гардони умеет обрисовать физический и духовный облик человека:

«Стройный белокурый Золтаи; глаза у него такие, словно он целится копьем, но губы при этом улыбаются».

«Превосходный стрелок Михай Бор с русыми жидкими усами и мечтательным лицом. Казалось, что в гербе его должны быть луна и часы с музыкальным боем».

Описание любви Гергея и очаровательной Эвы Цецеи принадлежит к наиболее сильным страницам романа.

Несмотря на множество действующих лиц и цепь необычайных приключений, сюжет развивается естественно: с таким искусством Геза Гардони расположил события и многочисленных персонажей. Некоторые эпизоды могут показаться искусственными, а финал беглым. Встреча Гергея и цыгана Шаркези выглядит нарочитой. Но яркость и жизненность, с какой описаны люди и обстановка, преодолевают это впечатление. И сцены рыцарской жизни, и картины крестьянского обихода, и военные эпизоды сделаны с большой реалистической силой.

Стиль Гардони разнообразен. То он возвышается до трагедии, то ироничен, то в нем звучит лиризм. То он растекается в пышных описаниях, то находит свою силу в краткости, доходящей порой до предельного лаконизма. Гардони свойственен обаятельный, интимно-дружеский тон повествования.

Перевод романа сделан А. Красновой хорошим языком. С интересом читается беллетризованное предисловие А. Гидаша, повествующее об исторических событиях в Венгрии в XV—XVI веках.

Лев СЛАВИН

Геза Гардони. Звезды Эгера. Роман. Перевод с венгерского. Детгиз. Москва. 1955. 560 стр.

Двухтомник Валерия Брюсова

В майские дни 1945 года на одной из стен поверженного гитлеровского рейхстага рукой неизвестного советского воина были начертаны слова:

И вновь, в час мировой расплаты,
Дыша сквозь пушечные дула,
Огня твоя хлебнула грудь,—
Всех впереди, страна — вожатый,
Над мраком факел ты взметнула,
Народам озаряя путь.

Это строфа из стихотворения В. Брюсова «России». Как созвучна нашему времени выраженная в этих чеканных стихах горячая вера поэта в непреоборимую силу народа, в светлое будущее нашей великой страны!

Выпущенное Гослитиздатом двухтомное собрание избранных сочинений В. Брюсова является одним из наиболее полных изданий произведений замечательного русского поэта.

В первый том включены стихи и поэмы В. Брюсова. Поэт вступил в литературу как общепризнанный глава поэтической школы русских символистов. Но в отличие от многих из них в творчестве В. Брюсова начиная с 900-х годов все отчетливее встает тема народа, родины, революции. В. Брюсов восторженно приветствовал Великую Октябрьскую революцию. «Но выше всех над датами святыми, над декабрем, чем светел пятый год, над февралем семнадцатого года, сверкаешь ты, слепительный Октябрь»,— писал поэт в одном из своих стихотворений.

А. М. Горький называл В. Брюсова самым культурным писателем на Руси. Брюсов был не только выдающимся поэтом, но и превосходным переводчиком, глубоко эрудированным историком культуры и литературным критиком, автором нескольких романов и драматических произведений. Во втором томе представлены переводы В. Брюсова из Вергилия, Данте, Петрарки, Гете, Эдгара По, французских лириков XIX века, Э. Верхарна. В. Брюсов был одним из первых русских поэтов, отдавших много сил переводу на русский язык произведений писателей народов СССР. Велики заслуги В. Брюсова как переводчика армянской поэзии.

Большой интерес представляют литературно-критические статьи, воспоминания и заметки поэта, включенные во второй том. Среди них работы о Пушкине, статьи о Тютчеве, Некрасове, Блоке.

В настоящем издании сочинений В. Брюсова ряд оригинальных стихотворений и переводов поэта публикуется впервые по рукописям, хранящимся в архиве вдовы поэта И. М. Брюсовой.

Н. ЗАМОТИН

ГАЗЕТА «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Пятьдесят лет назад, в обстановке нараставшей революции, большевики получили возможность легально издавать свою газету. Это была «Новая жизнь». Она выходила накануне декабрьского вооруженного восстания — с 27 октября по 3 декабря 1905 года. Все 28 номеров первой легальной газеты большевиков отражают горячее дыхание назревавшей бури.

С ее страниц раздавался мощный голос великого Ленина. Там печатали свои пламенные статьи А. М. Горький, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, М. С. Ольминский и другие.

В книге М. Карелиной «Большевистская газета «Новая жизнь» (1905 г.)», выпущенной недавно Госполитиздатом, читатель найдет много интересных и поучительных сведений о большевистской газете, выходившей в самые жаркие дни первой русской революции.

Следопыт

Евгений **РЯБЧИКОВ**

СХВАТКА НА ОСТРОВЕ

С двумя молодыми бойцами ночью Никита Федорович Карацупа вышел на границу. Новичков пугали кусты, они застывали при виде старого дерева и тут же цеплялись от страха ногами за корневища дубов. Под сапогами глухо трещали сухие ветки, шуршал гравий.

Карацупа останавливался, шептал парням, впервые надевшим шинели:

— Обвыкнете... Не бойтесь...

Чем дальше уходили они от заставы, тем заметнее уставали новички. Но и парни попались упрямые, крепкие: никак не хотели признаться, что выбились из сил.

Над сопками горели звезды. Чуть шумела река. Карацупа шел, вдыхал влажный воздух и думал о новичках, об их будущем. Они, конечно, устали. Не желая задевать их самолюбие, Карацупа сам объявил отдых. Бойцы повалились в кусты.

— Это всегда так спервоначалу, — улыбнулся Карацупа. — Обойдется. Снимайте сапоги, переобуйтесь. Вот так. А теперь отдыхайте, а я переберусь на тот остров. Вон он. — Карацупа показал на песчаный остров около устья шумной речки.— Поищу, нет ли там следов. Бывает, и через остров забрасывают «гостей»...

Карацупа спустился под обрыв, нашел спрятанную в кустах долбленую лодку, вскочил в нее с Ингусом и поплыл к острову. Стоя на корме и упираясь в каменное дно багром, он легко и быстро продвигался вперед. Вскоре Карацупа был около камышей, незаметно исчез в них, будто растворился, и бесшумно поплыл под темным сводом из ивовых листьев. У гнилой ветлы следопыт встревожился: рядом послышался сдавленный гул обвалившейся земли, подмытой быстрым течением, и где-то закричала птица. Карацупа пережидал, вслушиваясь в шум реки, затем спрятал утлую лодку в бухточке, скрытой ивами, подсадил Ингуса — помог ему выбраться на берег,— а потом и сам, цепляясь за ветки лозняка, поднялся наверх. Он лег и осмотрелся. Сзади темнела, чуть поблескивая рябью, река; впереди, на самом песчаном острове, поднималась ивовая роща. Тяжелый, застойный воздух, насыщенный густыми испарениями, кружил голову.

— Вперед, — чуть слышно скомандовал Карацупа и, сгибаясь, осторожно пошел с Ингусом по кустарникам в глубину острова.

Идти им пришлось по звериной тропе под сбитыми бурей деревьями, в лозняке. Тихо было и безлюдно. Ингус не подавал признаков тревоги. Молчали птицы. Никто, очевидно, не заходил сюда ночью. Можно было бы и возвращаться. Но следопыт знал: нужно терпеливо и осторожно осмотреть весь остров, убедиться, что здесь нет чужих следов.

Раздвигая кусты, Карацупа смотрел на мокрый, прибитый волнами берег, заглядывал на поляны, скрытые густыми тенями. Обход уже был закончен, и Карацупа с Ингусом собрался идти к спрятанной лодке, как вдруг с чужой стороны повеяло странным для реки запахом. Следопыт лег на холодную землю и снизу посмотрел на темную воду. На реку падала от скалы с чужого берега черная тень. Под защитой ее плыла лодка. На корме стоял огромного роста человек и медленно упирался в дно шестом.

Тень от скалы не достигала острова. Небольшое пространство, освещенное звездами, заставило незнакомца остановиться, оглядеться по сторонам и, собравшись с силами, несколькими ударами шеста подогнать лодку к острову. Он выскочил из нее на песок и спрятал суденышко под ветлу.

Что дальше?.. Сердце у Карацупы застучало, отдаваясь в висках. Он мысленно сравнил свою небольшую фигуру с человеком-гигантом: схватка будет серьезной...

Нарушитель действовал весьма осмотрительно: прежде всего он лег на землю и стал «слушать ее», потом, продолжая лежать, посмотрел снизу, от уровня корней, на поляну. Карацупа успел спрятаться с Ингусом, и его не заметил человек-гигант. Тогда нарушитель вошел у самого берега в реку и медленно пошел по воде. Изредка, чтобы сохранять равновесие, он хватался за кусты и коряги и шаг за шагом пробирался дальше. На воде после него следов не оставалось.

«Один?..— размышлял Карацупа.— Может, он разведывает остров, а потом вернется и вызовет напарника?..»

Нарушитель прошел по воде на другую сторону острова и сел на камень. Передохнув, верзила снял с себя брюки, рубаху, скрутил из них на голове чалму, взял пистолет в зубы. Бандит сошел по пояс в воду. Он собирался плыть через реку к берегу, где отдыхали молодые пограничники. Только он сделал несколько шагов и погрузился в воду, как Карацупа скомандовал:

— Стой! Руки вверх!

От неожиданности гигант поскользнулся, узел свалился с его головы и, всколыхнув воду, утонул. Поднялся бандит мокрый, задохшийся.

— Выходи!.. Гранату брошу! — деловито сказал следопыт.— Бросай оружие! Руки вверх!

Нарушитель, фыркая и сопя носом, мрачно зашагал к берегу. На фоне звездного неба рисовалась его огромная, мускулистая фигура.

— Лезь на берег! — скомандовал Карацупа.— Не тяни...

Верзила схватился ручищами за корни, подтянулся и вдруг изловчился, рванул пистолет и тотчас побежал по песчаной кромке, выскочил на берег. Но тут он задел ногой за корягу и упал. Вскочив, кинулся в тальник и, на бегу повернувшись, выстрелил в Ингуса. Овчарка взвизгнула.

— Догнать! — Карацупа спустил с поводка Ингуса.

Собака перелетела через сгнившее дерево, перепрыгнула через яму и со всего хода бросилась на голую спину врага. Сильный и ловкий, тот отчаянным усилием сбросил с себя Ингуса, и раненая овчарка отлетела в сторону. Раздался глухой визг, Ингус упал...

От горя и отчаяния Карацупа закричал и выстрелил в бандита. Было темно. Горе сжало сердце следопыта, и рука его дрогнула: пуля прошла мимо. Карацупа хотел вернуться к упавшему Ингусу, хотел взять его на руки, перевязать рану. Но прежде всего нужно было задержать нарушителя. Не чувствуя ни ударов сучков, ни осыпавшегося под ногами холодного песка, ни острых коряг, охва-

См. «Огонек» № 42.

ченный жаждой поймать врага и отомстить за Ингуса, бежал впеpед следопыт.

Бандит мчался через остров к заливу, где была спрятана его лодка.

— Сдавайся!.. Не уйдешь!..— прохрипел Карацупа.

Притаившись за деревом, нарушитель молчал. Только слышалось его прерывистое, тяжелое дыхание. Густая длинная тень ложилась от его фигуры, и по движению тени Карацупа наблюдал за врагом. Сбычившись, тот сжимал в руке револьвер и наблюдал за тенью Карацупы. Нарушитель не собирался сдаваться, но он и не стрелял: берег патроны. По выстрелам Карацупа уже знал, какой системы у врага револьвер, сколько осталось в обойме патронов. Подходить к великану было опасно.

С реки донесся далекий всплеск: на выручку спешили молодые пограничники. Шум услыхал и нарушитель. Тень, ложившаяся от его фигуры, метнулась в кусты. Тут бы и стрелять! Но Карацупа сдержался: бандита нужно взять живым! Враг это понял и тотчас воспользовался своим преимуществом: ломая кусты, вспугивая птиц, он побежал к лодке. Карацупа ждал этого, со всего разбега повалился на землю и снизу, от корней трав, посмотрел на мелькавшие в воздухе голые пятки.

Вот они подскочили над корягой и только коснулись песка — раздался выстрел. Нарушитель вскрикнул, споткнулся и рухнул во весь свой огромный рост. Страшно выругавшись, он поднялся, встал на колено и, не целясь, выстрелил. На голову следопыта посыпались подстриженные пулей листья.

Карацупа спрятался за ветлу: враг стрелял отлично, и нужно было терпеливо ждать минуты для атаки. Нарушитель пополз к обрыву. За ним тянулся темный кровавый след. Временами он поднимался, чтобы прицелиться. Но Карацупа не выходил из укрытия: он ждал.

— В последний раз: стой! — крикнул следопыт и, улучив мгновение, когда верзила перебирался через сваленное дерево, выстрелил ему снова в ноги.

Бандит кинулся вперед, тяжело свалился с песчаной кручи в реку. Холодная вода освежила его, он привстал на колено и зло посмотрел на берег. Карацупа подбежал к кусту и нарочно тронул ветку. Свистнула пуля.

«Остался один патрон...— подсчитал Карацупа.— Нужно заставить выстрелить его в последний раз. Только скорее! А то он бросится в реку... Тогда его унесет течением на чужую сторону... Скорее, скорее!..»

С невероятными усилиями бандит поднялся. Он хотел нырнуть, но тогда над обрывом заманчиво мелькнула тень Карацупы. Бешенство охватило врага, бандит выругался и выстрелил. Тотчас из кустов выскочил Карацупа. Теперь он мог точным ударом из маузера спокойно стрелять в огромное тело врага. Бандит развернулся волчком, всплеснул руками и упал на мокрый песок.

— Лови его! — закричал Карацупа подоспевшим бойцам.— Не давай уплыть... Тащи на берег...

Следопыт тяжело дышал, руки его дрожали, на лбу вздулись синие жилы.

— Что с Ингусом? Где Ингус?..— спрашивал он молодых пограничников.

ЧЕТВЕРОНОГИЙ ДРУГ

Ингус выжил. Дымчатого цвета похудевшая овчарка лежала в клетке на мягкой подстилке и жалобно смотрела на Карацупу. В золотистых глазах Ингуса, обрамленных длинными ресницами, таились боль и тоска. Можно было подумать, что Ингус переживал за Никиту Карацупу: следопыт осунулся, сильный и широкий подбородок его стал острым, как колышек, глаза покраснели и запали глубоко в глазницах.

— Ингус... дружище...— Карацупа вздыхал, молча поглаживая лапу овчарки.

Начальник заставы не беспокоил после всего пережитого Карацупу; следопыт проводил и утро, и день, и вечер около своего четвероногого друга. Боец вспоминал в те часы недалекое время, когда приехал он из казахских степей, слушал на перроне полковую музыку, всматривался в лица пограничников, вышедших встречать молодое пополнение. Ему дороги были эти воспоминания: они возвращали картины первой встречи с Ингусом...

— Так ты в школу розыскных собак хочешь? — критически посмотрел инструктор Ковригин на щуплую фигуру, на короткие ноги и худенькие плечи Карацупы.— М-да!.. Значит, к собачкам хочешь? Так...— Инструктор нахмурился.— Думаешь, с собаками полегче будет? От трудной пограничной жизни бежать хочешь? Ошибаешься! Работать с розыскными собаками трудно, ой, как трудно! И в дождь, и в снег, и в жару, и под ветерок, и когда пули свистят, и когда тьма-тьмища такая, что призраки видишь, — иди, смотри след, ищи нарушителя... Да что я говорю! — встрепенулся Ковригин. — Следы-то ты когда-нибудь видел? Собак видел? Собаку знаешь?

— С Казахстана я,— ответил Карацупа.— Скотину, по-сиротски, пас. Без собаки в степи пастух, что без ног и без глаз.

— Покажи руки! — Ковригин посмотрел на широкие, натруженные ладони Карацупы, потом перекинул критический взгляд на фигуру худосочного бойца. Перед ним стоял невысокого роста, кривоногий, щуплый на вид паренек. Карацупа не просил его, не заискивал, а сурово и просто смотрел на инструктора. Свинцово-тяжелый взгляд серых глаз Карацупы был так холоден, что нехорошо почувствовал себя даже бывалый воин.— В глазах у тебя что, ледники, что ли? — усмехнулся Ковригин.— Тяжелый у тебя глаз, товарищ Карацупа. Это хорошо: гипнотизировать нарушителей будешь. Значит, говоришь, собак видел?

— Когда пастухом был, у меня своя собака имелась, Дружком называл, — обрадованно заговорил Карацупа.— У нас в Атбасаре Дружок мне помогал, по клуням кулацким хлеб искал. В ямах зерно куркули ховали, а он искал.

— Дружок? Это хорошо. Только такое имя пригодно для дворняжки. А для пограничной, для розыскной собаки кличку другую нужно,— законодательствовал Ковригин.— Построже. И чтобы не человеческое имя, и вообще короткое, звучное, с четким окончанием лучше будет. Ну, а след где видел? — Ковригин заглянул в строгие серые глаза Карацупы.

— Собака и след в степи — друзья пастуха, — ответил Карацупа.

Ковригин засмеялся, Карацупа понял: будет он учиться в школе розыскных собак.

— Начнешь с общей подготовки,— сообщил Ковригин.— Потом уже займемся собаками. Школа у нас новая, дело новое, а собак еще мало, только еще заводим: граница обстраивается. Трудности будут. Только духом не падай.

В недавно организованной школе не хватало четвероногих разведчиков, и курсанту Карацупе, стоявшему самым крайним на фланге, как назло, не досталось при распределении собаки. Чтобы Никита не бездельничал, его стали посылать на дежурства, давали ему всевозможные мелкие поручения. Курсант загрустил; нужно было ждать, когда привезут следующую партию собак.

Однажды Никита Карацупа нес очередное дежурство у входа в школу. Вдруг он услышал тонкий и жалобный писк. Звуки доносились из-под моста, висевшего над соседним оврагом. Карацупа побежал в репейник и в нем нашел серых щенков. Мать их задавило автомобилем, и щенки остались полуслепыми, голодными, брошенными на произвол судьбы. Никита поднял их на руки, осмотрел, подул на шерстку, задрал хвосты, потрогал уши и унес в школу.

— Теперь у меня будет собака! — решил курсант.

Все было бы хорошо, как вдруг разразилась буря. Никиту Карацупу вызвали к начальнику школы.

— Как можно без ветеринарного надзора, тайком тащить в школу неизвестной породы и неизвестно какого здоровья щенят? — рассердился командир.

Тщательно бритый, подтянутый, с белой шапкой курчавых волос на голове, мягкий и деликатный, он был выведен из себя.

— Нехорошо! Весьма непохвально, товарищ курсант. Я вами недоволен.

И вдруг Карацупа тихо, но твердо заявил:

— Разрешите оставить щенят... Ручаюсь: будут хорошие сыщики.

— Ручаюсь? Сыщики?..— Начальник школы изумленно посмотрел на курсанта, взял щенков, поднял их на ладони и придирчиво осмотрел.— А вы знаете, товарищ курсант Карацупа, какая это порода? Понимаете вы в экстерьере? В масти?

— Так точно! Понимаю.

— Вот как!..— удивился командир.— Что же это за порода?

— Восточноевропейская овчарка.

— Восточноевропейская? Верно. Впервые была завезена в Россию в тысяча девятьсот четвертом году. А в пятом году ее,— ударился в воспоминания старый офицер, — извольте знать, применяли уже в качестве санитарной собаки. Это было во время русско-японской войны. Ну, вас тогда еще на свете не было. Как я помню, с седьмого года восточноевропейскую овчарку начали регулярно использовать в России на границе: тогда у нас появилась собачья розыскная служба.

Начальник школы увлекся. Собак он любил, знал их отлично, мог часами, без всякого перерыва читать лекции о воспитании служебных собак.

...Щенки подрастали, крепли, становились на ноги. Они были очень похожи друг на друга, как карманные гранаты. Чтобы отличать их, Никита придумал щенятам клички: одного назвал Ингусом, другого — Иргусом. Командир взвода Коростылев посоветовал одного щенка отдать товарищу Карацупы, тоже оставшемуся без собаки. Никита отдал Иргуса, а себе оставил Ингуса. Это был пузатенький, ласковый щенок с веселым нравом. Он любил валяться и без устали резвиться, бегал за любым бойцом, сам себя ловил за хвост и был очень забавен и смешон.

Вскоре забавы Ингуса надоели Ковригину, и он сказал Никите: пора приступать к тренировке собаки.

Нужно было приучить Ингуса ходить рядом, научить его подходить к себе, садиться, отвечать на команды, носить аппортирующие предметы, ходить по буму — бревну, — подползать под проволоку и ограду, перепрыгивать через рвы, водоемы. Нужно было заставить его прорабатывать след. Веселого и благодушного Ингуса нужно было превратить в злую, мстительную собаку, не признающую никого на свете, кроме Карацупы. Нужно было приучить Ингуса к выстрелам и взрывам. Нужно было отучить его от всех милых и забавных повадок и развить в нем строгость. Нужно было и внешне изменить собаку: «убрать» отвисшее брюхо, сделать овчарку сухой, сильной, стремительной.

От этого обилия «нужно» у Карацупы кружилась голова. Но он набрался терпения и постепенно отрабатывал с овчаркой одно

упражнение за другим. Ковригин со своими помощниками производил во время дрессировки взрывы, стрелял по соседству из пугача, кто-то рвал петарды и строчил из пулемета. Ингус дрожал и визжал от страха, прятался в ногах Карацупы. Потом он привык к свисту пуль, к оглушающей трескотне пулеметов. Походы по лесам и оврагам, прыжки через окопы, подъемы по лестницам повлияли на Ингуса: поджалось его брюхо, а грудь, спина и шея стали сухими и прочными. Тело овчарки вытянулось, уши поднялись торчком, Ингус преобразился. Теперь он злился и вставал на дыбы, когда подходил чужой человек, стремглав кидался за брошенным предметом и приносил его к ногам Никиты Карацупы. Ингус охранял оставленную дрессировщиком любую вещь, и горе было всякому, кто попытался бы ее взять.

Пришло время переходить к более сложным упражнениям. На плацу появился одетый в толстый стеганый дрессировочный халат

помощник Карацупы — предстоял
«брать след» и задерживать мн
мого нарушителя.

Самое сложное в дрессиро
ке — поиск человека по невид
мым следам — по запаху. Отыск
вая такой след, собака пользует
и зрением, и слухом, и обонян
ем, и осязанием, но главное е
оружие — обоняние. Когда Кар
цупа был еще пастухом, он зна
что хорошая собака может ра
личать самые слабые, совсем н
значительные запахи и на укатан
ной колесами степной дороге,
на половицах в доме, и на мель
нице — везде. Но только тепер
в специальной школе, постига
сложную науку дрессировки, о
убедился в редкой способност
овчарок разбираться в следах.

— Теперь поговорим о работ
следопыта, — сказал Карацупе на
чальник школы. — Прежде всего
товарищ курсант, выясним, чт
такое след. След — это поэма
След — это роман о жизни чело
века. След — это все! По нем
можно составить смертный при
говор бандиту и оправдать неви

новного. Вы должны запомнить, что собака может отлично брать препятствия, носить поноску, ходить на задних лапах, но это еще цирк. Служба начинается с розыска следа.

В природе существует огромное количество различных пахучих веществ растительного, животного и минерального происхождения. Особой стойкостью отличаются запахи животного происхождения, например, запах пота. Пахучие вещества отдают в воздух «молекулы запаха», они отличаются большой стойкостью. В одном музее сохраняется корень валерианы, который лежит двести лет и все еще пахнет.

Каждый человек имеет свой, ему одному только принадлежащий, индивидуальный запах. Вернее, это «букет» запахов, которые выделяются с потом, кожным салом, отмершими частицами кожи. Они пропитывают, насыщают все: одежду, обувь, все вещи человека. Каждый человек выделяет за сутки около семисот кубических сантиметров пота, а в жару — около трех литров. Чем больше человек волнуется, тем у него обильнее выделяется пот. То же самое происходит, когда человек пугается.

— Запомните, товарищ курсант,— поучающе говорил начальник школы,— очень важное обстоятельство: если дует попутный ветер, то собака может пользоваться так называемым «нижним чутьем»; она обнюхивает почву, но при встречном ветре ей приходится работать «верхним чутьем» — собака нюхает не землю, а воздух, определяя источник запаха.

Карацупа все выслушал с величайшим вниманием и сделал для себя вывод: нужно еще больше учиться самому и больше учить овчарку.

...Сидя теперь около больного Ингуса, Карацупа вспомнил все, что связывало его с овчаркой. Он очнулся, когда около клетки появился дежурный:

— Срочно к начальнику!

— До свидания, дружок.— Карацупа погладил Ингуса, что-то шепнул ему на ухо, вскочил, одернул гимнастерку и, поправив на голове фуражку, зашагал к начальнику заставы.

глухой вздох, и узкий серп луны померкнул. Пепельной тенью подернулись сопки. Потемнела вода. По кустам скользнул ветер.

— Скоро пойдет дождь,— заметил напарник. — Может, ляжем?..

Легкий порыв, долетевший с той стороны, принес запахи спавшего за крепостной стеной города. Пахло то ночными харчевнями, то казармами, то пекарнями. Но Карацупа уловил один, едва заметный, поразивший его запах — человеческого пота.

Карацупа лег на землю. Так он делал всегда, когда хотел услышать шаги. Земля шумела далеким ветром, несла гул речных волн и чуть уловимый грохот идущей грозы. Карацупа заставил себя не слушать ничего, кроме слабых, чуть прослушиваемых шагов: шел не один нарушитель, как подумал сначала Карацупа, шли двое; они коротко ставили ноги, останавливались, что-то опускали на землю.

В отдалении полыхнула молния. Сдержанно прогрохотал над сопками и долиной гром, будто ударили шрапнелью по кустам. Лай крепостных собак потерялся в свисте ворвавшегося ветра. Ветер принес с собой не только острый запах пота, но еще и запах клея и эфира.

«Ага! — чуть было не воскликнул Карацупа.— Теперь узнаю, что они несут».

В спецшколе Карацупа изучил двести сорок запахов, они-то и должны были напомнить ему сейчас ту вещь, которая источала запахи, похожие на эфир и клей. С лихорадочной поспешностью перечислял Карацупа запахи одеколонов, духов, заменителей кож, пластмасс. Ничего похожего! И вдруг вспомнил: примерно так же пахнут перкалевые крылья самолетов. Но не могли же тащить самолет сюда, через границу? Что-то другое должно пахнуть примерно так же. Но что? Карацупа вспомнил: так пахли только что появившиеся тогда провода в хлорвиниловой изоляции.

— Тянут провод! — прошептал Карацупа.

Установив, кто и зачем идет с чужой стороны, Карацупа мог решать, как ему лучше преследовать врага — по пятам или пойти наперерез, к пограничной телефонной линии, куда, бесспорно, тянут свой кабель нарушители. Карацупа направился прямо к телефонным

и они не дураки,— подумал
упа,— то наверняка выберут
ть линии, которая проходит
: там проще всего замаски-
провод».

, где столбы исчезали в
зелени, и шел Карацупа.
лся он раньше «гостей» и
лся в кустах.

ил дождь, тучи высекли
ю. Нарушителей не было...
пустили! — обозлился на-
.— Эх, ты... тоже Ингус на-
! Видишь, не идут сюда,
дем...

он поспешил: при вспышках
около столбов показались
е фигуры. Они пробирались
стам к телефонной линии.
из нарушителей надел на
тальные когти и забрался на

Стой! Руки вверх! — скоман-
Карацупа.

евший на столбе связист раз-
руки, стукнул о дерево ког-
и упал. Второй от неожидан-
повалился на четвереньки.
д проливным дождем, под

грохот раскатистого летнего грома Карацупа повел на заставу подосланных связистов.

ТАЙНА ЗОЛОТОГО КЛАДА

Утром стало известно: у соседей, вблизи озера, задержали банду. Схватка пограничников с группой прорыва была жестокой: с обеих сторон были убитые и раненые. Когда стали выяснять, что это за банда, зачем она шла, то нарушители сознались: шли они с советской земли в чужую и несли с собой золото.

История мешка с золотом была необычной. Во время Октябрьской революции один из крупнейших владельцев золотых приисков на Алдане захватил с собой что мог из драгоценностей и бежал за границу. Изрядное количество золота он закопал в тайге в надежде «на будущие времена». Расчет золотопромышленника не оправдался: ему так и не пришлось вернуться в Сибирь. На смертном одре он завещал сыну спрятанный в сибирской земле мешок с золотом. Сын, кутила и мот, нашел после смерти отца «друзей» — собутыльников, готовых помочь ему снова стать миллионером. Они связали его с иностранной разведкой.

Операция, которая называлась «Надежда», началась с того, что бандиты отправились за золотом в тайгу. Карты не соврали: золото было найдено, вынесено по звериным тропам из тайги и погружено на проходивший самолет. Но в пассажирской кабине произошли неожиданные события. Нетерпеливые бандиты потребовали произвести дележ тут же, в воздухе, в самолетной уборной. Там, где самолет остановился для заправки горючим, главарь усмирил непокорных: двое пассажиров так и не заняли потом своих кресел.

С этого странного исчезновения пассажиров, трупы которых только через неделю нашли с пробитыми черепами, и начались злоключения кладоискателей.

Вскоре они поняли: за ними следят — и решили с боем прорываться через границу. «Золотую банду» схватили, но мешок с золотом исчез. Его нужно было найти. Карацупа сел с Ингусом в кузов грузовой машины и отправился на сопку, где пропал клад. Выжженная солнцем трава была притоптана сапогами, кусты поломаны, камни сдвинуты, трещины запорошены пылью. Как же искать

искал — не нашел! — огорченно сказал начальник заставы, вызвавший к себе на помощь Карацупу.— Во время боя следы перемешались.

Карацупа в задумчивости посмотрел на перепаханную оружием и ногами землю. Ингусу нужен был запах нарушителей, а тут во время схватки действительно все перемешалось. С чего же начинать?..

Следопыт встал, обошел еще раз сопку.

— Так... Это следы крови... Здесь лежал раненый, здесь — убитый.

Овчарку нужно было навести на какой-то след, и от него уже начать поиск. Короче говоря, требовалась рабочая гипотеза. Карацупа подумал: «Мешок с золотом, очевидно, нес кто-нибудь на спине. Если так, то должен сохраниться запах тела бандита». Поэтому Карацупа дал своему четвероногому другу тщательно обнюхать голую истоптанную вершину с темными пятнами крови. Затем, петляя, обошел с собакой всю вершину и широкими кругами стал спускаться по каменным осыпям.

Сбежав по склону, Ингус вдруг остановился и вернулся назад. Он снова обнюхал вершину и, чуть взвизгнув от нетерпения, бросился вниз. Через несколько минут он опять вернулся на вершину, понюхал землю и помчался по склону к тому месту, где только что разгребал ногами землю. Наблюдая за Ингусом, за его беготней от одной точки к другой, Карацупа провел воображаемую линию от вершины сопки к последней остановке Ингуса. Может быть, это и есть та самая траектория полета, которую совершил брошенный вниз мешок с золотом?

Над обрывом собака остановилась. Желтела под скалой долина, в светлом воздухе летали стрижи. Ингус поскреб когтями, взвизгнул, жалостливо посмотрел на Карацупу: прыгать?

Следопыт помог Ингусу осторожно спуститься вниз с камня на камень и добраться до расселины. Радостно взвизгнув, Ингус бросился в узкую щель. Карацупа отстранил овчарку, сам осторожно сунул руку в трещину. Среди камней, во тьме он отыскал замшевый тугой мешок. Пальцы нашли на нем ременную завязку, вытканные на замше узоры. Карацупа потянул мешок, но не смог вытащил находку.

Этот?.. Он осмотрел замшу, дернул шнурки и заглянул внутрь мешочка. В нем тускло сверкало рассыпное золото.

ПАРАШЮТНЫЙ ДЕСАНТ

Подложив под щеку ладонь, Никита Карацупа спал богатырским сном, когда в спальню вбежал дежурный и по боевой тревоге разбудил следопыта. Карацупа вскочил с койки и через минуту и пятнадцать секунд в полной боевой готовности стоял с Ингусом перед начальником заставы.

На этот раз следопыту предстояло покинуть свою заставу и выехать с собакой в срочную командировку в пограничный отряд. Шофер грузовика примчал Карацупу в маленький пограничный городок, затерявшийся среди сопок. Там находился штаб отряда. Карацупу ждал новый приказ: немедленно выехать с собакой еще дальше, в штаб поисковых групп.

Дежурный по штабу сообщил: высадился парашютный десант; на огромной территории проходит большая операция — прочесывают тайгу, сопки, болота; поставлены на ноги войска и милиция.

— И, как назло, у нас размыло после грозы шоссейную дорогу,— огорчился дежурный.— Пригородный поезд будет только вечером... Ждать нельзя... Отправлю-ка я вас на паровозе!

Стальная громада, пышущая жаром, напугала Ингуса. Овчарка ощерилась, фыркнула, вдруг жалобно заскулила. В это время паровоз пустил гулкую струю горячего пара. Ингус перепугался еще больше, бросился к ногам хозяина. Карацупа подхватил на руки овчарку и заставил ее вскарабкаться в паровозную будку. Ингус тотчас забился в угол, к тендеру, и глухо зарычал, когда кочегар захотел его погладить.

— Строгая собачка! — уважительно сказал усатый машинист.— Читал я как-то в газетке про одного пограничника, про Карацупу, кажется, и его собачку Ингуса. Очень интересно сказано. Не знакомы вы с ними?

— Нет, папаша, не знаком,— сухо отозвался Карацупа.— Поедем?

Машинист посмотрел на часы, взялся рукой за реверс.

— Курьерской скоростью доставим, товарищ пограничник, не беспокойтесь!

Локомотив вышел на главный путь и, раскачиваясь, глухо грохоча на стыках рельсов, помчался к узкой пади, потом ворвался в черный от копоти гранитный полуовал тоннеля. Густой дым перехватил дыхание. Ингус зачихал. Локомотив выскочил из тоннеля, и снова поплыли вершины сопок, затуманенные ущелья, тронутые летней желтизной леса.

Через три часа курьерского хода паровоз вышел на узловую станцию. Карацупа поблагодарил железнодорожников, ловко спрыгнул с паровоза на землю, принял на руки оробевшего Ингуса и бережно перенес его на перрон.

Через несколько минут следопыт уже ехал с Ингусом в купе курьерского поезда. Потом он пересел на дрезину и очутился на далеком таежном полустанке в бронированном вагоне, в котором разместился штаб поисковых отрядов.

Продолжение следует.

ЖЕНЕВА

М. МИХАЙЛОВ

Фото А. НОВИКОВА.

Женева... С ней связано столько крупных международных событий, что в воображении невольно возникает огромный город с миллионным населением, дворцами, небоскребами, лесом фабричных труб.

На самом деле Женева — небольшой город. Его можно обойти пешком за полтора — два часа. Живет здесь всего около 150 тысяч человек. Дворец здесь один — Дворец наций, европейская резиденция Организации Объединенных Наций. Небоскреб тоже один, и выделяющийся не столько своей высотой, сколько точным копированием американских небоскребов. Это Отель дю Рон, где помещается генеральное консульство США; американские дипломаты останавливаются здесь, когда приезжают на международные конференции и совещания.

В Женеве почти не видно фабричных труб, хотя в городе насчитывается свыше десяти тысяч промышленных предприятий. Дело в том, что это карликовые предприятия: на них в общей сложности занято около 50 тысяч рабочих, то есть в среднем по пять человек на каждом.

Славу Женевы составляет часовая промышленность. Огромные световые рекламы горят над городом, рекламируя часы всех марок. Часами торгуют десятки магазинов. В большинстве это фирменные магазины, куда часы поступают прямо с фабрик. Фабрики, как правило, только собирают детали, доставляемые в Женеву из городов и деревень, где поколения умельцев довели до совершенства отделку частей сложного часового механизма...

Итак, примерно треть жителей Женевы занята в производстве. Что же делают остальные две трети? Они или владеют отелями, пансионами, магазинами, ресторанами (таких меньшинство) или служат в них (таких большинство). Они обслуживают туристов, приезжающих в Женеву полюбоваться видами прекрасного Женевского озера, побродить по очаровательному Старому городу, потолкаться у Дворца наций в дни международных совещаний...

Туристы приезжают в Женеву на автобусах, автомобилях, поездах. Немало и таких, которые приезжают на велосипедах или даже приходят пешком. Видите этих школьников? Откуда они? Быть может, из Франции или Бельгии. Они устроили привал на набережной Женевского озера, поставив у парапета свои велосипеды и опустив на землю рюкзаки. Здания отелей, что выстроились в один ряд на набережной, не для этих туристов.

Фотокорреспондент обнаружил оригинальных посетителей Женевы. Их двое, и их не видно. Мы ограничимся коротким рассказом об автомашине, в которой путешествуют две девушки из Канады. Эти экстравагантные путешественницы приобрели лондонское такси двадцатых годов и разъезжают в нем из города в город, из страны в страну. Судя по многочисленным названиям городов,

написанным мелом на кузове, на крыльях и даже на колесах машины, до Женевы эти канадки объездили чуть ли не полсвета.

Ну, что же, присоединимся к туристам и выйдем на улицы Женевы.

Сначала, конечно, мы отправимся к Дворцу наций (снимок вы видите в заголовке). Фотографии Дворца в последнее время публикуются столь часто, что дополнительных объяснений не требуют. Наш корреспондент заснял так называемый парадный двор Дворца. Сам Дворец — весьма внушительное сооружение. В нем 820 рабочих комнат, 20 залов для заседаний, зал Совета, где совещались главы правительств четырех держав, и Большой зал Ассамблеи на 2 тысячи мест.

Дворец, построенный до войны для Лиги Наций, находится в большом парке, и отсюда открывается чудесный вид на озеро и на город...

В центр Женевы мы возвращаемся в полдень. Это час, когда Женева обедает.

В это время заполняются кафе. Во многих из них столики установлены прямо на мостовой.

На другом снимке — человек, который в Женеве называется уличным музыкантом.

Теперь мы в Английском парке на берегу озера. Это своеобразная «извозчичья биржа», и, как видно, она не пользуется особым вниманием. Может быть, потому, что в Женеве удивительно мало детей. Один из представителей юного поколения женевцев лихо катит в коляске, нажимая на педали, приводящие в движение два задних колеса и одно переднее, на котором установлен неподвижный «рысак».

А вот и «последний извозчик» Женевы, всеми способами зазывающий любителей экзотики в свой фиакр. Если такие найдутся, извозчик обязательно повезет их в Старый город, узкие улицы которого, кажется, вобрали в себя всю историю Женевы...

Наше беглое знакомство с улицами Женевы подходит к концу. Мы остановимся еще у входа в кино «Рио». В Женеве много кинотеатров. В них идут фильмы многих стран. В этом кино женевцы смотрят наш советский фильм «Броненосец Потемкин»...

Прощаясь с Женевой, нельзя

еще раз не полюбоваться лебедями на Роне.

Нельзя не бросить последний взгляд и на знаменитый фонтан. Кстати, злые языки говорят, что он непрерывно растет, во всяком случае, в путеводителях. Сначала писали, что высота фонтана — 90 метров, в прошлом году уверяли, что 120 метров, а в нынешнем году пишут уже о 130 метрах...

Баркентина уходит в море

Безмерная ширь... По спокойной морской глади величаво плывет крылатый силуэт корабля. Это «Меридиан» — моторно-парусная баркентина, на которой совершают переход по Балтике курсанты Клайпедского мореходного училища — будущие штурманы и капитаны рыболовецкого флота. На баркентине они выполняют все обязанности матросов.

...Солнце покинуло ночлег за краем неба и, умывшись в светлых волнах, поднялось над кораблем. Хорошо! Эймутис Астикас с удовольствием оглядывается кругом. Спокойное море бархатистым ковром мягко стелется под корабль. Игривые бурунчики, взрытые носом, бегут назад и там присоединяются к длинному двойному шлейфу белой пены, тянущемуся за кормой.

В утреннем мареве появилась чуть видная точка. Эймутис Астикас приложил к глазам бинокль: встречный корабль. Скоро уже невооруженным глазом можно разглядеть его очертания. На флагштоке голубой с желтым крестом стяг: шведское торговое судно.

Суда расходятся на встречных курсах, желая друг другу счастливого плавания.

Астикас смотрит на часы. Пора. Звучит сигнал побудки. Дружный топот десятков босых ног рассыпается по палубе.

Утро на «Меридиане» начинается зарядкой.

После завтрака сразу приступают к делам. Курсанты учатся пользоваться навигационными приборами. Разбившись на пары, будущие судоводители работают с секстантами: один наблюдает, другой вычисляет. Потом они меняются местами. Левофланговому Игорю Лаврову не досталось напарника. Но над самым маленьким по росту курсантом взял шефство третий помощник капитана Эймутис Астикас. Он студент-заочник пятого курса Ленинградского высшего мореходного училища и плавает не первый год.

В занятиях незаметно пролетают часы. Ребята все чаще поглядывают в сторону камбуза, откуда по временам доносится частая дробь ножей. Наконец двери судовой кухни широко распахиваются, и из них выплывает шеф-повар Антонина Петрова. Судовой фельдшер Жан Келле с удовольствием снимает пробу с обеда. Хороший борщ, отличные голубцы! Вслед за Петровой на палубе появляется буфетчица Ольга Дубовская с огромным эмалированным баком. Компот даже не колышется: так спокойно море. Другое дело, если бы ветер развел крутую волну. Тогда, пожалуй, Дубовская не рискнула бы поставить стаканы на борт!

К вечеру разогретое за день море жарко дохнуло на «Меридиан». Басовитым гудением ответили ветру туго натянутые снасти.

Короткая, как выстрел, команда бросила курсантов на ванты. Миг — и освобожденная парусина, вдохнувшая во всю свою ширь свежего воздуха, подхватила и понесла баркентину. Дизеля теперь не нужны.

Рассвет следующего дня встретил баркентину неприветливо. Острый нос «Меридиана», как в ком ваты, уперся в плотную стену тумана. Впередсмотрящие Михаил Кутай и Игорь Васильев упорно глядят вперед, но увидеть что-нибудь в этой мгле невозможно. Непрерывно ревет сирена. Она предупреждает встречные суда: осторожно, не подходите близко!

Компот даже не колышется: так спокойно море.

Анатолию Лебедеву впервые поручили ответственное дело: надо проверить глубину.

— До дна 30 метров! — тревожно сообщает он.

Дело серьезное. Сам капитан Виктор Васильевич Кисловский вместе со своим третьим помощником прокладывает курс в штурманской рубке.

Но все обходится благополучно. «Меридиан» миновал мели. Солнце и ветер разогнали туман. И снова белокрылая баркентина парит по бескрайним просторам, держа курс на Ригу. Здесь первая остановка. Капитан разрешает курсантам сойти на берег.

Завтра они снова выйдут в море. Будущим судоводителям предстоит еще много дней плавания. Будут и штили, будут и штормы, будет каждодневный упорный труд...

И. РУДАС

Фото И. Фишериса.

Утро на «Меридиане» начинается зарядкой.

Заработали швабры...

К. Ф. Юон. АВТОПОРТРЕТ. 1953 год. Всесоюзная художественная выставка.

К. Ф. Юон. ЛУБЯНСКАЯ ПЛОЩАДЬ ЗИМОЙ. 1916 год.

Государственная Третьяковская галерея.

К. Ф. Юон. ВИД НА ЛАВРУ.

Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ

«Заморские гости» Л. Шейнина в Центральном театре транспорта. Так началось знакомство приезжих с семьей стрелочницы Матрены Карповны.

Фото А. Гладштейна.

Группа деловых людей Великобритании — член палаты лордов Арчибальд Крамптон, член палаты общин Аллан Гирс, генеральный директор британского лесного консорциума Чарльз Морейль и их переводчица Виктория приезжают в Советский Союз, чтобы лично ознакомиться с советским образом жизни, ближе узнать советских людей. С разными настроениями едут из Лондона эти разные люди. Лорд Крамптон, уже два года изучающий СССР по книгам, по-деловому заинтересован предстоящим знакомством; трезво мыслит британский промышленник Морейль, считающий, что «Англия в целом не может прожить без русского леса, хлеба, льна и многого другого»; зато полон желчи и недоверия Аллан Гирс, напичканный всевозможными сплетнями о Советском Союзе и сам с удовольствием их распространяющий. С откровенной симпатией относится к советскому народу скромная девушка Виктория — переводчица.

Все это действующие лица пьесы Л. Шейнина «Заморские гости», поставленной в Центральном театре транспорта. Автор и театр задались целью—показать, что взаимное недоверие между народами, населяющими государства с различными социальными системами, необоснованно. Это недоверие исчезает, когда люди разных стран узнают друг друга, видят правду своими глазами.

В спектакле Театра транспорта радует многое: и режиссерская работа (постановка В. Гольдфельда), и оформление художника Н. Акимова, и творческие удачи ряда актеров. Роли заморских гостей и советских людей, с которыми встречаются гости, сыграны в театре остро, убедительно. Морейля играет заслуженный артист РСФСР А. Полевой, Викторию — артистка О. Кузнецова, Матрену Карповну — артистка Э. Трейвас, Крамптона — заслуженный артист УССР В. Матов, Аллана Гирса — заслуженный артист РСФСР П. Павленко.

События пьесы дают повод для размышлений. Зритель с удовольствием аплодирует сцене, в которой, прощаясь перед отъездом с жителями Броньки, лорд Крамптон произносит: «Мы люди разного воспитания, разных взглядов, разных социальных систем. Нам нравится наш образ жизни, вам — ваш. Как мудро заметила миссис Матрена, мы «остаемся при своих». Но я верю, что мы расстаемся друзьями».

В этой концовке и заключена главная идея спектакля.

В. ПИМЕНОВ

В ТЕАТРЕ „ХИБИЯ КОКАЙДО"

Татьяна — Кадзуко Ямагути.

В Токийском театре «Хибия Кокайдо» вторично поставлена русская классическая опера «Евгений Онегин» П. И. Чайковского. В спектакле участвуют солисты и хор частной оперной труппы «Фудзивара Кагеки», существующей уже около тридцати лет, и симфонический оркестр города. Постановка тепло принята зрителями и получила положительную оценку в японских газетах.

Ветеран японской оперной сцены Есиэ Фудзивара, владелец и художественный руководитель труппы, исполняет партию Ленского. В роли Татьяны выступает одна из лучших оперных певиц Японии, Кадзуко Ямагути. Музыкальная критика отметила замечательное исполнение партии Гремина певцом Кунинити Охаси. Поставил спектакль режиссер Есио Аояма.

Постановка оперы «Евгений Онегин» лишний раз свидетельствует о большом интересе в Японии к русской и советской музыке, к которой все чаще обращаются здесь постановщики. В последнее время здесь были поставлены балеты: «Лебединое озеро», «Золушка», «Щелкунчик». Часто исполняются симфонические произведения великих русских композиторов, а также советских — Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна.

В. СТАРОВ

«Евгений Онегин» П. И. Чайковского в японском театре. Сцена с письмом Татьяны.

Сцена дуэли. Онегин — Кэнъити Исидзу. Ленский — Есиэ Фудзивара

Две роли

Актрисе Чкаловского областного драматического театра А. Покидченко еще совсем немного лет, но за ее плечами напряженный творческий труд, не одна с успехом сыгранная роль.

Выйдя из актерской семьи, она и свою профессиональную подготовку в театральных студиях получила в связи с непрерывной сценической практикой. Может быть, поэтому лучшие образы, ею созданные, радуют ясностью и цельностью замысла, завершенностью.

В спектаклях нынешнего сезона А. Покидченко играет две совершенно различные по характеру роли. В биографии молодой учительницы Ани Березко (в пьесе В. Пистоленко «Любовь Ани Березко») нет, казалось бы, ничего общего с судьбой Вари Зубаревой из «Дикарки» А. Островского и Н. Соловьева. И вместе с тем эти разнородные и по своему содержанию и по внешнему облику фигуры объединены у А. Покидченко единой темой. В каждой из своих героинь актриса прежде всего видит присущие русскому характеру нравственную силу и цельность.

Героиня пьесы В. Пистоленко Аня Березко встречается в жизни с суровым испытанием своего мужества, воли, гражданского самосознания. Есть в спектакле сцена, в которой кажется, вот-вот зазвучат надрыв, слезы отчаяния. Аня наклонилась над колыбелью сына, она совсем одна; мужу уже наскучил ребенок, и он где-то развлекается. Любви, радости, дружбы уже нет, и разговор со спящим ребенком Покидченко-Аня начинает в состоянии полного душевного смятения. Но постепенно она справляется со своим горем. Ее размышления вслух становятся спором с самой собой, со своей совестью, своим сердцем. Прозрение Ани Березко — путь **освобождения** от давящих ее духовных пут. Так А. Покидченко приводит свою героиню к потерянному было ощущению полноты и радости жизни.

В роли Вари Зубаревой («Дикарка») А. Покидченко играет ярко выраженную комедийную роль. Выросшая в тени русских лесов и садовых яблонь, смуглая, резвая, самобытная Варя Зубарева полна очарования сверкающей, переливающейся через край юности. В отношениях ее с Ашметьевым, этим «израсходовавшимся» господином из краснобайствующих либералов, поначалу больше озорства и детского любопытства, чем настоящего чувства. Но «дикарка» Варя живет среди пошлых, скучных людей, и наговоривший ей много красивых слов Ашметьев в конце концов начинает казаться ей героем. В нем ищет девушка ответа на свое стремление к лучшему, большему, чем то, что дает ей окружающая ее действительность. И оказывается, резвушка Варя — думающий, способный на большое чувство человек. И когда гаснут ее надежды, крушение терпят ее иллюзии, в комедии начинают звучать интонации драмы. А. Покидченко хорошо чувствует и передает этот нарастающий конфликт «дикарки» с действительностью. Так и в классической пьесе молодой артистке удалось раскрыть свою тему, свое понимание жизни.

Л. ЖУКОВА

«Любовь Ани Березко» В. Пистоленко. Аня — А. Покидченко.

«Аким не отвечает...»

Рассказ

Александр РЕКЕМЧУК

Рисунки А. ВАСИНА.

— Аким не отвечает, — бесстрастным тоном сообщила телефонистка.

Василий Кузьмич, секретарь райкома партии, досадливо пожал плечами, повесил трубку и крутнул ручку — отбой. Эти допотопные телефонные аппараты с вращающейся ручкой и сухими элементами еще существуют в сельской местности, и не каждый городской житель, знающий толк, скажем, даже в телевизорах, сразу совладает с таким телефоном, прозванным «штучкой с ручкой».

Василий Кузьмич закурил папиросу и крепко задумался. Деревня Аким, где находится колхоз «Красный партизан», не отвечала уже четвертый день. До весеннего сева оставались считанные дни, и первого секретаря райкома не мог не волновать вопрос: как-то там готовы к севу? Все ли в порядке? Нет ли в чем нужды?

И вообще... четвертый день Аким не откликается. Поневоле лезут в голову беспокойные мысли. Странно. Очень странно...

Захлопали двойные двери, и в кабинет вошел Микушев, председатель райисполкома. По его походке, слишком порывистой при такой грузной комплекции, Василий Кузьмич понял, что Микушев не на шутку встревожен.

— Привет! — Председатель райисполкома бросился в кресло. — Василий Кузьмич, как же быть? До Акима пятые сутки не могу дозвониться. Ума не приложу, что делать!.. Область сводку требует, а какая же сводка без полных данных?

— Ну, сводка — это еще, положим, не самое главное, — заметил секретарь райкома. — Меня другое волнует: почему Аким не отвечает? Что случилось?

— Надо думать, что не сквозь землю провалились.

— За это и я ручаюсь. Но вода нынче высока. Очень высока...

— Может, столбы телефонные подмыло?

Заверещал звонок. Василий Кузьмич снял трубку:

— Слушаю... Линия исправна? Так почему же?.. Правильно!.. Дадим лодку. Собирайтесь.

— Из райконторы связи, — пояснил он, повесив трубку и покрутив ручку. — Предполагают, что неисправность на месте, в Акиме. Техника посылают... Вот что, Илья Афанасьевич, сапоги резиновые у тебя дома?

— Нет, здесь, в шкафу... Только у меня сорок шестой размер.

— В самый раз. Надевай — и поехали...

— Куда?

— В Аким. Ты там последний раз когда был?

— Последний? Э-э... Сентябрь, октябрь... Ну да, перед самыми выборами.

— Вот именно. А я перед самой партийной конференцией. Одевайся!

* * *

Деревня Аким, по печорским понятиям, была не так уж далеко: в ста двадцати километрах от районного центра. Но каждому здешнему школьнику было известно, что на территории их района можно разместить всю Бельгию и Люксембург в придачу.

Работники районных учреждений ездили в командировки за триста и четыреста километров на автомашинах, тракторах, лошадях, самолетах, пароходах, лодках и, как говорится, «на своих на двоих».

Но деревня Аким по праву считалась в районе «полюсом недоступности». Расположилась она на речушке Векве, где всякое судоходство невозможно триста шестьдесят дней в году. Единственной сухопутной дорогой служила лосиная тропа. Посадочной площадки поблизости не было...

Видно, хмурым и нелюдимым мужиком был тот самый Аким, который сто лет назад вбил на берегу Веквы кедровую сваю!

Дул восточный ветер. Райкомовская моторка, зарываясь носом в волны, ломилась против течения. Закутавшись в брезентовый плащ, надвинув до бровей капюшон, Василий Кузьмич сидел у руля. Моторист Федя почти всю дорогу льнул ухом к цилиндрам: новенький мотор проходил боевое крещение. За его спиной прикорнул председатель райисполкома; он просыпался только затем, чтобы перекурить и справиться, сколько километров проехали. Техник из райконторы связи, молчаливый белобрысый парень, осыпаемый брызгами, сидел на носу и, как видно, с большим интересом наблюдал все вокруг.

Половодье на Печоре проходило на самом высоком уровне.

Казалось, лодка плывет не по реке, а по залитой водой широкой извилистой просеке. Берегов не было: справа и слева, вырастая прямо из воды, громоздились стены дремучего леса. Синие ели похлопывали лапами по волнам. Лежали поперек течения вывороченные столетние пихты, и вода бурлила в сплетениях корней. Река была могучей и властной, вырвавшейся из ледяного плена, опьяненной весенним разгулом...

Ночевали в лесу. Жаркий костер развели шагах в десяти от привязанной к дереву лодки. К полуночи всех разбудило громкое шипение: вода языками лизала костер, и лодка уже плясала на волнах. Вода продолжала прибывать.

Но уже розовела зябь, и холодный свет озарил верхушки сосен. Держась за мохнатые ветки, путешественники добрались до лодки. Затарахтел мотор, свежий ветер ударил в лицо, и прянувшие навстречу ледяные брызги заставили забыть о недоспанных часах. Минут через двадцать моторка круто свернула: водная просека разветвилась — Веква.

Но еще полпачки «Беломора» успел искурить председатель райисполкома, прежде чем расступилась стена тайги и глазам предстали крепкие бревенчатые срубы — деревня Аким.

Очевидно, за много километров был слышен рокот мотора, так как на берегу лодку встречали всем колхозом: и бородатые старики, и матери с детьми на руках, и прочее население. Еще издали Василий Кузьмич приметил фигуру Серафима Девяткова, председателя колхоза «Красный партизан». В неизменной гимнастерке с пустым, заткнутым за ремень рукавом, приземистый и щуплый, он суетливо бегал по берегу: такой это был человек, что ни минуты не мог постоять или усидеть на месте (говорили, что это от полученной на войне контузии). А может, просто характер такой...

— Со счастливым прибытием! — закричал он, когда лодка еще подходила к берегу. — Самое время выбрали: еще дней пяток — и через Векву куры пешком шляться будут...

Здороваясь, Василий Кузьмич заметил по задорным искоркам в быстрых зеленых глазах председателя, что он хотя и обрадован, но не очень удивлен их приездом.

— Здравствуй, Серафим Андреевич! Давненько тебя не видел. Как жизнь?

— Да ведь и я вас не видел давненько, — весело, в тон ответил Девятков. — Живем, хлеб жуем, его же сеять думаем. Только сеять-то как? Против прошлого года план мы вдвое увеличили, а рабочих рук не прибыло...

«Ох, хитер человек!» — усмехнулся в душе секретарь райкома, отлично поняв, куда тот клонит, но решил, что этот разговор впереди.

— Со связью что у вас? Неделю добиться не можем...

— Да ну-у? — удивленно поднял брови Девятков. — И я приметил: бывало, на дню вызовов пятнадцать — и райком, и райисполком, и райфо, и райпотребсоюз, и райздрав; все сводки требуют, сведения, цифры... А тут за всю неделю ни одного звонка. Даже на полях побывать можно...

Василий Кузьмич оглянулся, поискав глазами техника.

— Займитесь телефоном, нужна будет помощь, моториста кликните...

Микушев уже шел в деревню, беседуя на ходу сразу с десятком акимовцев.

Василий Кузьмич и председатель колхоза пошли к кузнице, где рассыпал в полутьме искры секретарь парторганизации Трофим Девятков.

Втроем отправились они на поля, оттуда на молочную ферму, потом в конюшню, в зерно-

хранилище, на строительство силосной полубашни.

Уже поздно вечером все трое сели за стол в просторной избе Серафима Девяткова. Дымились в огромной миске густые щи. Свет керосиновой лампы оранжевыми бликами играл на лицах.

— Хорошо, Серафим Андреевич, — коротко изложил секретарь райкома свои впечатления. — В гору идет хозяйство. Молодец!

— Правильно, в гору! — не смутился похвалой, будто подстегнутый, вскочил с табуретки Серафим Девятков. Дыбились на его голове свалявшиеся под фуражкой жесткие волосы, зеленые огоньки опять заметались в глазах. — А чем дальше в гору, тем труднее, тем руки нужнее. А взять их где? Три четверти работающих в колхозе — женщины. А мужики где?

— Война была, Серафим Андреевич...

— Слыхал, — перебил председатель и повел безруким плечом. — Да не в том дело. Мужчины-то есть, но вот где они... Ну-ка, считай, Василий Кузьмич... Девятков Иван Васильевич — продавцом в сельпо шестой год. Другой Девятков Иван — за сорок верст, секретарем в сельсовете. Разве тот и другой грамотнее наших женщин? Навряд. Дальше, Сергей Петрович Собянин в заповеднике наблюдателем устроился, Илья Григорьевич — в лесничестве объездчиком. Теперь возьмем тех, которые в районе бумаги шьют... Девятков Феодосий, инспектор госстраха, — раз, Роман Данилович Девятков, бухгалтер рыбзавода, — два, Собянин Иван, сказать совестно, — кассиром на пристани, — три...

Жилистый и подвижной кулак Серафима Андреевича тяжело опускался на край дощатого стола, как бы припечатывая имена и фамилии.

— А ведь это все наши люди, колхозные. Да еще у себя, в Акиме, найдем таких парочку, что просто гоняют лодыря, об пол пробки вышибают, а у самих партбилеты в кармане!..

Василий Кузьмич слушал, вперив взгляд в колышущийся огонек лампы. Все это он уже знал из письма Серафима Девяткова, присланного еще зимой... Черт, как могло получиться, что не обратил он тогда на это письмо особого внимания, не поехал сразу в колхоз?

— Партия посылает на село лучших людей, умные головы, крепкие руки, — взволнованно и чуточку сердито продолжал Серафим Андреевич. — Приедут работать к нам в колхозы директора заводов, работники обкомов, а мы... свои же колхозные кадры порастрясли по разным канцеляриям, растеряли нивесть где!..

— Между прочим, — густым басом перекрыл слова председателя Трофим Девятков, — есть ведь, и таких немало, что сами обратно в колхоз просятся, а за них вцепились — и с места не тронь. Например, Феодосий Девятков, который инспектором в госстрахе, заявление прислал, уже семью в Аким перевел, а ему второй год замены сыскать не могут. Смеяться бы, так не до смеху нам... У нас план: в миллионеры выйти! Нам люди нужны...

Он смолк, и в избе наступила тишина. Только потрескивал фитиль и порывисто дышал то ли от простуды, то ли от старого прострела Серафим Андреевич Девятков.

Василий Кузьмич отвел взгляд на окна и просто, как будто давая понять, что спорить не о чем, сказал:

— Завтра созывайте партийное собрание. А двадцатого — на пленум. Все сделаем.

* * *

Из Акима уехали на третьи сутки. Уже сидя в лодке, Василий Кузьмич заспорил с Девятковым о неправильном размещении сенокосов, а Микушеву на ходу совали в руки какие-то бумаги, которые ждут неотложного разрешения в районе.

Лодка отчалила и быстро поплыла по течению.

— Приезжайте почаще! — кричал с берега, приставив ладонь ко рту, Серафим Андреевич, и опять Василий Кузьмич с удивлением подумал, что в голосе, как и в глазах Девяткова, неизменно присутствует какая-то не разгаданная им еще хитринка.

«Хитер! Но золотой работник! Забрать бы его в райком, так ведь не отдадут колхозники. И правильно сделают».

Лодка неслась стрелой. Через полтора часа вошла в Печору. Уже спадала вода, уходила буквально на глазах, оставляя полосатые размывы на глинистом берегу. Вода очищалась, светлела, зеркальной поверхностью отражала небо, и только частые щербины водоворотов бороздили глянец.

«Хорошо, что успели по большой воде добраться до Акима», — думал Василий Кузьмич, перебирая в памяти бесчисленное множество дел, которыми занимался эти три дня.

— Полезная вышла командировка, — как будто угадав его мысли, заговорил Микушев. — Десяток жалоб разрешил на месте. Как решения выполняются, проконтролировал. Медали многодетным мамашам вручил... Еще что? Да, лекцию в избе-читальне прочел...

Федя-моторист, улыбнувшись, приглушил мотор, полез в багажник и вытащил из-под замасленной телогрейки тяжелую связку жирных уток-чернядей.

— За день настрелял. Страсть сколько их на старице!

Молчавший доселе техник из райконторы связи, не оборачиваясь, сказал:

— Выходит, только я один зря ездил.

— Как зря? А телефон? — насторожился Василий Кузьмич.

— Телефон? Телефон у них в полном порядке. Просто, говорят, надоело все дела по проводам решать. Хотим, говорят, побеседовать с руководством с глазу на глаз. Взяли и выключили штепсель...

— То есть как выключили? — Микушев даже приподнялся со скамьи и решительно надвинул на лоб картуз. — Это еще что за штучки?

Василий Кузьмич тоже круто сдвинул брови, засопел и вдруг, откинувшись на спинку, захохотал...

Он смеялся долго, до слез, и на его хохот, прокатившийся по реке, сначала гулко отозвались берега, потом его подхватили верхушки кедров, и вот уже раскатистый хохот, быстро разрастаясь, помчался дальше, туда, где туманной цепочкой гор отчеркнуто небо...

Такое эхо на Печоре.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ФРУКТЫ

Теплый, погожий день, какие часто случаются на Дальнем Востоке. Солнце, пробивая листву неяркими пятнами, лежит на дорожках. В саду уже сняты груши, яблоки, сливы, и только тяжелые грозди винограда нет-нет, да и проглянут сквозь светлозеленую листву. Это не дикий виноград, нередко встречающийся в приамурской тайге, это культурный сорт, который в местных условиях испытывает сотрудник Научно-исследовательского института земледелия и животноводства Григорий Тихонович Казьмин.

— Окончательные результаты подводить рано,— говорит он, приподнимая виноградную кисть,— но этот «южанин» чувствует себя у нас в Хабаровске совсем не плохо.

С 1936 года, после окончания техникума в Мичуринске, Григорий Тихонович постоянно работает на Дальнем Востоке. Не оставляя любимого дела, он заочно окончил институт и в 1952 году защитил кандидатскую диссертацию.

Применяя на практике методы И. В. Мичурина, Казьмин вывел новые сорта слив: «Восточная красавица», «Августовская», «Колхозница». В дальневосточных садах прекрасно плодоносят вишни Казьмина — «Хабаровчанка», «Амурка» и другие.

Г. Т. Казьмин.
Фото В. Миронова.

Григорий Тихонович рассказал нам о селекционерах-мичуринцах А. В. Болоняеве, Н. Н. Тихонове, много сделавших для развития местного садоводства, о том, что в нынешнем году жители Хабаровска, Советской Гавани, Комсомольска получили сотни и сотни тонн груш, яблок, слив, выращенных в дальневосточных садах.

В. СТЕПАНОВ

УРАЛЬСКИЕ САДЫ

В дни подготовки к столетию со дня рождения И. В. Мичурина свердловские садоводы открыли областную плодово-ягодную выставку.

Входишь сюда словно в цветущий сад. Густой, приятный аромат свежих фруктов. Горы яблок, груш, сливы — десятки различных сортов. Иные яблоки весом в шестьсот — семьсот граммов. Все это местные сорта, выращенные уральскими мичуринцами.

Один из старейших садоводов Урала, Л. К. Рудой, рассказал нам: лет пятьдесят назад его отец первым в Нижнем Тагиле посеял семена яблок и груш. В то не такое уж далекое время мало кто в Нижнем Тагиле знал, как вырастают фруктовые деревья. Усилия отца Рудого долго не имели успеха. Молодые деревья не переносили уральской зимы и вымерзали. Только через много лет, когда по предложению Мичурина начали выводить зимостойкие сорта, был создан наконец первый фруктовый сад.

За советами к великому преобразователю природы обращались десятки уральских садоводов-опытников. В 1928 году Иван Владимирович написал уральским садоводам письмо «Как выращивать на Урале плодовые деревья».

«...Категорически утверждаю полную возможность основания и ведения промышленного садоводства на Урале,— писал тогда И. В. Мичурин,— но исключительно при условии выводки на месте своих местных сортов плодовых растений из семян».

Эти слова крупными буквами написаны на различных стендах выставки.

Посетители подолгу задерживались у ваз, наполненных ароматными яблоками. Вот «Филипповка» — один из наиболее популярных на Урале зимостойких сортов, выведенный в деревне Бор, Талицкого района, колхозником Филиппом Ивановичем Поповым. Рядом «Кальвиль» свердловского садовода Т. Л. Комлева, «Малютка» селекционера П. А. Дибровы, образцы уральских сортов крупной вишни, выведенных свердловскими садоводами И. Д. Чистяковым и А. М. Олесовым.

На плодово-ягодной выставке в Свердловске.
Фото Ж. Берланда.

Сейчас только в одном Свердловске тринадцать тысяч садоводов, причем около пяти тысяч состоят членами городского мичуринского общества, которое уже второй год является участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Участниками ВСХВ в течение двух лет являются и коллективные сады Уралмаша. Десять лет назад на Уралмашзаводе был организован первый в городе коллективный фруктовый сад рабочих и служащих. Теперь в Свердловске 118 коллективных садов.

С каждым годом ширятся на Урале зеленые острова садов. В 1940 году в Свердловской области было 77 колхозных садов, а теперь их стало 260. Каждый третий колхоз области имеет свой сад.

Край, где еще 50 лет назад выращивание плодовых деревьев многим казалось несбыточной фантазией, постепенно становится краем мичуринских садов. Они проникли уже далеко на север Урала. Яблоки и груши успешно выращивают уже и за шестидесятой параллелью — в Североуральске и Ивделе...

А. ГРИГОРЬЕВ

В ДЕТСКОЙ КОМНАТЕ

Вл. РУДИМ

Фото Е. Тиханова.

Малыш наконец успокоился, смахнул рукой дрожавшие на ресницах слезинки и с надеждой посмотрел на женщину в милицейской форме.

— Мы непременно найдем маму и папу,— говорила Александра Романовна Познухова.— Ну, а теперь скажи: где ты живешь?

Мальчик поднимает обе руки вверх и вытягивается на цыпочках:

— В большом, большом доме!..

Несмотря на весьма относительную точность указанного адреса, заблудившийся четырехлетний Саша через полтора часа был доставлен домой, и даже с подарком — длинноухим зайцем, который «проживал» вместе с другими игрушками в детской комнате милиции.

Много всевозможных хлопот у работников детских комнат милиции Москвы. Им приходится не только выручать заблудившихся, но и заниматься более сложными делами: унимать и воспитывать озорников, бороться с хулиганством, помогать тем семьям, в которых по разным причинам возникли осложнения в воспитании детей.

У старшего лейтенанта П. Бабина много юных друзей в 93-й школе.

...На прием к младшему лейтенанту Марии Иосифовне Сохиной пришла пожилая женщина с жалобой на «отчаянного Кольку». Посетительница тараторит без умолку, всячески поносит Кольку, требует принять срочные и самые строгие меры.

В конце концов Марии Иосифовне становится ясно, что женщина сердита на мальчишку за то, что тот нарисовал ее на кухонной стене «ужасным страхолюдом». На следующий день Сохина пошла на квартиру к Кольке и приняла совсем неожиданные «меры»: указав на неуместность «стенной росписи», похвалила паренька за талант, свела его во Дворец пионеров. И Колька сделался одним из лучших рисовальщиков, оставив в покое кухонные стены.

Поводы для знакомств с ребятами бывают самые разные.

В первом отделении милиции раздался телефонный звонок. Из больницы имени Тимирязева сообщили: поступил Борис К. с сильным ожогом руки. Мальчик рассказал, что он с компанией взорвал трубу, начинив ее карбидом. И работник детской комнаты спешит к дружкам Бориса, чтобы предотвратить новые несчастные случаи.

А вот история совсем иного рода. В начале минувшей весны зашли мы в 96-е отделение и увидели следующую картину.

Перед лейтенантом милиции Татьяной Ивановной Пушкиной стояли трое, отрекомендовавшиеся Вовкой, Славкой и Сенькой. На ребятах напялена уйма одежды: теплые рубахи, свитера, ватники, пальто. Трое неразлучных друзей с Кадашевской набережной были сняты с поезда в ста километрах от Москвы.

— Куда же вы направлялись? — спрашивает Татьяна Ивановна.

— На целинные земли,— отвечает за всех Вовка.

— А что бы вы там делали?

— Что прикажут, там рабочие руки нужны.

При этом «рабочие руки» энергично жестикулируют, обнаруживая на одной варежку, а на другой перчатку — свидетельство поспешных сборов в дорогу.

— Ну, что мне с вами, неугомонными, делать?

Этот вопрос Татьяна Ивановна обращает скорее к себе, чем к ребятам. Нелегко беседовать с подобными гражданами, которых инспектор видит впервые и о которых еще совсем ничего не знает. Но разговор продолжается, «целинники» усаживаются поудобней и, кажется, уже начинают внимать словам о преждевременности подобных путешествий.

В августе четверо одноклассников решили махнуть в теплые края на рыбалку. К счастью, дальше Серпухова четверка «зайцев» не продвинулась. В полном составе «рыбная экспедиция» была возвращена в Москву и с виноватым видом предстала в детской комнате 42-го отделения милиции перед лейтенантом Марией Маркеловной Моисеевой. Так началась дружба Моисеевой с неудачливыми рыбаками. Да, именно дружба. Мария Маркеловна стала частым гостем в семьях этих ребят. Мальчики тоже, в свою очередь, не забывают навещать «тетю Марусю». А дело в том, что Моисеева и ее помощники-комсомольцы нашли для ребят новые, интересные занятия. Так, Толя С. был поручен вниманию студентки Московского экономико-статистического института Валентины Кругловой, которая открыла в Толе горячую страсть к автомобилям. Сперва Толя познакомился с мотоциклом (Валентина занимается в мотокружке), а потом начал интересоваться и автомобилем. «Непременно буду шофером»,— убежденно говорит он. Поведение Толи заметно улучшилось, а вот с учебой все еще неладно. И так

М. Моисеева (вторая слева) часто заходила в городской лагерь завода «Каучук», чтоб узнать, как отдыхают, как ведут себя ее «подшефные». Третья справа — начальник лагеря М. М. Басенко.

Студентка Валя Круглова заинтересовала Толю мотоциклом.

МИЛИЦИИ

как мальчик увлекся техникой и поговаривает о ремесленном училище, взрослые задумываются: может быть, этот путь будет вернее?

В Останкине мать привела в детскую комнату сынишку-второклассника и просит его образумить, так как «Вовка уже бегал в Киев и другие страны».

— Зачем ты убегал из дому?

— Свет посмотреть.

— Ты же еще совсем мал.

— Нет, мне уже десять исполнилось.

Долго длится беседа. Наконец Вова дает слово исправиться. Но так как он уже однажды не сдержал такого обещания, ему не верят. Тогда Вова молча берет со стола лист бумаги, ручку и пишет следующее:

«Я даю 2-ое обязательство, что я не выполнил свое 1-ое обязательство».

И он протягивает этот «документ» с таким видом, что теперь никаких сомнений в его чистосердечном раскаянии быть не может. Заодно мальчик просит мать, чтоб она купила ему набор слесарных инструментов. И тут неожиданно выясняется, что убегал Вовка из дому именно потому, что мать не позволяла мастерить: «Нечего на чепуху деньги тратить да в комнате мусорить!»

Инспектору сразу становится ясно: не только Вовку, но и мать надо воспитывать!

Работникам детских комнат приходится иметь дело не только с безобидными озорниками или «путешественниками». Иногда они решают и очень серьезные задачи.

Подросток Виктор С., у которого умерли родители, бросил школу, начал курить и пить водку. Соседи Виктора оказались людьми черствыми, отвернулись от него и даже потребовали выселения беспокойного подростка.

Совсем по-другому подошли к этому вопросу в милиции. Там твердо верили: можно и нужно вывести парня на верный путь. Прежде всего помогли Виктору избавиться от влияния плохой компании. Возвращаться в школу Виктор не хотел: он сильно отстал. Поэтому его устроили в мастерскую учеником. Через несколько дней из милиции позвонили в артель:

— Как себя чувствует Виктор?

— Сбежал, ничего никому не сказав.

Вот так неожиданность!

И инспектор снова идет к Виктору, тратит на него часы, дни и в конце концов добивается своего: подобрал парню интересную работу — ремонт киноаппаратуры. Вскоре за производственные успехи Виктор получил премию. Через некоторое время он подал заявление в вечернюю школу и теперь уже получает среднее образование.

...Поздно вечером младший лейтенант милиции Мария Иосифовна Сохина заметила мальчика, который бесцельно бродил по улице. И как-то сразу, сердцем, почувствовала, что у парнишки стряслась беда. Подошла к нему, положила руку на плечо, заглянула поматерински в печальные глаза. Через полчаса оба сидели в детской комнате, и Сохина с волнением слушала Валерия Б. Оказывается, он уже неделю не ночует дома. А убежал из-за побоев мачехи.

— Значит, и в школу ты тоже не ходил эти дни?

— Ходил. Только без учебников и тетрадей.

Чем больше узнавала Мария Иосифовна, тем сильнее росло в ее душе негодование: семь дней не является Валерий домой, а его отец до сих пор не беспокоится, не заявил в милицию, не пошел в школу. И в классе никто не обратил внимания на то, что ученик приходит без книг, неумытым.

За долгую службу Мария Иосифовна впервые столкнулась с такой историей и поэтому особенно остро восприняла рассказ Валерия.

Сейчас все это уже дело прошлое: в семье Валерия установились нормальные отношения. Но сколько энергии потратила Сохина, пока наладилась жизнь этих людей!

Бывают, однако, случаи, когда и вмешательство милиции уже не может помочь. Мы видели у Марии Маркеловны Моисеевой женщину, плакавшую навзрыд. Увы, она слишком поздно раскаивалась в легкомысленном отношении к воспитанию сына: совершено уголовное преступление, и слово теперь за судом.

Нелегко быть инспектором детской комнаты. Чужая боль становится его болью, и тогда забываются и еда и отдых.

На этой должности нельзя работать без любви к избранному делу, без страсти и, конечно, без соответствующих знаний и опыта. Татьяна Ивановна Пушкина пришла в детскую комнату после педагогической практики, Александра Романовна Познухова из 113-го отделения — заочница вуза. Учатся и многие другие инспекторы. Кроме того, для них устраиваются семинары, на которых читают лекции по педагогике, психологии.

Естественно, что большинство инспекторов — женщины: дети — их стихия. Но в детских комнатах работают и мужчины. Старший лейтенант Павел Васильевич Бабин из 5-го отделения милиции с не меньшим успехом подбирает «ключи» к детским душам. Он частый и желанный гость в школах, у него большая группа помощников — около двадцати человек: студенты МГУ и фармацевтического института, работницы фабрики, педагоги.

Младший лейтенант Александра Романовна Познухова часто бывает в клубе железнодорожников, где участвуют в самодеятельности «бывшие озорники». С Марией Иосифовной Сохиной мы были дома у Славы С. Отца у него нет, мать работает во вторую смену, и славины тетрадки частенько проверяет инспектор.

...В шумном уличном людском потоке кто-то неожиданно окликает лейтенанта Моисееву. К ней быстро подходит женщина и взволнованно говорит:

— Тысячу раз спасибо вам, Мария Маркеловна, что помогли образумить нашего сына. Нам даже стыдно, что мы так легкомысленно относились к его воспитанию.

Инспекторам детских комнат — людям беспокойной должности — часто приходится слышать слова благодарности.

«Здравствуйте, дорогая Мария Иосифовна,— пишет уехавший из Москвы воспитанник Сохиной Гриша С.— Спасибо вам, что вывели меня на хороший путь в жизни».

Отец Жени П., находящийся в отпуске в Карело-Финской Республике, шлет письмо Т. И. Пушкиной:

«Очень прошу вас, наведывайтесь к моему сыну. Он вас уважает, как родную мать, ваше слово — для него закон. Честно говоря, я даже немного ревную: вы имеете на моего Женю большее влияние, чем я».

...За окном детской комнаты мягкое вечернее сияние фонарей. Пора инспектору заканчивать работу. Женщина с серебряными офицерскими погонами запирает стол с бумагами и шкаф с детскими игрушками и выходит на улицу. Но направляется она не домой, а совсем в противоположную сторону, туда, где живет один из ее подопечных.

Это было в начале минувшей весны. К инспектору Т. Пушкиной привели ребят, пытавшихся убежать на целинные земли.

— Давай, Слава, проверим уроки,— говорит М. Сохина, навестив мальчика дома.

Басни Флориана

Рисунки Ю. Федорова.

Выдающийся французский писатель Жан Пьер Кларис Флориан (1755—1794) происходил из обедневшей дворянской семьи. Со стороны матери он доводился внучатым племянником Вольтеру. В детстве Флориан гостил у Вольтера в Фернее и очень понравился великому писателю своим умом, живостью и остроумием. С помощью Вольтера будущий поэт был определен в пажи к герцогу Пентьеврскому, а затем служил в драгунских войсках.

Писать Флориан начал в конце 70-х годов. Первое крупное его произведение, пастораль «Галатея» (1784), было малоудачным подражанием Сервантесу.

Вслед за «Галатеей» выходят в свет пастораль «Эстелла» (1787), имевшая большой успех у читателей, и стихотворные романы «Нума Помпилий» (1786), отразивший идеи просвещенного абсолютизма, и «Гонзальв Кордовский» (1791). Этими романами в свое время зачитывалось все просвещенное французское общество. В них привлекали высокие чувства и героические характеры. Перу Флориана принадлежат несколько комедий, а также перевод «Дон Кихота».

Заслуги Флориана перед литературой признавались современниками такими большими, что уже в 1788 году его избирают в члены Французской академии.

В 1792 году были изданы басни Флориана — сборник, доставивший писателю всемирную славу. Изящная, простая форма, тонкая, но острая сатира, многообразие тематики, глубина мысли и сжатость изложения, отточенная, сверкающая речь — вот качества, заставляющие отнести басни Флориана к лучшим образцам этого жанра. Басни были высшим взлетом в творчестве Флориана.

Творчество Флориана уже в XVIII веке было высоко оценено у нас в России, где он единодушно был признан вторым после Лафонтена баснописцем Франции. Почти все сочинения Флориана были переведены на русский язык. В конце XVIII — начале XIX века произведения Флориана широко популяризировали своими переводами известные русские поэты В. А. Жуковский и И. И. Дмитриев. Кроме басен, Жуковский перевел на русский язык «Вильгельма Телля», пасторальную новеллу «Розальба», а Дмитриев — сказку «Калиф», лирическое стихотворение «Путешествие».

Мы помещаем две басни Флориана в новых переводах М. А. Донского.

ШАРЛАТАН

Каким-то снадобьем на площади торгуя,
Горланил шарлатан: «Пожалуйте сюда!
Купите порошок мой, господа!
Поклясться вам могу я,
Надежнее лекарства нет
От всех печалей, зол и бед.
Мой порошок поистине волшебный.
Дает он остроумие глупцу,
Честь — плуту, благородство — подлецу,
Супруга знатного — девице непотребной,
Любовь красавицы — больному старику,
Глубокие познания — невежде
И мудрость — дураку.
Добьетесь вы всего, о чем мечтали прежде,
Благодаря лишь чудо-порошку.
Купите, господа, торговля без обмана!»

Был золотой песок товаром шарлатана.

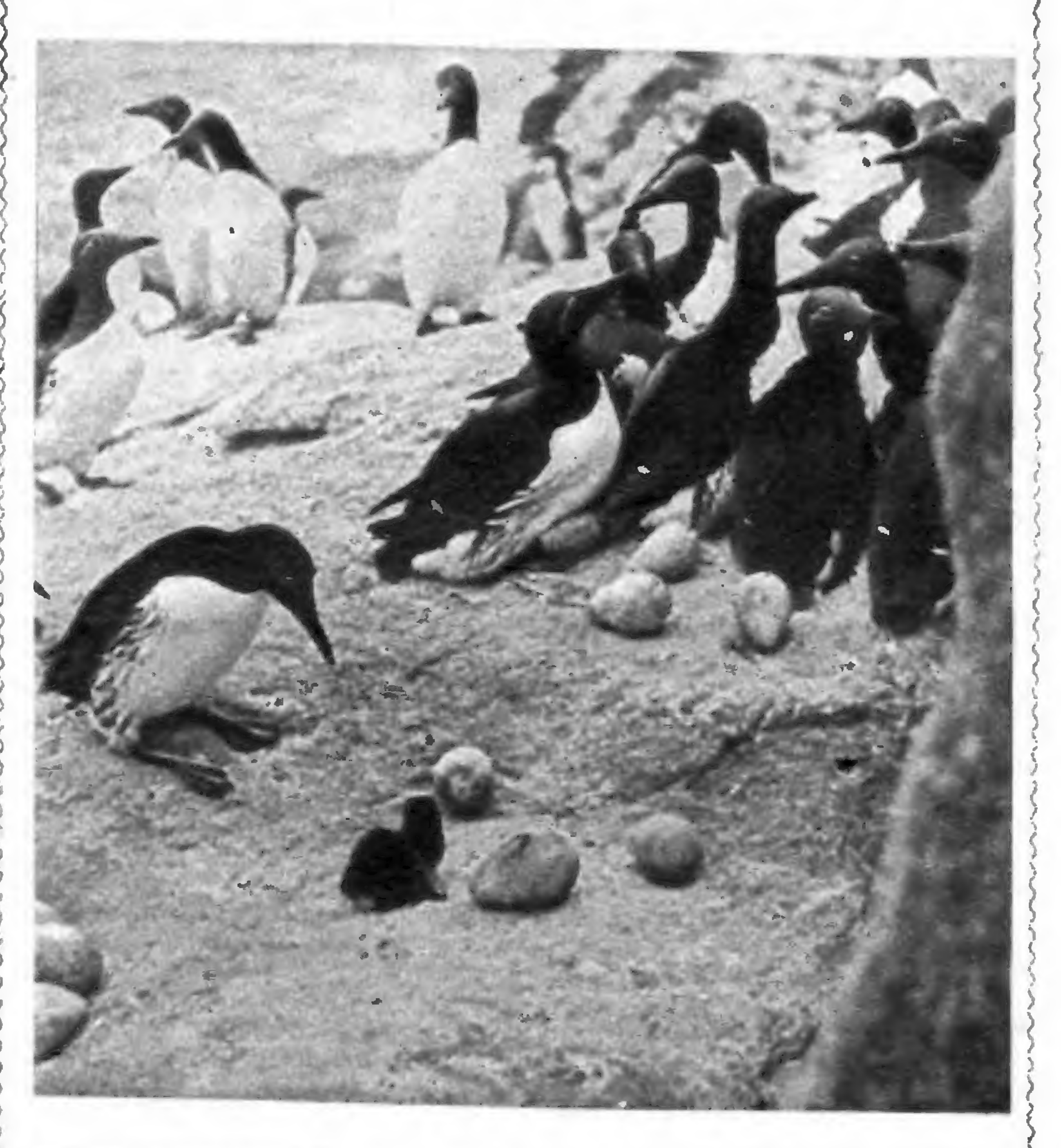

ОТЕЦ И СЫН

«Скажите, батюшка, как преуспеть мне в жизни?» —
Честолюбивый сын родителя спросил.
«Трудись,— сказал отец,— служи своей отчизне,
Не покладая рук и не жалея сил».
«Ох, труд! — вздохнул юнец.— Мне это не по нраву.
А нет ли средств иных?» «Ну что ж,— сказал старик,—
Есть более надежный путь... интриг,
И состояние он многим дал и славу».
«О, нет, я не хочу быть с подлостью знаком,
Порок и труд меня равно́ не привлекают!»
«Тогда будь просто дураком!
Я знаю, многие из них преуспевают».

ИСЧЕЗНУВШАЯ ПТИЦА

Посмотрите на рисунок: такую птицу видели в последний раз в 1844 году у берегов Исландии, в Атлантике. Загремел выстрел, и охотник подобрал «трофей»; он не знал, что уничтожил последнего представителя бескрылых гагарок. С тех пор эту птицу, хищнически истребленную в середине прошлого столетия, можно было увидеть только в музее.

Бескрылая гагарка встречалась в Атлантике в южной части Ледовитого океана. Крупнейшая морская птица (90 сантиметров длины), она имела малоразвитые крылья, которые не держали массивного тела, а служили лишь подспорьем при нырянии. Летать бескрылые гагарки не могли. Бегали они мелкими шажками, держась прямо, как пингвины, и были заправскими рыболовами. В случае опасности бескрылые гагарки кидались с высоты в море и ныряли. Мореплаватели безнаказанно собирали яйца бескрылой гагарки.

В СССР, у Мурманского берега в Баренцовом море, есть группа скалистых островов. Это — заповедник «Семь островов» — место обитания современных родичей бескрылых гагарок — кайр.

На уступах скалы, повернувшись грудью к ней, заботливая пара кайр попеременно высиживает единственное яйцо, отложенное прямо в грунт. Форма яйца, утяжеленного с одной стороны, не позволяет ему скатываться.

Часто кайра, приподнявшись на гнезде, делает несколько энергичных взмахов крыльями — это своеобразные «гимнастические упражнения» птицы, высиживающей яйцо.

Кайры и гагарки обычно гнездятся на открытых уступах скал, мало доступных человеку. Сильно развитые конечности ног помогают птенцу удерживаться на скользких камнях обрыва над морем. От непогоды их защищает густой и жесткий пух.

Вл. МИНКЕВИЧ

Фото автора и Н. Карташева.

Под оранжевой кожицей

В селекционном саду Сочинской опытной станции я осматриваю вечнозеленое деревце. У него кожистые овально-заостренные листья с желтоватыми крапинками. Это садовник Андрей Петрович опылил его серой против вредителей.

На ветках пока еще зеленые грушевидной формы плоды, но скоро они наденут золотистый наряд и тогда словно вспыхнут в изумрудной листве.

Осматривая своего субтропического питомца, вспоминаю всю его историю, которая начинается в домике моего дорогого учителя... Я сижу в кабинете у Ивана Владимировича Мичурина и сбивчиво рассказываю ему о применении его метода в селекции растений.

Меня предупредили, что Мичурин очень занят и потому может уделить мне не более пятнадцати—двадцати минут.

— В Сочи,— говорю я,— могут произрастать только самые морозостойкие виды цитрусовых, и лучше всех из них — мандарин Уншиу. Он редко страдает от мороза и ежегодно дает обильные урожаи.

Рассказывая, я наблюдаю за Мичуриным. Он то развернет книжку и начинает читать ее, то возьмет какой-нибудь прибор и внимательно осматривает его.

«Не слушает старик»,— думаю я, не зная, что говорить дальше.

— Что же остановился? Продолжай.

На меня смотрят пристальные глаза ученого. Я вижу его слегка склоненную набок голову с редкими волосами, высоким выпуклым лбом. Лицо испещрено то извилистыми, то ломаными морщинами, глубокая старость наложила на него свою печать. Нетронутая молодость светилась только в его любознательных глазах.

Я с жаром продолжаю рассказывать о том, что многие иностранные и некоторые наши советские ученые считали невозможным использовать в гибридизации мандарин Уншиу ввиду отсутствия у него семян.

— На нашей опытной станции, применяя ваш метод смеси пыльцы, мы получили в его плодах много семян, в некоторых даже по шестнадцати штук.

Мичурин уже не отвлекается никакими другими делами, внимательно слушает.

— Сейчас, Иван Владимирович, вы увидите это сами,— говорю я и достаю из кармана мандарин.— Он получен от опыления смесью пыльцы, собранной с цветов разных сортов грейпфрута.

— Любопытно: что там находится, под его оранжевой кожицей? — говорит Мичурин и подает со стола прививочный ножичек.— Только осторожно, не заденъ семян,— назидательно добавляет он.

— Их много,— уверенно отвечаю я,— если какое и разрежу, не велика беда.

Блестящее лезвие медленно врезается в рыхлую корочку, в стороны летят брызги эфирного масла, наполняя комнату приятным ароматом.

— Почему же у тебя руки дрожат? — спрашивает Мичурин.

— Волнуюсь, Иван Владимирович.

Осторожно разъединяю половинки мандарина.

— Ну, смотрите, Иван Владимирович,— сияя, говорю я.

Но... смотреть оказалось нечего.

В сочной, искрящейся мякоти не было семян. У меня словно что-то оборвалось внутри, в глазах потемнело, на лице выступил пот.

— М-да...— многозначительно промолвил ученый.— Иногда это бывает, но дело, кажется не безнадежно.

Мне было стыдно и обидно. Утешение Мичурина до меня, по существу, не дошло. Я простился поскорее, вышел, горько переживая свою неудачу.

Вот, называется, похвастался!..

Дома в кармане пиджака я обнаружил измятые половинки мандарина. Очевидно, их положил Мичурин, и я не заметил этого.

Я хотел их выбросить, но вдруг в раздавленной мякоти заметил полное, здоровое семечко. Видимо, зоркий глаз Ивана Владимировича увидел его раньше меня. Потому-то разрезанный плод и оказался в моем кармане.

Читатели, повидимому, догадались, что сейчас я смотрел на деревце, выращенное из этого семечка. Так оно и было на самом деле.

Гибрид начал давать плоды сладкого вкуса, в то время как грейпфруты имеют горький привкус и их едят с добавлением сахара.

Через год—два гибрид мандарина с грейпфрутом, конечно, будет оформлен как новый сорт. Мы назовем его грейпфрутом Мичурина, и для этого, нам кажется, есть основание.

Ф. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук

Сочи.

Ограда-памятник

Эта необычная ограда, сооруженная в Петербурге у Преображенского собора в середине XIX века, по праву может быть названа памятником боевой славы и доблести. Она состоит из трофейных пушек, отбитых в сражениях у противника солдатами русской армии.

А. РЫСКИН

Ленинград.

Театр в Малом Заячьем переулке

Ребята Малого Заячьего переулка в городе Златоусте организовали свой кукольный театр. Притащили из дому куклу, плюшевого мишку, сделали из фанеры дом, из куска материи — ширму. Десятилетняя Вера Душенькина — «главный режиссер» театра — предложила подругам поставить спектакль «Честное слово», который она видела летом в пионерском лагере. Так и сделали.

На премьеру собрались маленькие зрители.

Вера Душенькина играла героиню—куклу, Люба Тишкина исполняла ответственную роль... дома, Галя Микерина изображала медведя.

Юные зрители остались очень довольны спектаклем и актерами.

— Молодцы, девочки! — хвалят и взрослые.— Порадовали малышей.

«Театр» Малого Заячьего переулка хорошо подготовился к осенне-зимнему сезону.

И. ИРИНИНА
Фото Галины Санько

Лес... в саду

Много под Москвой живописных садов, но, пожалуй, трудно найти среди них такой поэтический уголок, какой создал в поселке Мещерском, Кунцевского района, старый садовод-мичуринец В. И. Пашкевич.

Часто приезжают сюда ученые-лесоводы, экскурсии школьников, садоводы-любители. С изумлением рассматривают они, как на шестистах квадратных метрах потеснив плодовый сад, кусочком леса уместились деревья и кустарники ста двадцати пород. И откуда только доставил их сюда неутомимый любитель природы! Рядом с могучими сибирскими лиственницами пирамидами стоят темнозеленые туи, нежатся на солнце южанки-шелковицы, высокой аркой душистых гроздьев сомкнулись белые акации, черно-зеленым лаком листвы блестит магония, в соседстве с краснолистым барбарисом красуется голубая ель. Причудливо склонилась до земли вавилонская ива. Сплошную тень положила вокруг себя широколистая липа. Чернобархатным кажется ствол виргинской черемухи. Как будто дремлет уксусное дерево. Шатром раскинулся серый орех, задевая резную листву аралии.

Здесь вы увидите коренастые дубы и белокорые ласковые березы, пирамидальные тополи и маньчжурский орех, теплолюбивый граб и конский каштан, дуболистую рябину и казацкий можжевельник, сосну Банкса и веймутову сосну, миловидную скумпию, изящную леспедецу, курильский чай, элегантную аморфу, стену зарослей лещины... Взвились после зимовки тонкие побеги глицинии.

За кустами золотистой жимолости и серебристого лоха крохотный пруд. В нем отражаются лилии. Берега заросли травой, метровыми листьями-шпагами сторожит покой аир. Тянется в прохладном воздухе степной запах метельчатой полыни. В глубокой тени, словно зрачки, горят белоснежные цветы багульника, а на пригорке ковриком разлегся лиловый чабер, густыми сплетениями сползает вечнозеленый барвинок.

Здесь же притаились грибы: белые, сыроежки, маслята. Совсем как в лесу!..

П. ЧУМАК

НА ЖЕНСКОМ ШАХМАТНОМ ТУРНИРЕ

Заметки наблюдателя

В турнире претенденток на матч за первенство мира недостаточно сыграть хорошо: надо сыграть очень хорошо, на пять с плюсом. Разыгрывается только одно место, решающее, кто же из участниц составит компанию Елизавете Быковой и Людмиле Руденко в матче трех на звание чемпионки мира в 1956 году.

За последние 15 лет многое изменилось в шахматном мире: наряду с непобедимыми советскими шахматистами появилась и сильная группа советских шахматисток. Американка С. Граф-Стивенсон, которая, как мы сообщали, заявила, что будет победительницей этого турнира, проиграла уже четыре партии. Кстати С. Граф-Стивенсон только недавно стала американской гражданкой: она родилась в Германии, а родители ее — уроженцы Таганрога.

В первой половине турнира советские шахматистки встречались в основном между собой, и некоторые иностранные участницы — М. Лазаревич, Э. Келлер-Герман, Г. Грессер — в ряде туров лидировали.

В 8-м туре К. Голуй, неудачно выступавшая в начале турнира, нанесла поражение Г. Грессер. Это, видимо, сильно ободрило польскую шахматистку, и она решила «специализироваться на лидерах»: в следующем туре от варшавянки пострадал второй лидер турнира — М. Лазаревич (Югославия). В ведущей группе крепко держатся чемпионка СССР Л. Вольперт и В. Борисенко. Вольперт прошла первую половину турнира без поражений.

После 10-го тура во главе турнира становится Э. Келлер-Герман, также не имеющая поражения. Она играет под наблюдением своего мужа — секунданта Л. Германа — и государственного тренера ГДР по шахматам мастера Г. Плаца. Эта тройка шутит: «Зачем нужна вторая половина турнира?»

Однако М. Лазаревич, Л. Вольперт, В. Борисенко возражают: «За девять туров вполне возможно не только догнать, но и перегнать любого лидера». Это, конечно, правильно.

Многие участницы недовольны результатом первой половины турнира. Очень неудачно играет чешка Р. Суха, цейтнот сильно мешает О. Игнатьевой. Все же, как правило, партии развиваются остро и интересно.

Особенно упорно проходила встреча О. Рубцовой с В. Недельконич. Партия продолжалась 10 часов, в ней было сделано 98 ходов! Когда поздно вечером соперницы наконец согласились на ничью, югославская шахматистка с упреком сказала своему мужу — секунданту, международному мастеру С. Недельковичу: «При анализе отложенной партии ты не учел возможный первый ход Рубцовой. Придется освободить тебя от обязанностей тренера, останешься только мужем,— пошутила Недельконич.— Если бы я знала, что будет ничья, я бы давно на нее согласилась. Выигрыша все равно нет, а главное, я прозевала «Золушку» с участием Улановой».

Прошла половина соревнования. Выяснилось многое. Но совершенно неизвестно все же основное: кто будет победителем?

В предстоящих боях пожелаем всем участницам побольше выдержки, крепких нервов и творческих радостей.

САЛО ФЛОР

На литературные темы

Сергей ШВЕЦОВ

Рисунки Е. Горохова.

Из молодых, да поздний

С ним неладное творится,
За него нам надо взяться:
Не успел он опериться,
А сумел уже зазнаться!

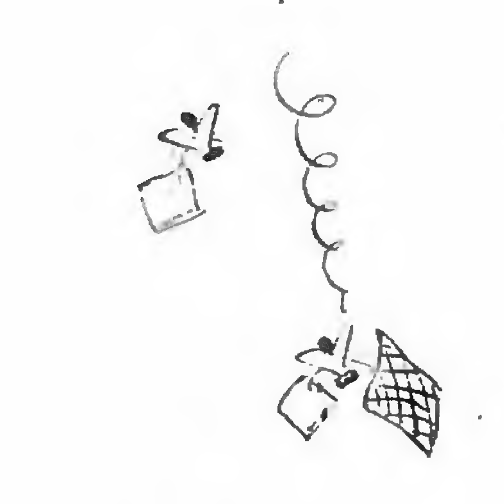

Другу-киносценаристу

(в связи с демонстрацией широкоэкранных фильмов)

За прошлое тебя корить не стану,
Но ты теперь по-новому пиши:
Нужна под стать широкому экрану
И широта писательской души.

Список действующих лиц одной якобы сатирической пьесы

(Пародия)

ОТЕЦ — подлец.
СЫН — кретин.
ДОЧЬ — тупица.
МАТЬ — клеветница.
СТАРШИЙ БРАТ — злостный бюрократ.
МЛАДШИЙ БРАТ — явный дегенерат.
ЗЯТЬ — многоженец.
ДЕД — перерожденец.
БАБКА — скряга.
ПЛЕМЯННИК — стиляга.
ВНУКИ И ВНУЧКИ — барчуки и белоручки.
ДВОРНИК АНТИП — аморальный тип.
ДАРЬЯ-МОЛОЧНИЦА — сплетница и склочница.

Встречаются также по ходу пьесы ДУРАКИ, ОБОЛТУСЫ и БАЛБЕСЫ.

Чудеса химии

Пространный свой роман, безумно скучный,
Разбавил беллетрист фантастикой научной...
Недавно эта книга вышла в свет,
И оказалось (вот так штука!),
Что никакой фантастики в ней нет,
Науки нет: их поглотила скука!

СКОЛЬКО ВОДЫ УТЕКЛО...

Рисунки Ю. Черепанова.

О КРАСКАХ И КАЧЕСТВЕ ПЕЧАТИ РЕПРОДУКЦИЙ

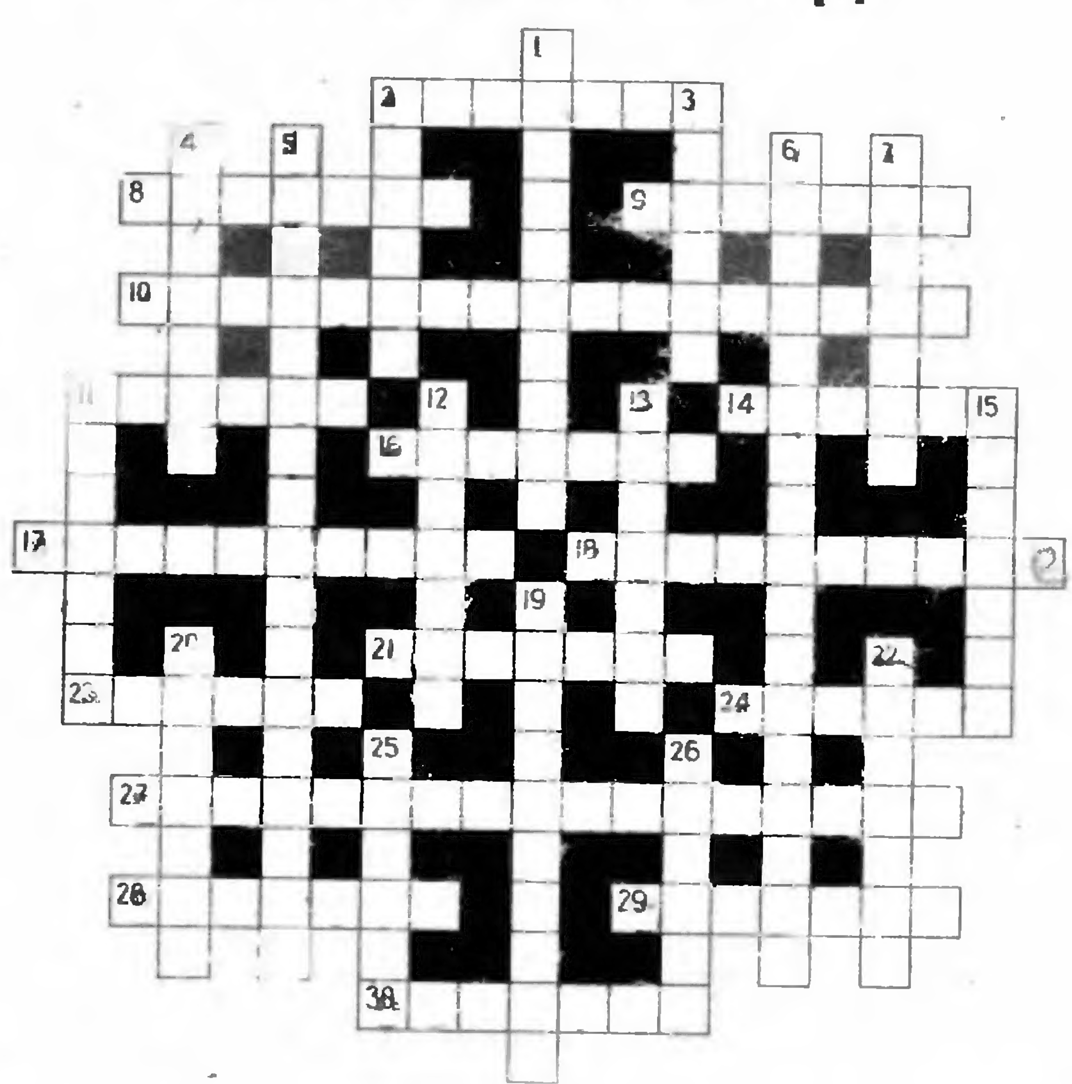
Среди писем, поступающих в редакцию журнала «Огонек», многие посвящены художественным вкладкам. Читатели отмечают, что наряду с хорошо отпечатанными репродукциями картин встречаются и такие, где искажен колорит и цвета не совпадают с оригиналом.

К сожалению, читатели правы. Так, например, в последних номерах журнала расходятся с оригиналами репродукции некоторых работ И. Репина, А. Грицая и других. Типография издательства «Правда», в которой печатаются репродукции, публикуемые в «Огоньке», объясняет это тем, что химическая промышленность выпускает только одну бирюзовую краску, к тому же не удовлетворяющую требованиям печатного дела. Краска эта мало интенсивна, нестабильна, не чистая по тону, не обладает нужными печатными свойствами. Поэтому вместо бирюзовой краски для печати обычно вынуждены пользоваться синими, также далеко не чистыми по тону красками, чем и вызывается отступление от оригинала, особенно при репродуцировании таких картин, в которых изображены яркие, солнечные пейзажи: нет нигде весенних светлоголубоватых облаков, искажается цвет моря на картинах И. Айвазовского, исчезает из картин яркая зелень.

Вопрос о красках для печатания репродукций картин обсуждался не раз, но он до сих пор еще не решен.

Поэтому типография издательства «Правда» и редакция журнала «Огонек» вынуждены обратить внимание Министерства химической промышленности на создавшееся положение и просят принять необходимые меры для производства нужных печатных красок.

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Вечнозеленое хвойное дерево. 8. Название сборника стихов Т. Г. Шевченко. 9. Русский микробиолог. 10. Понятливость. 11. Закром для различных материалов и изделий. 14. Подвижная часть подъемного крана. 16. Французский композитор XIX века. 17. Земельное пространство с определенными границами. 18. Сущность, смысл. 21. Уверенность в добросовестности, искренности. 23. Мастерская живописца, скульптора. 24. Государство в Европе. 27. Независимость. 28. Восхищение. 29. Полуостров на западе Франции. 30. Род памятника.

По вертикали:

1. Главная линия. 2. Животное рода лисиц. 3. Научное, публицистическое сочинение. 4. Льняная ткань. 5. Находчивость. 6. Героизм. 7. Мера веса. 11. Легкая постройка в саду. 12. Духовой инструмент. 13. Гриб. 15. Земноводное растение. 19. Город в Запорожской области УССР. 20. Садовые ножницы. 22. Благородный металл. 25. Бухгалтерская журнальная статья. 26. Птичка из рода зябликов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

3. Бухта. 6. Ричардсон. 9. Талант. 11. Сатира. 14. Бузина. 15. Лавина. 17. «Комик». 20. «Тени». 21. Автор. 22. Капля. 23. Овес. 24. Соль. 25. Сюжет. 27. Купол. 29. Амга. 30. Репин. 31. Пируэт. 33 Сантим. 34. Шиллер. 35. Кладка. 36. Аннотация. 39. Копье.

По вертикали:

1. Лупа. 2. Этюд. 4. Гитара. 5. Портал. 7. Кабина. 8. Яровая. 10. Тенор. 11. Сурик. 12. Рубильник. 13. Интонация. 16. «Нерон». 17. Колер. 18. Канун. 19. Семга. 25. Студия. 26. Театр. 27. Киоск. 28. Линька. 32. Тюлень. 33. Стадия. 37. Обод. 38. Альт.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин К. Ф. Юона и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05558. Подп. к печ. 18/X 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 863. Заказ 2662. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.